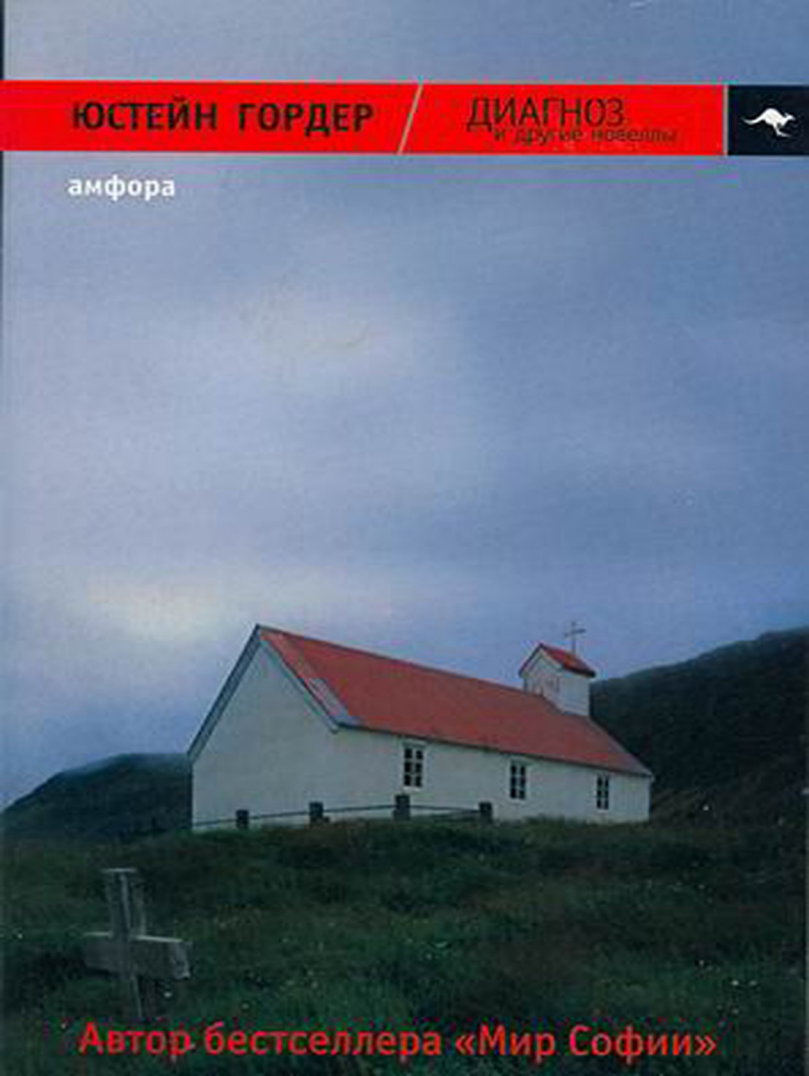
ЮСТЕЙН ГОРДЕР

ДИАГНОЗ

и другие новеллы

амфора



Автор бестселлера «Мир Софии»

ДИАГНОЗ и другие новеллы
ЮСТЕЙН ГОРДЕР

Аннотация
ЮСТЕЙН ГОРДЕР. ДИАГНОЗ. и другие новеллы
РЕДКОСТНАЯ ПТИЦА
СКАНЕР ЭПОХИ
  I. ПРОИЗВОЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ
  II. ПЛЕРОМА
  III. ГИБЕЛЬ НАУКИ
  IV. КОНЕЦ ИСТОРИИ
  V. АБСОЛЮТНЫЙ СЛУХ
БУДДА
ДИАГНОЗ
  АСФАЛЬТ
  РЕНТГЕН
  РАДИЙ
  У РЕЙМЕРСА
  СИДДХАРТХА
  АПРЕЛЬ
  МИР
  ЗВЁЗДЫ
  АЛКОГОЛЬ
  ПОНИМАНИЕ
  СМЕХ

МАСКИ
МНОГОНОЖКА
ОСВОБОЖДЕНИЕ
ТЕОБАЛЬД И ТЕОДОР
I
II
III
IV
V
НОЧЬЮ
МАМА
ШАГ НАЗАД
КРИТИК
УПРАЖНЕНИЕ
ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ НЕ ХОТЕЛ УМИРАТЬ
МИР СВОБОДЕН
ЛОЖНАЯ ТРЕВОГА
ЭЛЕКТРОННЫЕ ЧАСЫ
КОГДА С ВИЗИТОМ ПРИШЁЛ ПИСАТЕЛЬ
SECOND HAND
МЕСТО ВСТРЕЧИ — ЭНГЕЛЬСБОРГ
АКТ ПЕРВЫЙ
АКТ ВТОРОЙ
АКТ ТРЕТИЙ
СВОБОДА
ОПАСНЫЙ КАШЕЛЬ

ОРГА́Н
КАТАЛОГ
I
II
III
ПИСАТЕЛЬ И ФИЛОСОФ ЮСТЕЙН ГОРДЕР

Аннотация

В книгу, которую вы держите в руках, вошли ранние новеллы Гордера. В них он обращается к темам, которые позже блестяще разовьёт в своём творчестве, — философия жизни и смерти, загадочная природа человека, тайны творчества и любви.

Юстейна Гордера знают в мире как замечательного детского писателя. Большинство его книг написано для детей и подростков.

Его бестселлер «Мир Софии» переведён на 46 языков и издаётся миллионными тиражами. Гордер — лауреат множества международных премий и наград, включая престижнейшую Золотую медаль Х. К. Андерсена.

Романы «Vita Brevis» и «Апельсиновая девушка», уже известные в России, служат подтверждением тому, что и книги, предназначенные для взрослого читателя, удаются Юстейну Гордеру великолепно. «Диагноз» — это первая книга норвежского автора, принёсшая ему славу настоящего мастера литературы и знатока человеческой души.

Одиннадцать блестящих новелл связаны между собой небольшими эскизами, которые поистине будят мысль. Автор выступает как настоящий гуманист, рассуждающий о месте человека в мире, о смерти и любви, об искусстве и катастрофах нашего времени.

Aschehoug

ЮСТЕЙН ГОРДЕР

ДИАГНОЗ
и другие новеллы

РЕДКОСТНАЯ ПТИЦА

Мир очень стар, так говорят[1]*. Но мир твой редко существует более ста лет. Это мы, люди, стары.*

До тех пор, пока на свет будут появляться люди, он всегда будет совершенно новым и по-субботнему свежим[2]*, как на седьмой день, когда Господь отдыхал.*

Ныне мы — свидетели Творения. На наших глазах поднимается великое дело Творения. При ярком дневном свете. Это — неслыханно! Мир созидается буквально из ничего.

А некоторые ещё говорят, что им скучно!

Большую часть времени мир спит. Космос большей частью — также.

Только лишь порой мир стряхивает сон со своих глаз и пробуждается к самосознанию.

— Кто я? — спрашивает мир. — Откуда я появился?

---

[1] Примечания: 1

Сравни русскую поговорку: «Старо, как мир». (Здесь и далее примечания переводчика.)

[2] Примечания: 2

Суббота — день отдыха и праздничный день в еврейской религии, с вечера пятницы до вечера субботы.

Всего на несколько секунд редкостная птица садится на наши плечи.

СКАНЕР ЭПОХИ

I
ПРОИЗВОЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ

I. 1. НЕКОГДА, много-много лет тому назад, жизнь протекала под открытым небом. Дом был там, где находили приют, когда бывали голодны или мёрзли. Если же возникала надобность встретить себе подобного, приходилось прилагать усилия, чтобы отыскать человека. Но это всё — далёкое прошлое. Зачем нам выходить из дома, когда всё в мире происходит за закрытой дверью?

Человек живёт всего лишь 80–90 лет. В каком-то смысле мы, естественно, живём вечно. Мы не можем спрятаться от наших потомков. Через тысячу лет наверняка та или иная сбитая с толку личность увидит меня, сидящего здесь пред экраном телевизора. Но мы и переживаем себя не более чем на 80–90 лет. Зачем же нам тогда выходить под открытое небо?.. Все мы, вероятно, забираем с собой всё что можно. Сам я все последние недели

слишком занят войной во Вьетнаме[3].

Отвратительная история. И то же самое повторилось через несколько лет в Афганистане. Но это может подождать до следующего месяца.

I. 2. ЭТО НАЧАЛОСЬ с радиоприёмников в первой половине XX века. Почти трогательное чувство охватывает тебя при мысли о том, какое глубокое волнение, именуемое мукой выбора, принесло, должно быть, в те дни радио. Внезапно стало возможно принимать сигналы со всех уголков земного шара прямо у себя дома. Если бы люди только знали, что вот-вот произойдёт! Но уже тогда радио стало важнейшей частью нашей жизни. Что такое были новости, услышанные где-нибудь в английском баре или немецкой пивной, по сравнению со свежими новостями из Нью-Йорка или Токио?

Это понятно всем — история известная. Между тем следует отчётливо видеть бросающееся в глаза сходство радиоприёмника со сканером нашего времени. В принципе появилась возможность принимать тысячи радиостанций из многих

---

[3] Примечания: 3

В 1964–1965 гг. США развернули воздушную войну против Демократической Республики Вьетнам; в 1965 г. ввели в Южный Вьетнам войска, взяли на себя непосредственное ведение войны против патриотических сил.

сотен стран.

Некоторые стали даже радиолюбителями. То есть они приобрели или собрали свой собственный маленький радиопередатчик, так что могли тем самым спровоцировать к себе интерес всего мира. Своеобразным стимулятором подобного вида деятельности явилось множество ближних радиовещательных станций, выраставших, словно грибы поганки, примерно с 1980 года.

Расстояния в пространстве начали тогда всерьёз утрачивать своё значение. Естественно, телефон и телеграф, получившие фантастическое развитие на протяжении всего XX века, стали добрыми помощниками радио.

I. 3. ЕЩЁ ДО ТОГО, как в мире появилось радио, проводились эксперименты с живыми картинами.

Как всем известно, фильм представлял собой грубую форму односторонней коммуникации. Платишь несколько крон и занимаешь место в кинозале. Единственной свободой выбора, предоставленной простому человеку, оставалась возможность покинуть зал до конца сеанса. (Может ли кто-нибудь сегодня представить, с каким восторгом мир встретил кино?)

Но вот в жизнь пришло телевидение. Примерно

в 1970-х годах оно стало привычным во многих частях земного шара. Тогда-то и начали закрываться кинотеатры. Удобно откинувшись на собственном диване, целые семьи могли следить за тем, что происходит на экране.

Чуть позже начал свою экспансию видеомагнитофон. Сначала на магнитной ленте закрепили звук, ныне то же самое проделали с живыми картинами.

Видеоаппараты штурмом захватили мир. Номера в гостиницах были тут же оснащены новым чудом. Телевизоры в домах теперь получили совершенно новые возможности: отныне семьи могли уже сами выбирать фильмы, которые им хотелось посмотреть. Видеокассеты можно было за бесценок взять напрокат в небольшом магазинчике на углу. И более того: через каких-нибудь десять лет после появления нового изобретения большинство современных семейств имели уже свою собственную видеокамеру.

Человеческая жизнь и история были теперь прикованы к магнитной ленте. Даже самые гнусные преступления можно было запечатлеть с помощью видеокамер на улицах, на станциях метро, в банках — словом, везде, где только пребывают люди. Мало-помалу стало надёжнее

находиться у себя дома Там появилось гораздо больше интересных занятий.

Вслед за видеоаппаратами распространилось и так называемое кабельное телевидение. Однако гораздо большую популярность снискало телевидение спутниковое благодаря всевозрастающему количеству спутников, опоясавших земной шар. С середины 1990-х годов каждый владелец телевизора мог принимать десятки телевизионных станций — некоторые имели возможность выбирать среди нескольких сотен каналов.

Через пятьдесят лет телевидению стали доступны и коротковолновые межконтинентальные станции.

Ныне возможности видео- и телевизионных программ отнюдь не уменьшились. В любое время по телевизору можно принимать множество каналов. И если всё же не найдёшь для себя ничего интересного — я говорю: в таком случае всегда останется несколько полок с немалым количеством кассет, которые ещё не успел посмотреть. Коллекция их обычно бывает достаточно внушительной.

Ревностные собиратели фрагментов действительности обрели колоссальные возможности. Уже теперь люди предпочитают покидать улицы

и площади. Вполне естественно! Чем, в общем-то, могут соблазнить улицы? В своей собственной комнате ты имеешь доступ к любой форме отдыха и развлечений.

I. 4. ВОЗМОЖНОСТИ ПРИЁМА телевизионных передач крайне возросли благодаря революции в области электронно-вычислительных машин, свидетелем которой мир стал в конце XX века.

На рубеже веков количество телевизоров и компьютеров достигло уже рекордной величины. Создание телевизионной сети соединило весь мир в единую коммуникационную сеть.

Около 2030 года почти любая форма оплаты услуг, перевод денежных средств и заказ товаров происходят прямо у вас дома. Ты больше не зависим от собственного видеоаппарата или собственных видеокассет. Больше не нужны и собственные книги, пылящиеся на полках шкафов.

Всё, что только пожелал увидеть, — и всё, что только пожелаешь узнать, может быть затребовано непосредственно из банка данных в машине, стоящей у тебя в комнате или в кухне. А если ты пожелаешь ксерокопию словарной или газетной статьи, стихотворения или романа, они запросто могут быть выведены с помощью домашнего

принтера.

Каждый получил теперь доступ ко всем свежим или вчерашним новостям, к старым и новым фильмам, вся история искусств оказалась доступна благодаря видеопродукции — короче говоря: ряд новаций нашей собственной эпохи стал будничным явлением уже в первой половине XXI века.

С начала XXI века старый звуковой телефон уступил место видеотелефону. А говорить в трубку — вовсе не то же самое, что говорить лицом к лицу. Мимика — важная часть общения. Кроме того, приятно видеть человека, который тебе нравится. (Ну да, многие полагают также: приятно обнять человека Парадокс, но видеотелефон способствовал в этом отношении отдалению людей друг от друга.)

Следует также заметить, что по всему земному шару были теперь распространены видеомагнитофоны, которые без лишних комментариев показывали, что происходит на планете. Какая погода на всём земном шаре, можно, стало быть, непосредственно наблюдать, включая кнопки магнитофона. Сидя в уголке дивана, можно заглянуть во все уголки мира.

Так или иначе — и таков мой пуант[4] — всё же чуточку грустно то, что случилось под нашим небосводом. Выйти за его пределы в широкий мир означало бы колоссально ограничить его горизонт.

I. 5. МОЖНО ПИСАТЬ длинные научные трактаты о развитии коммуникаций до эпохи сканера, причём здесь можно найти множество ключей к истине. (Особо хочу рекомендовать работу «От барабана к сканеру эпохи».) Здесь мы довольствуемся лишь обзором, кратким подведением итогов.

Всё более старые формы коммуникации — включая развлечения и получение всякого рода знаний — концентрировались к середине XXI века вокруг телевизионного экрана. Все человеческие контакты, будь то сообщения между континентами или меж поколениями людей, концентрировались вокруг монитора.

Всё соединилось в одной-единственной сети Интернет. В каждой комнате — к вашим услугам один или несколько экранов. Самым привычным, как и сегодня, является один большой экран в каждой квартире и экраны поменьше в других

---

[4] Примечания: 4
Заключительное мнение (фр.).

помещениях. (Примерно в 2080 году уже не редкость экран на каждой стене во всех комнатах.) Сегодня большинство, пожалуй, считает, что это лишает нас атмосферы домашнего уюта. Но с другой стороны: когда режешь хлеб на кухне или сидишь в туалете, неплохо что-нибудь посмотреть. Иначе кажется, что напрасно теряешь время. Ведь всё в пределах досягаемости. Весь мир сосредоточен на кухонной скамье. И если мы не пользуемся такой возможностью, это свидетельствует лишь о полной апатии.

С самого начала XXI века мы можем говорить о подлинной two ways коммуникации[5]. Сеть Интернета сделала не только доступным воспроизводство всех форм информации на экране. Она открыла возможность визуального контакта с любым живущим на свете человеком. Вероятность застать человека дома составила бы примерно 87 % в 2050 году. (Сегодня это число составляет 97 %.)

Люди по-настоящему ушли с улиц и площадей. Раньше экраном служила площадь. Чтобы отвлечься, шли прогуляться по городу, а сегодня, чтобы купить помидоры или встретиться с дру-

---

[5] Примечания: 5
Двойной, двусторонний (англ.).

гом, достаточно просто вернуться домой.

II
ПЛЕРОМА[6]

II. 1. РАДИКАЛЬНО НОВОЕ в истории человечества началось примерно в 2100 году после ряда сенсационных прорывов в области квантовой физики.

Уже примерно к 1900 году было ясно, что атомы не состоят из крохотных кубиков непроницаемой материи, как представлял себе это Демокрит[7]. Они делятся на ещё более мелкие «элементарные частицы».

Тем не менее предстояло ещё выяснить, что и этим «кирпичикам мироздания» не хватало твёрдости и целостности, служивших основой всего материализма Сталкиваясь, элементарные частицы всевозможными способами превращаются друг в друга, а также рождают новые частицы. (Причина, естественно, заключается в том, что

---

[6] Примечания: 6

Полнота *(греч.)*. Термин гностической и христианской мистики, означающий некоторую сущность в её неумаленном объёме, без ущерба и недостачи.

[7] Примечания: 7

Древнегреческий философ-материалист (р. ок. 470 или 460 до н. э. — умер в глубокой старости). По Демокриту, существовали только атомы — неделимые элементы — и пустота.

так называемые элементарные частицы — вовсе не элементарны.) Это — группы кварков[8].

Принцип дополнительности (Бор[9]) был известен уже с начала XX века. Речь шла о постматериалистической тенденции развития в современной физике. Нечто более панегирическое было сказано в какой-то период об «эмансипации физики от человеческого разума» (см. ключ к решению — «Квантовая физика», реф. Планка, Эйнштейна, Бора, Шрёдингера, Гейзенберга, Дирака, Эддингтона и Паули[10]).

Именно тогда, когда пытались обнаружить мельчайшие частицы материи, они исчезли. Во всяком случае, они оказались более призрачными, нежели предполагалось. Говорили, что «поток сознания движется в направлении не механиче-

---

[8] Примечания: 8

Гипотетические фундаментальные частицы, из которых, как предполагают, состоят все адроны (элементарные частицы, участвующие в сильном взаимодействии).

[9] Примечания: 9

Бор Нильс Хенрик Давид (1885–1962) — великий датский физик, один из основателей современной физики, теории атома, которая легла в основу квантовой механики. Лауреат Нобелевской премии (1922). Почётный член АН СССР (1929). По принципу дополнительности, сформулированному Бором, при экспериментальном исследовании микрообъекта могут быть получены точные данные либо о его энергиях и импульсах, либо о поведении в пространстве и времени.

[10] Примечания: 10

Замечательные учёные мирового масштаба, основатели современной физики, квантовой механики, астрономии и т. д.: *Планк* Макс (1858–1917) — немецкий физик, основоположник теории квантовой механики; *Шрёдингер* Эрвин (1887–1961) — австрийский физик-теоретик, один из создателей теории квантовой механики; *Гейзенберг* (Хайзенберг) Вернер (1901–1976) — немецкий физик-теоретик, один из создателей квантовой механики; *Дирак* Поль Адриен Морис (1902–1984) — один из создателей квантовой механики; *Эддингтон* Артур Стэнли (1882–1944) — английский астроном, автор трудов по теории внутреннего строения и эволюции звёзд, теории относительности; *Паули* Вольфганг (1900–1958) — швейцарский физик-теоретик, один из создателей квантовой механики и основоположник релятивистской квантовой теории поля.

ской действительности». «Вселенная начинает всё больше напоминать великую мысль, нежели великую машину» (Джинс, «Квантовая физика», 4,312). Или, как выразил это Эддингтон: «Материя мира — это материя души».

Если бы они только знали, какими открытиями занимались!

А волноваться было из-за чего. Блуменберг доказал в 2062 г., что действительность существует в пяти измерениях, из которых видимая Вселенная составляет лишь четыре первых части. Время и пространство — атрибуты одной-единственной субстанции, которую мы ныне называем «Плерома».

Это Лабиди из Туниса смог в конце концов привести доказательство того, что движение кварков осуществляется в Плероме — где время и пространство совпадают в непрерывной линии.

Тем самым все шахматные фигуры были расставлены по местам. Множество законов физики сконцентрировались в одном универсальном законе природы.

II. 2. ЕЩЁ РАНЬШЕ, в XVIII веке, французский

математик Лаплас[11] бредил о таком состоянии ума, когда в заданный период времени было известно расположение всех частиц материи. Для этого ума не было «ничего сомнительного, и будущее, как и прошлое, лежало словно бы открытым его взору».

Так вот «ум», который представлял себе Лаплас, стало быть, существует. Это — то, что мы называем «Плерома», хотя он не более «разумен», чем банк данных.

Абдула Рушди доказал в 2105 году, что все события во Вселенной «складываются» в Плероме. Оттуда их можно также забрать обратно.

Уже на пятнадцать лет позднее — в январе 2120-го — был сконструирован прототип *сканера эпохи*.

Мир был парализован изумлением. С помощью двух видоискателей теперь можно было ответить на все неразрешённые вопросы истории. События мировой истории можно было наблюдать с экрана не с помощью видеофильмов, исторических произведений или научных сообщений, а прямо с места исторического действия.

---

[11] Примечания: 11

Лаплас Пьер Симон (1749–1827) — французский астроном, математик, физик, иностранный почётный член Петербургской Академии наук (1802).

Да, тогда-то всё и началось. Но тогда же всему старому пришёл конец.

II. 3. НОВОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ испытывалось тайно. Что будет с человечеством, когда оно получит в руки это новое орудие?

Сканер эпохи — прототип был сконструирован в ядерном центре в Женеве, — естественно, представлял собой нечто совершенно новое. Но не стоит забывать и о прежних достижениях. Уже тогда каждый человек имел доступ к любой форме человеческого опыта. В 2120 году не осталось никаких форм данных, которые не могли бы появиться на экранах тысячи домов с помощью элементарного нажатия кнопки-клавиши. Все фильмы, все произведения искусства, все написанные тексты и все возможные данные о человеке стали общим культурным достоянием.

Новым осталось то, что не было привнесено в человеческий опыт. Теперь история всего земного шара проходила парадным маршем на экране. На это понадобилось бы почти пять миллиардов лет, но с помощью сканера эпохи стало возможным длительный отрезок времени проматывать на экране в течение чрезвычайно краткого промежутка. Если что-либо представляло интерес, стоило лишь уменьшить скорость или остано-

вить кадр в нужный момент.

Не было больше разговоров о том, чтобы уничтожить фильм или статью о Второй мировой войне в справочнике. Теперь эта грустная глава в истории человечества переживается непосредственно на экране. Любое событие, например казнь или встреча Гитлера и Геббельса, может быть с лёгкостью воспроизведено на экране с помощью двух искателей — искателя времени и искателя пространства, с которыми мы все так хорошо знакомы сегодня.

Мало сказать, что первооткрыватели в Женеве с восторгом приняли сканер эпохи. Таким образом у них в руках оказалась и вся история мира.

Но стало ли новое изобретение благословением для родов человеческих? Или они оказались лицом к лицу с опасной игрушкой?

II. 4. КАК НАМ ИЗВЕСТНО, минули десятки лет, прежде чем экраны в домах были подключены к сканеру эпохи. К 2150 году было крайне мало людей, которые отказали бы себе в удовольствии приобрести новинку.

Публика реагировала самопроизвольным восторгом. Почва была уже подготовлена старыми технологиями. И многие не пережили столь колоссальное драматическое событие.

Пользоваться сканером эпохи было не труднее, чем джойстиками для компьютерных игр. (Естественно, это не означает, что все одинаково бойко могут управляться со сканером. Но об этом — позднее.)

Мы уже провели параллель со старыми радиоаппаратами. Тот, кто искал нужную станцию на коротких волнах, *должен был быть* осторожен. Перекрученная на миллиметр настройка — и вот уже перескок на десять станций. *Лёгкость пальцев* — важное условие также и при работе сканера. Это касается как поиска пространства, так и поиска времени. Приведу пример.

Давайте представим себе, что мы ищем французского философа Жан-Поля Сартра. Допустим, нам известно, что он жил в Париже. Допустим, мы знаем, что он жил в середине XX века. Разумеется, недостаточно настроить сканер эпохи на Париж примерно в середине XX века. Париж! Но где в Париже? И когда? Возможно, мы начнём наш выбор с панорамы Парижа в 11.30 утра 7 апреля 1952 года. Даже если мы уверены, что человек находился в городе именно в тот момент, это всё равно что искать иголку в стоге сена. В каком кафе сидит

Monsieur[12] Сартр? В те дни в Париже были сотни тысяч кафе. Разумеется, мы можем обыскать квартал за кварталом — и часто мы вынуждены вести поиск объекта подобным образом. Тем не менее можно случайно напасть на след по дороге: Возможно, наше внимание привлечёт какая-то драка, какой-то грабёж, изнасилование или правительственный обед. Нам нужна точка опоры. Знай мы, например, что Сартр обедал с Симоной де Бовуар[13] на Монпарнасе 11 ноября 1956 года, дело было бы проще. Тогда нам требуется только узнать, какая внешность у этого человека. Мы «прогуливаемся» по Монпарнасу и — раз! Вот он! Итак, мы его обнаружили. Итак, теперь он от нас никогда не уйдёт. Итак, мы можем проследить жизнь Сартра вперёд или назад до самого дня ею рождения или смерти, или до тех пор, пока не утратим наш интерес к нему и не выпустим его из виду. (У многих из нас, пожалуй, возникло бы — что тут говорить — чувство неловкости. Всегда ли мы имеем право вторгаться в личную жизнь умершего человека? Знаю, есть на свете люди,

---

[12] Примечания: 12

Господин *(фр.)*.

[13] Примечания: 13

Бовуар Симона де (1908–1986) — французская писательница, жена Ж.-П. Сартра.

которые с жадностью отыскивают именно самые интимные сцены в жизни других. От такого опыта, как подсматривание, я отстраняюсь.)

II. 5. КАК УЖЕ УПОМИНАЛОСЬ, пользоваться сканером эпохи нетрудно. Каждый желающий запросто может выяснить всё, абсолютно всё — опытным путём. Но с чего начать? Ведь от того, кто живёт, не зная никаких границ, требуется подлинное искусство жизни. Зачем пускаться в поиск, когда всё в пределах досягаемости? Первая встреча человека со сканером была ошеломляющей.

Так, поставив один искатель на время 14.30 25 мая 963 г. п. Р. Х. (143000.25.05.0963), а другой — на какое-то место в Норвегии, например на широту 60 и восточную долготу 10 (600000 100000), ты оказываешься в густом хвойном лесу. Если там остаться, возможно, пройдёт множество часов, прежде чем наткнёшься хотя бы на одно живое существо. Через час, возможно, увидишь медведя или лося. Но, пожалуй, потребуются дни и недели, прежде чем встретишь викинга. Тогда, попытавшись отыскать дорогу из лесу, ты можешь очутиться у необитаемого берега фьорда. Только после многочасового пути ты, в лучшем случае, добрался бы до гавани викингов. Разумеется, если

целью всех этих усилий являются викинги.

Когда многие миллионы домашних экранов были подключены к сканеру в 2148 году, тут же понадобилась и инструкция к пользованию. И — самое большее на другой день в руках оказалась вся мировая история. (Многие в те дни заблудились — как во времени, так и в пространстве.)

По-прежнему поиски шли наугад, но большинство людей используют сегодня те несколько тысяч ключей, которые уже разработаны. (У меня самого 7-800 ключей, некоторые из них, возможно, сильно отличаются от обычных.)

Первые ключи были разработаны в Специальном Бюро. Многие из них по-прежнему в ходу. Приведу лишь несколько примеров.

Одним из вспомогательных средств служит ключ «Города и отдельные населённые пункты», который в действительности представляет список, содержащий свыше 360 мест на земном пире, ограниченных известными отрезками времени (Вавилон 2000–1700 до Р. Х., Афины 400–300 до Р. Х., Рим от 200 до Р. Х. до 350 п. Р. Х.). С помощью этого ключа мы можем определить место, чтобы оттуда точно и осторожно настроить аппарат во времени и в пространстве в поисках того, что мы желаем узнать. «Города и отдельные населённые

пункты», пожалуй, самый общий из всех ключей — настолько общий, что ныне чаще всего используется теми первооткрывателями, которые хотят исследовать мир самостоятельно, без помощи готовых программ. (Утрачиваешь чувство радости от того, что ты не единственный переживаешь её, ведь путь к переживанию открыт ключами, размноженными во многих миллионах экземпляров.)

Среди старейших ключей можно назвать: «Великие художники и их шедевры», «Китайская стена», «Вторая мировая война», «Пирамиды», «Платон и Сократ», «Развитие термоядерного оружия и отказ от него», «Происхождение человека», «От планеты к галактике».

С помощью подобных ключей можно было провести человека в определённой сфере интересов от одной высшей точки к другой. Тебе, разумеется, не отказывали в свободе действий — как в видеопрограммах старого времени. В любую минуту можно было соскочить с убийства Цезаря и самостоятельно отправиться в Рим.

В качестве приложения к такого рода педагогическим ключам, часто разработанным по режиссуре государства, был сфабрикован на коммерческой основе ряд более или менее обску-

рантистских ключей в самых разных областях. Как нам известно, «флора» подобных ключей превратилась в джунгли. Ключей в конце концов становится так много, что они лишь по одной этой причине не могут больше приносить пользу. В один прекрасный день их уже столько, что лучше обойтись без них. (Появилась даже точка зрения, что ключи — препятствие к подлинному познанию в большей степени, нежели их отсутствие. Они служат дублированию действительности.)

Я не стану вдаваться здесь в перечисление лучших или новейших предложений в виде ключей к сканеру эпохи (подобных каталогов более чем достаточно!). Но хочу рассказать о некоторых из тех, что вошли в употребление уже в XXIII столетии. Мы, возможно, а в особенности молодёжь, можем извлечь пользу из знакомства с историей ключей.

Среди самых первых оказался «Титаник». Уже в старые времена на эту тему было написано множество книг и снято не меньше фильмов.

Поэтому и поддерживается к нему такой невероятный интерес и желание стать свидетелями этого реального кораблекрушения. Теперь с помощью одного лишь движения руки дана воз-

можность пережить это злосчастное плавание. Стоит только вставить ключ в бокс — и ты уже на борту «Титаника» за несколько минут до того, как корабль столкнётся с айсбергом. (Разумеется, всего ты не видишь. «Титаник» пошёл ко дну ночью. Когда гаснет последний огонь на борту «Титаника», представление окончено. Ну да ладно! Ведь один-другой фонарик горит и в спасательных шлюпках…)

Прежние ключи назывались также «Хиросима», «Автомобильные катастрофы», «Методы пыток в разные эпохи», «999 человеческих жертв», «1001 убийство топором», «Сексуальная жизнь знаменитых мужчин», «Изнасилование и кровосмешение от кроманьонцев до наших дней», «Женщины-купальщицы», «Запретная любовь» и «Распутные монахи».

Стало быть, насилие и секс. Уже с самого начала коммерческая индустрия ключа избрала это направление. (Неправда, что люди в стародавние времена были менее озабочены проблемами подобного рода. Во всяком случае, в подлинно стародавние дни. Я думаю: «Тогда-то и совершались эти убийства и изнасилования».)

Несколько столетий назад человечество кормилось видеофильмами того же самого пошиба.

Потому что, насколько можно верить, рынок был ими насыщен. (Причина, вероятно, кроется в том, что в этой области вообще никакого предельного пункта насыщения не существует.) Разница между видеофильмами и ключами заключалась только в том, что ключи представляли лишь исторические факты, а не сфабрикованные происшествия. Правда, когда речь идёт о таких вещах, следует признать, что действительность не очень отставала от выдумки. Естественно, встаёт вопрос, какими глазами на это смотреть. Если только не жалеть время на поиски, всё найдётся в истории человечества. (Рассказывают, что автору понадобилось полных четыре года для создания запрещённого ключа «Crimen bestialis»[14]. И это понятно: если сидишь четыре года перед экраном, можно составить самый диковинный «букет».) Почему никто не создал ключ «Детские игры в двенадцати культурах». Или: «От пещерной живописи к раблезианской[15] громаде». Преподнести бы цветок тому, кто попытается

[14] Примечания: 14

Зверские преступления (лат.).

[15] Примечания: 15

Термин «раблезианский», по имени великого писателя-гуманиста Франсуа Рабле (1494–1553), создателя романа «Гаргантюа и Пантагрюэль» (1532) — памятника французского Возрождения, употребляется как слово нарицательное в значении «огромный, преувеличенный» и т. д.

это сделать! История полна и такого рода парадоксами.

II. 6. В ПЕРВЫЕ ГОДЫ развернулось множество дискуссий вокруг вопроса: допускать ли детей к сканеру? Можно ли позволить ребёнку совершенно самостоятельно изучать прошлое?

Как уже говорилось, человеческая история временами бывала груба и жестока. Должна ли подвергаться действительность цензуре, прежде чем допустить к ней ребёнка? *Не вредна ли история детям*? С неменьшими опасениями многие решали вопрос о том, подключать ли свой сканер эпохи к Интернету.

Здесь разговор уже шёл не только о практической — или технической — проблеме. Речь шла о самой действительности, о проблеме метафизической. Потому что Плерома делить себя не позволяла. Бесполезно вкладывать какую-либо цензуру в сам сканер эпохи. Как смог бы, пожалуй, сканер эпохи — или Плерома — справиться с тем, чтобы отделить времена созидающие от времён разрушающих?

Позвольте мне снова привести пример. Всем известно, какие жестокие события произошли в таких городах, как Нью-Йорк, Лондон, Рим и Мехико-сити, в конце 1990 года перед Великим

Прорывом. Если бы ребёнку разрешили тогда сидеть перед экраном, было бы невозможно уберечь его от подобного рода происшествий. Ребёнок слышал о Нью-Йорке. И если настроить сканер эпохи на Нью-Йорк 1990-х годов, детям не пришлось бы долго бродить по улицам, чтобы пережить самые отвратительные сцены, такие как грабёж, убийства, изнасилование и террористические акты.

Как известно, постарались выбрать золотую середину. Решено было подключить сканер эпохи к Интернету, но ют запретить детям доступ к этому чуду оказалось практически невозможно. При этом ввели строгую цензуру ключей. Как уже говорилось, этот момент — чрезвычайно отвратителен. Но также и чрезвычайно важен. Едва ли есть необходимость подавать детям коктейль из страшнейших гнусностей. (Откровенно говоря: это вряд ли необходимо и взрослым. Похоже, характерной чертой нашей культуры становится то, что она за отсутствием социальных проблем тешит себя позором и несчастьем.)

Вспомним, что происходило до появления сканера эпохи. Уже в первой половине XXI века каждый ребёнок мог простым нажатием кнопки заказать себе любой видеофильм, любую те-

левизионную станцию и любую книгу из сети Интернет. Это дело было не из лёгких. Всё так. Однако ребёнку не шептали на ухо, каким образом туда попали самые ужасные фильмы, проповедующие насилие.

Вывод таков: родители несут безусловную ответственность за своих детей. Вообще-то за последние годы был создан ряд полезных ключей для ребят («Редкие животные», «Когда птицы пели в лесу», «111 вымерших видов животных» и в не меньшей степени блистательная серия «Я согласен…»).

Познавательно-теоретический аспект этих ключей был расширен. Люди привыкают ко всему. В особенности дети. Ныне они вырастают так же естественно вместе со сканером, как дети в стародавние времена вырастали без него. Или, как сказал Авиценна ещё за тысячу лет до появления сканера эпохи: «В сознании нет ничего такого, чего сначала не было бы».

Дети понимают: то, что они видят на экране, — не настоящее.

Это — всего лишь история.

III
ГИБЕЛЬ НАУКИ

III. 1. МЫ УЖЕ УПОМИНАЛИ об открытии сканера эпохи в Женеве. Ещё прежде, чем он был подсоединён к Интернету, историки всего мира съехались в Швейцарию, где жадно набросились на новое орудие — или на новый метод.

Они предчувствовали наступление новой эры исторической науки. С этого момента историю следовало причислить к точным наукам. Внезапно эта дисциплина достигла позитивной стадии. (Ср.: Огюст Конт[16], ключ «Историческая философия», реф. 2.738.)

Этот расцвет набирающей силу исторической специальности оказался своего рода предсмертной судорогой. Потому что с появлением сканера эпохи историческая наука умерла. Или в лучшем случае стала излишней.

Естественно! Зачем нам «историки», когда у нас

---

[16] Примечания: 16

Конт Огюст (1798–1857) — французский философ, один из основоположников позитивизма и буржуазной социологии. Выдвинул идеалистическую теорию трёх стадий интеллектуальной эволюции человечества(теологическая, метафизическая и позитивная, или научная).

есть сканер эпохи? Когда нет больше простора для предположений и гипотез, нет и простора для какой-либо исторической науки вообще.

В той степени, в какой мы ныне говорим об истории как об отдельной дисциплине, мы имеем в виду работу по созданию и развитию новых ключей для сканера. (Сноски в старых исторических книгах становятся всё длиннее и длиннее. Ныне историческая специальность деградировала в специальность составления примечаний.) Историческое чутьё — кто-то называет его «интуиция» — не стало, впрочем, абсолютно бесполезным. Но зачем нам учебники истории, когда мы можем свободно и самостоятельно бродить по лабиринтам мировой истории?!

Всякая возможность исторической неточности устранена. На все вопросы могут быть даны ответы. (6 138 432 еврея были задушены немцами в газовых камерах во время Второй мировой войны. Мона Лиза была тайной возлюбленной Леонардо. Происхождение человека может быть отнесено к серии странных мутаций в глубине веков около 211 миллионов лет тому назад. И так далее. Примеров, надо полагать, достаточно.)

Ряд других специальностей постигла та же судьба, что и науку историческую. Сначала ис-

текло время таких специальностей, как геология, палеонтология, биология и астрономия. Все эти профессии — мертвы. Всё, чего нельзя увидеть с помощью сканера, не заслуживает названия науки. Представления, которые не могут быть апробированы собственным зрением, следует полагать спекуляцией и суеверием. Старое выражение «Я не верю в это, пока сам не увижу» пережило Ренессанс. Оно представляет собой здравый принцип.

И геологическое, и биологическое, и культурное развитие на земле ныне может читаться непосредственно из истории действительности. Мы можем пройтись по всей истории развития в течение нескольких часов — или можем рассчитать лучшее время на разные эпохи или на отдельный интересующий нас феномен. Для этого существует ряд соответствующих ключей. (Единственный, которым я сам смогу похвастаться, что изучил его вдоль и поперёк в соотношении 1:1, были последние годы жизни Сократа. Тогда я просидел перед экраном пятнадцать месяцев, прерываемых лишь сном. Но тогда я был и моложе, чем сейчас.)

История Вселенной — секунда за секундой — может быть прослежена с момента Большого

Взрыва 16,4 миллиарда лет тому назад. Что было раньше, мы, откровенно говоря, не знаем просто потому, что знать нечего. Вероятно, все мы — ещё детьми — пытались заглянуть на 16,4 миллиарда лет назад. Такое можно свершить лишь один раз. Соответствующие меры безопасности — и ты снова сидишь перед чёрным экраном.

Естественно! Я полагаю — до Взрыва ничего не было. Время началось тогда. Тогда-то и было создано время и пространство.

Но что вызвало Взрыв? Как — или почему — создана Вселенная? Ха-ха! Идиот задаёт куда больше вопросов, чем может дать ответов сканер эпохи.

III. 2. ДО СИХ ПОР мы говорили об *истории*. Это вполне естественно. Итак, самое сильное потрясение мир испытал, когда был сконструирован сканер эпохи, способный разгадывать все загадки истории. Отнюдь не таким ударом явилась его возможность отражать все современные события.

Здесь нам снова следует вспомнить то, какая техника предшествовала сканеру. Мы говорили о видеокамерах, которые с начала XXI века были размещены по всему земному шару. В дополнение все банки и почтовые конторы, все

остановки автобусов и станции метро держались под непрерывным контролем и могли появиться на экранах телевизоров в тысячах домов. Если больше нечего было делать, можно было «перелистывать» одно место на земном шаре за другим. Если повезёт, можно было увидеть нападение, убийство или ограбление банка в тот самый миг, когда оно происходило. (Тиражи газет невероятно упали к 2060 году. Последняя крупная газета вышла в декабре 2084 года.)

К 2120 году, когда сканер эпохи был сконструирован в Женеве, весь мир уже достаточно хорошо охранялся. Власти вынуждены были защищать частную жизнь от общественности. Известно также, что каждый человек отбрасывал электронную тень, постоянно обогащавшуюся всё новыми деталями. Практически стало возможно примерно с 2120 года получать из Интернета абсолютно всеобъемлющую информацию о своём соседе (или о более отдалённом члене человеческого сообщества — сеть была межконтинентальной).

Сканер эпохи являлся скорее завершающим этапом развития науки, нежели чем-то подлинно новым. (Я всё время старался подчеркнуть постепенность развития коммуникационных технологий — или их протяжённость — предвос-

хищение возможностей сканера.)

Как мы знаем, сканер может охватить все точки на земном шаре. Всё под постоянным наблюдением. Никаких преступлений больше не совершается. А если ты поковыряешь у себя в носу, то вполне возможно, что человек с другой стороны земного шара засвидетельствует этот твой жест. Это — не точно, и даже не очевидно, но возможность такая не исключена. (Безусловно, обыватель, который тратит своё время на земле, прослеживая подобные вещи, сбит с толку. Я думаю: как раз в этот момент атомная бомба падает на Хиросиму. Или человек высаживается на Марсе. В такую минуту не рыщут по всему земному шару в погоне за условным объектом, который, стоя у себя в кухне, режет хлеб. Можно сосчитать деревья в лесу. Но кто, в самом деле, станет тратить на это время?)

То, что мы *можем* увидеть всё, что мы делаем, вероятно, наложило на нашу жизнь печать гораздо большую, чем мы сами это осознаём. Что пользы прятаться от сканера! Поскольку каждый муравейник всё равно прослеживается, супружеской неверности больше нет места. Это, разумеется, не означает, что беспорядочная сексуальная жизнь вымерла Но все браки — «от-

крыты». И не только в определённом смысле. Сосед собирается постоянно шпионить за семьёй соседа, наблюдая его счастье или несчастье. (Как сказано выше: от такого рода отношений я отстраняюсь! И, к счастью, это нетрудно обнаружить. Если я заподозрил тебя в том, что ты следишь, как моя жена принимает душ, знай же, я могу увидеть, как ты сидишь перед экраном, фальшиво улыбаясь.)

III 3. МЫ ЖИВЁМ В АБСОЛЮТНО *открытом обществе*. Я знаю, что критика подобной открытости уже предпринималась. Но без неё мы должны были бы отказаться от сканера вообще. Плерома не поделена на сектора. Она не знает «частных сфер».

Человечество заключило контракт с Плеромой. Мы, само собой разумеется, можем пересмотреть наше решение. Мы можем оградить от посторонних глаз нашу личную жизнь и вновь обрести покой. Но ты, Мир, сколько мы потеряем! Всё имеет свою цену (старое меркантильное выражение). Кто откажется от абсолютного знания ради того, чтобы мирно ковырять у себя в носу.

Можно, кстати, просто выключить свет. Сканер эпохи не разъезжает вокруг в тёмном пространстве с фонарём. Сосед не может, естественно,

смотреть в сторону моей спальни дольше, чем я могу сам, после того как я выключил свет. (Многие исторические убийства по-прежнему — необъяснимая дикость, ведь они были совершены во мраке.)

Стало быть, нам не нужно жить, совершенно обнажая наши частные сферы. У меня достаточно причин подчеркнуть эти слова. Может показаться, будто многим это не ясно. Хочешь не хочешь, но среди нас немало эксгибиционистов…

IV
КОНЕЦ ИСТОРИИ

IV. 1. КОГДА СКАНЕР ЭПОХИ был изобретён в Женеве, в пылу восторга высказывались предположения и о том, не сможет ли он ещё и отражать будущее… Разумеется, подобные мысли бродили среди профанов — тех, кого одолевали наивные и неуместные представления. Как может Плерома узнать о том, что ещё не создано?

Узнать что-то о будущем так же невозможно, как выйти из Вселенной. Насколько нам известно, Вселенная расширяется. Точно так же расширяется и время. Речь идёт о двух сторонах одного и того же процесса.

Можно смело утверждать, что будущее вовсе не то же самое чем оно когда-то было. В основе своей — истории пришёл конец в 2170 году.

Ничего значительного с середины XXII века не происходило. (Ни один из ключей больше не понадобится. Да и зачем им появляться?)

Рождались новые люди, они ели и ходили в туалет, сидели перед экраном и следили за историей. Никакой новой истории из такого занятия не получится. То и дело звучат требования покончить

с летоисчислением. Ныне так же бессмысленно считать годы, как считать капли росы в венке из роз или бусины в чётках.

Вместе со сканером эпохи пришёл конец истории. Или даже жизни как таковой. Улицы пусты. Мир движется на холостом ходу. Мы не живём. Мы сидим и снимаем сливки с истории.

IV. 2. ЭТА «КУЛЬТУРНАЯ ДИЛЕММА» впервые была в виде реферата изложена в сочинении Ницше: «Vom Nutzen und Nachteil der Historie fur das Leben»[17] (1874, «Historiefilosofie»[18], реф. 2.916. Позднее Ницше назовёт это сочинение «Историческая болезнь». См.: 2.968).

В предисловии Ницше ссылается на слова Гёте, который говорит, что ненавидит «всё то, что лишь поучает меня, не увеличивая или не стимулируя непосредственно мою жажду деятельности». И Ницше добавляет от себя: «Мы все страдаем от снедающей нас лихорадки истории».

Уже Ницше считал, что история может быть угрозой, направленной против новой жизни…

Если истории слишком много, жизнь распада-

---

[17] Примечания: 17
«О пользе и вреде истории для жизни» *(нем.).*

[18] Примечания: 18
«Философия истории» *(нем.).*

ется и дегенерирует, а в конце концов при том же процессе распада аналогичное происходит и с самой историей.

Ницше хотел победить гегельянство[19]! Но в качестве критики культуры его слова сегодня гораздо более актуальны, нежели в его собственную эпоху. Сегодня мы бедны, нам не хватает того, что Ницше называл «пластической силой культуры».

Жизнь нуждается в забвении. Здравие народа зависит от того, присуща ли ему способность забывать. Познание никогда не должно господствовать над жизнью.

В своём сочинении Ницше сравнивает перенасытившегося историей человека со змеёй, которая, проглотив зайца и будучи не в состоянии шевельнуться, лежит и дремлет на солнышке.

Современный человек, говорит Ницше, страдает от бессилия своей ослабленной личности. Он превратился в наслаждающегося странствующего зрителя.

---

[19] Примечания: 19

Идеалистическое философское течение, исходившее из учения Гегеля и развивавшее его идеи. Возникло в Германии в 30-40-е гг. XIX в.

Он ссылается на Гесиода[20] (700 до Р. Х. «Философия истории», реф. 0.017), который полагал, что Золотой век[21] остался позади. Род человеческий постепенно утрачивает силу. И однажды люди станут рождаться седыми. (Как только это случится, Зевс сотрёт с лица земли род человеческий.)

Ницше рассматривает «историческое образование» точь-в-точь как своего рода врождённую седовласость. Мы — свидетели старости человечества и, как и все старые люди, обращаемся к прошлому. Мы исполнены «праздности избалованного человека в саду познания».

Мы можем с уверенностью заявить, что старая ворчливая критика культуры была дальновидна. Ведь многое изменилось со времён Ницше. Он жил до развития эпохи коммуникационных технологий, которые мы здесь упоминали. Он умер в 1900 году — как раз до того, как всё и началось. Однако он предчувствовал то, что начинало свершаться.

---

[20] Примечания: 20

Гесиод (8–7 в. до н. э.) — первый известный по имени древнегреческий поэт.

[21] Примечания: 21

В представлении многих древних народов — самая ранняя пора человеческого существования, когда люди оставались вечно юными, не знали забот и огорчений, были подобны богам, но подвержены смерти, приходившей к ним как сладкий сон. В переносном значении — время расцвета искусства, науки, а также — счастливая пора.

В XIX веке всё было по-прежнему: люди что-то *делали*… Немногие — а согласно Ницше, многие и постоянно — то и дело взбирались на трибуны. Но так или иначе люди делали своё дело. Сегодня всё человечество сидит на трибунах. Мы все — зрители. Мы даже не «странствующие» (нам не надо перемещаться физически, чтобы бродить по свету). И изучаем мы вовсе не наше собственное время. То, что появляется на экранах тысяч домов, случалось под открытым небом много тысяч лет тому назад.

IV. 3. ИТАК, ТО БЫЛА способность предвидения Гегеля — способность предвидения «абсолютного Духа»[22], которому предстояло будущее. Это стало тем, чего боялся Заратустра[23]. Аполлон победил Диониса[24]. (Нам приходится сегодня

---

[22] Примечания: 22

Центральное понятие теории Гегеля: развитие — есть характеристика деятельности абсолюта (мирового духа), его сверхвременные движения в области чистой мысли в восходящем ряду всё более конкретных категории (бытие, ничто, становление и т. д.). История — «прогресс духа в сознании свободы».

[23] Примечания: 23

Речь идёт о книге Ницше «Так говорил Заратустра» (т. 1–3,1883–1884), где философия Ницше обретает выражение в поэтическом творчестве, мифе, легенде.

[24] Примечания: 24

Аполлон (римск. Феб) — в греческой мифологии и религии сын Зевса, олимпийский бог-стреловержец, целитель и прорицатель, покро-

витель искусств. Вместе с тем и бог-губитель. Соединение в образе Аполлона рациональной ясности и тёмных стихийных сил постоянно подтверждается теснейшими связями Аполлона с Дионисом, хотя эти божества — антагонисты Аполлон по преимуществу бог светлого начала, Дионис — бог тёмного и слепого экстаза. Дионис (римск. Бахус, Вакх) — в греческой мифологии бог виноградарства и виноделия, сын Зевса, постоянно противопоставлялся Аполлону — божеству родовой аристократии. Неустанно боролся за право войти в число олимпийских богов и за повсеместное установление своего культа.

искать торговцев антиквариатом, чтобы купить пластырь и перевязочные средства.)

Для Гегеля история человеческого рода была историей о том, как *мировой дух* пробуждается к осознанию самого себя. Некогда дух был един и неделим. А цель истории — возвращение духа к самому себе.

Таким образом, это событие может датироваться 2120 годом — когда был сконструирован сканер. Гегель бы гордился этим, пыжась, как петух, от радости.

V. АБСОЛЮТНЫЙ СЛУХ

V. 1. СЕЙЧАС ДЛЯ МЕНЯ САМОЕ ВРЕМЯ выбрасывать флаг. Я, естественно, не человек. Ни один из нас им ныне не является. Я — Weltgeist[25] по Гегелю. Я — бог. Я — Плерома.

Если мы чего-то не *делаем* — мы больше не индивиды. Индивид — действующая личность. Индивид — точно, согласно определению, — понятие несколько ограниченное. Когда все — повсюду и все всё знают, тогда все — единое целое.

История доведена до победного конца. Движение по орбите разомкнулось. Все ручьи слились в один огромный океан.

Это произошло много тысяч лет тому назад. Должно быть, десять или двадцать тысяч лет назад был сконструирован сканер эпохи. Вообще, это не играет никакой роли. Я перестал считать годы. Но я пропутешествовал по всей мировой истории вдоль и поперёк.

V. 2. НЕОПИСУЕМЫЙ ПОКОЙ ДУШИ приносит ощущение, что ты — всезнающий. Единственное,

---

[25] Примечания: 25
Мировой дух (нем.).

что мучает меня в моём всезнайстве и повсюду-пребывании, — это одиночество.

Быть повсюду означает быть одиноким. Мне не с кем поделиться моим всезнайством. Мне некого поучать. Ведь все знают всё. Все конгруэнтны[26] со мной самим. Это означает, что я — все.

Ничего *другого* не существует, не существует никакого игрушечного незнания, где я мог бы оставить кусочек себя самого в надежде выиграть своего рода подтверждение того, что я — существую.

V. 3. У МЕНЯ ТАК БОЛИТ ГОЛОВА. Думаю, я сплю. Во всяком случае, я ничего из этого не написал. Возможно, мне это приснилось. Но мне кажется, я видел это на экране. Или *это* видело меня.

Не знаю, мне ли это снится или я сам — сон. Не утверждаю, что я жив. Но я ощущаю довольно уверенно, что я, во всяком случае, жил. Ну да это, вероятно, менее важно.

Почему во что бы то ни стало нужно провести границу где-то посреди великой безграничности?

---

[26] Примечания: 26
Совпадают (матем.).

БУДДА

Теперь мир — здесь. Тучи плывут по небу. В воздухе жужжат насекомые.

Фильм застыл на одном кадре: Сиддхартха сидит под смоковницей. В камне.

Река течёт мимо взгляда мастера. Птицы хлопают крыльями над водой. Их крылья разрезают время на секунды.

Проходят двадцать пять веков. И глазом не моргнув, сидит княжеский сын под смоковницей. Сидит, как сидел.

Птицы хлопают крыльями над водой. Река течёт мимо. Тучи плывут по небу.

ДИАГНОЗ

АСФАЛЬТ

ВИЗЖАТ ТОРМОЗА, машина сигналит.

Она опять остановилась на тротуаре. Она сама поймала себя на этом. Словно пробудилась ото сна. Или, словно очнувшись от одного сна, погрузилась в другой.

Люди толкаются и кружат вокруг неё со всех сторон, будто муравьи в муравейнике.

Только она стоит спокойно, только она остановилась. Только она бодрствует по-настоящему.

НИКОГДА ПРЕЖДЕ её чувства не были так обострены, как сегодня. Она достаточно видела, и слышала, и знала обо всём на свете. Но так, как сейчас, она не вдыхала воздух, и выхлопы газа, и запах мокрого асфальта. Она никогда не чувствовала так сильно, как теперь: она была, она существовала.

Может, ребёнком? И именно детство ярко, как живое, предстало пред ней. Где оно скрывалось все эти годы?

Ей было пять лет, ей было восемь лет, ей было одиннадцать…

Сегодня ей — тридцать шесть… Время за эти

годы пролетело как дым. Вся её взрослая жизнь была будто долгая поездка, о которой она узнала из вторых рук.

ДОЖДЬ НАВИСАЛ над городом, словно плотный душ, всё предполуденное время. Теперь начало проясняться. И свет показался ей безжалостно резким.

Ребёнок зовёт маму. Кто-то неразборчиво что-то говорит за её спиной. Её оттолкнул в сторону какой-то толстый человек. Автобус обдаёт тротуар потоками воды с тяжёлых колёс.

Только на миг она останавливается, будто приклеенная к асфальту, одна-единственная застывшая фигура во всей этой суматохе. Потом она снова начинает двигаться среди людей, среди всех остальных.

Енни бредёт по городу. Она не торопится, у неё нет никакого спешного дела. Она уже больше не часть этого оглушающего человеческого водоворота.

Впервые в жизни она была предоставлена самой себе. Она не узнавала себя здесь, на площади Торгальменнинген, где люди механически, как в старых немых фильмах, торопятся и окружают тебя со всех сторон. Она боялась, боялась…

РЕНТГЕН

ЭТО НАЧАЛОСЬ просто с опухших лимфатических узлов. И она понимала, что это может означать. Это могло означать конец всего. Но могло обернуться и безобидным инфекционным заболеванием. Весьма вероятно, что так оно и было. Но всё-таки… она посетила врача… Ведь дело не только в лимфатических узлах. Она была так невообразимо слаба. И так голодна. Она ела, ела и никак не могла насытиться. И ещё — головокружение, у неё в последнее время так чертовски кружилась голова.

Врач осмотрел её. Сначала, естественно, лимфатические узлы, а потом всю целиком. Он назначил ей полное медицинское обследование.

Он расспрашивал ёе о чём-то, вроде связанном с едой.

Потом у неё взяли один за другим анализы крови, целый набор. Она и не знала, что можно сделать столько разных анализов крови.

Через несколько дней её опять вызвали к врачу. Эго было в понедельник перед Пасхой.

За осторожными высказываниями врача она почувствовала: что-то неладно, что-то в самом

деле было неладно.

— Ты не совсем здорова, нет…

При этом он как-то странно посмотрел на неё… Потом, на следующий день, провели рентгеновское обследование, делали снимки. Это было в среду перед Пасхальными праздниками.

Енни знала, что рентген опасен. Но то, что вся атмосфера в институте Рентгена окажется так опасна, так радиоактивна!..

Она обратилась к женщине среднего возраста у стойки и назвала свою фамилию… потом фамилию врача. Сестра тут же нашла серый конверт со снимками — словно бы она целый день только и делала, что ждала, когда она — Енни — явится забрать их.

В большом конверте лежал меньшего размера белый конверт. Сестра вынула оттуда справку в формате А5 с текстом, напечатанным на машинке. Пациентка успела только заметить, что несколько строк сестра подчеркнула, прежде чем сунула лист в большой конверт со снимками. Сестра так странно посмотрела на неё, протягивая конверт с просьбой передать его врачу…

Енни выбежала на улицу, где ещё долгое время простояла с конвертом в руке.

Она была так одинока, так одинока, абсолютно,

до мозга костей!

Она стояла, держа в руках свой внутренний портрет. Насколько он бесконечно важнее её портрета внешнего!

Конверт был запечатан. Надпись гласила: ДЛЯ ВРАЧА. ВСКРЫТЬ ТОЛЬКО ВРАЧУ.

Нет, ей надо вести себя как можно более пристойно. Енни была не из тех, кто совершает что-либо опрометчивое в приступе аффекта. Ей следовало быть надёжным курьером. Её внутренний портрет необходимо отдать врачу в нераспечатанном виде.

Несмотря на это, было бы глупо провоцировать врача. Это могло отразиться на диагнозе…

А правда заключалась в том, что ей не хотелось медлить, ей хотелось тут же сломать печать, если б она только посмела. Ведь кто такой врач? Разве это тело не её?

И она снова записалась на приём. Её тут же записали.

— Приходите, только сразу, — сказала сестра.

У сестры, пожалуй, имелись свои информационные каналы. Было достаточно ясно, где она — Енни — находилась. От этого никуда не убежать.

Преимущество твоей болезни заключалось в

том, что тебя принимали всерьёз. И притом вежливо, внимательно… Теперь Енни представляла собой «медицинский случай». Теперь она стала знаменитостью.

Конверт! Врач так странно смотрел на неё, когда она подавала ему конверт…

Вот тут всё сразу и навалилось. С ядовитым добросердечием, а в голосе такое ужасающее участие, просто злокачественное…

Она тут же встала, как только он открыл конверт.

— Сядь, — сказал он. Приглашая. Приказывая. Улыбаясь.

Времени у него было теперь достаточно. Врач, у которого достаточно времени! Это — плохой знак.

Где она видела эту улыбку раньше? Улыбку, смешанную с профессиональной решительностью и с этим самым — мы справимся! Я возьму это дело…

Он зачитал краткое заключение рентгенолога. Затем сам бросил беглый взгляд на снимки. Для порядка. Наконец, перед тем как сесть за письменный стол, на котором лежал отвратительный конверт, он посмотрел на часы (зачем?).

— Ты не совсем здорова, нет. Ты — больна. Ты

действительно больна…

Эти слова она запомнила хорошенько. Они были высечены в камне. Но больше она из этой беседы ничего не запомнила. Остальное же, одна-единственная душераздирающая сцена, единственное, во что она теперь верила, — это само решение, приговор, диагноз.

Вероятно — я полагаю, мы должны быть совершенно откровенны друг с другом и т. д., — вероятно, у неё был далеко зашедший прогрессирующий рак с метастазами в лимфатическую систему. Тем хуже, тем хуже… Поэтому у неё и увеличились эти самые лимфатические узлы. А снимки, снимки показывали активность лимфатической системы и внутри тоже… Прошло столько времени! Трудно обнаружить подобные вещи вовремя и т. д. … Но — ничего невозможного в наши дни нет. Никогда не бывает слишком поздно начать лечение… только бы боги поддержали больную. В первую очередь её было бы лучше всего поместить в Радиологическую клинику в Осло, чтобы снова пройти обследование. Как можно скорее, ну, скажем, после Пасхи… Потому что в наши дни, когда всё происходит так быстро, только это был бы лучший выход. Разумеется, в Америке есть врач, творящий чудеса как раз в таких случаях,

как у неё. Новая терапия, курс лечения… Только не падать духом, ей это необходимо. У него самого есть сестра… и она абсолютно выздоровела…

РАДИЙ

И ВОТ ЕННИ шла в клинику с направлением в кармане плаща. Она спешила на железнодорожную станцию — успеть на послеполуденный экспресс в Осло. Уже в среду в восемь часов утра ей надо обратиться в приёмный покой Радиологической клиники.

Радий. Опять это слово. Оно пронизало её до мозга костей.

Енни была уверена, что видит Берген[27] в последний раз. Поэтому она и вышла из автобуса в Брюггене[28]. Она бросила последний взгляд на башню. Затем поднялась на площадь Торгальменнинген. Сейчас она стояла перед рестораном

---

[27] Примечания: 27

Второй по величине город Норвегии, почти самый большой по числу жителей. Современные границы обрёл в 1972 г., когда соединился с коммунами Осане и Фана.

[28] Примечания: 28

Пристань, причал, мостки (поре.), одна из центральных частей Бергена.

«У Хольберга»[29] и читала меню в стеклянной витрине. Времени у нее было достаточно, поезд отходил без четверти четыре.

Сельдь, антрекот, шницель с сыром…

Енни не понимала, как некоторые люди в этом мире могут хотеть есть…

В стекле перед меню она видит женское лицо.

«Это я, — думает она. — Это Енни Хатлестад…»

КАЗАЛОСЬ, ЖИЗНЬ ЕННИ прошла, как дым. Но последние дни стали вечностью. Она успела пережить столько разных реакций на тот серьёзный диагноз, на своё новое состояние.

Ярость. Депрессия. Протест. Мятеж. Горечь. Траур…

Она цеплялась за любую поддержку, какую только могли дать ей семья и друзья, да и все ближние: какой маленькой и глупой она была!

Теперь уже всё исчерпано. Теперь она ощущала лишь пустоту и усталость.

Кто она теперь? Всё, что у неё осталось, всё, что взяла с собой в эту поездку в Осло, — это

---

[29] Примечания: 29

Хольберг Людвиг (1684–1754) — известнейший датский драматург, историк, философ. Родился в Бергене. Норвежец по происхождению. Крупный деятель скандинавского Просвещения. Прославился пьесой «Эрасмус Монтанус» (1723), сатирой «Подземное странствие Нильса Клима» (1741), баснями и др.

несколько несвязных картин детства, юности в Саннвикене[30], несколько случайных воспоминаний из студенческих лет в Тронхейме[31].

Потом она вышла замуж. Потом — дети у них не появились. Потом они разошлись.

О, Юнни! Дорогой Юнни… Может, ты всё ещё бродишь по Тронхейму, тоскуешь обо мне.

Енни и Юнни. Просто идиллия. Слишком мирно для неё. Слишком безукоризненно. Потом она освободилась. Она — молодой инженер-химик, крепко стоящий на собственных ногах…

НЕПОСТИЖИМО, что всё это случилось на Пасхальных каникулах. Не прошло и двух недель с тех пор, как Енни назначили время на приём к врачу, скорее всего рутинного контроля ради, прежде чем ей поехать в горы Мьёльфелль[32] на Пасху. И врач даже не запретил ей эту поездку. Но она чувствовала себя такой слабой. Поэтому осталась дома, во всяком случае на Вербное воскресенье. Но потом в понедельник утром

---

[30] Примечания: 30

Жилая местность вокруг железнодорожной станции Саннвикен в 13 км от Осло.

[31] Примечания: 31

Город и порт в Норвегии на берегу Тронхенмс-фьорда.

[32] Примечания: 32

Мучные горы. *(норв.)*.

зазвонил телефон. Не может ли она показаться врачу? Как раз пришли результаты анализов крови…

С тех пор удар следовал за ударом. Неотвратимо, шаг за шагом, с холодной неизбежностью медицинской науки.

Пасха…

Немного дней прошло с тех пор, как Иисус триумфально въехал в Иерусалим верхом на осле… Да, на осле! Какая-то наивность. Никогда раньше она об этом не думала. И всё же…

А потом была вечеря с учениками, последняя трапеза. На следующее утро он был предан Иудой! Потом — на следующих картинах — он по дороге на Голгофу с тяжёлой ношей на плечах. Недолог путь от триумфа к унижению. «Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?..»[33]

Болтовня! Она просто боялась. Слишком большое напряжение. Но хватаешься за соломинку, что у тебя под рукой.

Соломинка… Вот оно снова… Это было Рождественское Евангелие. «Не бойтесь! Я приду к вам с благой вестью о радости великой…»

Енни никогда не была религиозна. Но послед-

---

[33] Примечания: 33
Слова распятого на кресте Иисуса. Мф 27: 45–49.

ние дни она часто слушала радио. Поразительное совпадение. Via dolorosa…[34]

Во всяком случае, она — Енни — находилась в достойном окружении. Она — не первый человек в истории, кому предстоит умереть. В возрасте немногим больше тридцати лет.

Ту-ут…

Снова раздался гудок автомобиля. Движение, машины — бессмысленное, абсурдное движение…

Как это понять? Ведь дело в том, что людям надо всё время спешить. Она сама спрыгнула с карусели. Разумеется, отнюдь не добровольно. Её сбросили. Должно быть, это было необходимо, прежде чем она поймёт, сколь бессодержательна эта оглушающая пляска жизни.

Ну, а все прочие, все эти люди, окружающие её, осознают ли они с должной ясностью, что они существуют? Относятся ли они более сознательно к этому факту, нежели стадо пасущихся коров?

Едва ли. Если ты не стоишь на пороге смерти, у тебя вообще нет никакого реального ощущения жизни. Жизнь это нечто, о чём думаешь на похоронах. Или, в лучшем случае, на одре болезни.

---

[34] Примечания: 34
Скорбный путь *(лат.)*.

Существование началось, когда распахнулась плотная завеса облаков. Там, высоко наверху, Енни видела теперь реактивный самолёт, державший курс на Флесланн[35]. По дороге со Средиземного моря, наполовину заполненный туристами, подумала она.

Туры. Авиапутешествия. Вершина притуплённости чувств в медленном парящем полёте над городом. Пасхальные туристы. Пасхальные праздники…

Человек из Назарета несёт крест на плечах к Голгофе: теперь — это путь не дальний. Хотя в тени нескольких тысячелетий он тянется медленно. Стилизованная история мук…

ПРИ ВИДЕ САМОЛЁТА ЕННИ пришла в голову идея. Зачем ей проводить семь тяжёлых часов в поезде? Когда она с таким же успехом может отсрочить грустное прощание и лететь самолётом. Теперь она могла себе это позволить. Разве есть во всём мире что-либо столь же незначительное, как деньги? Только бы нашлось место в самолёте…

Где ближайшая телефонная будка?

Внезапно и у Енни появилось небольшое дело.

---

[35] Примечания: 35
Аэропорт в Бергене в 16 км от города.

И у неё тоже. Она ринулась вниз в погребок Суннта и позвонила в SAS[36]. Конечно же, свободные места на все самолёты в Осло есть, оставалось только выбрать.

Она забронировала место на вечерний самолёт. Всё равно она успеет к сестре в Саннвикен. К половине двенадцатого вечера. Самолёт улетает в 22.20. Автобус от станции отходит за час до отлёта. Взять билет у стойки…

На поезд в порыве оптимизма Енни заказала билет туда и обратно. Теперь она довольствовалась лишь билетом в одну сторону — в Осло.

Пятьсот девяносто две кроны. Ужасно дёшево — показалось Енни. Она не летала самолётом с того самого путешествия на Родос в 1975 году. Она отказалась даже от предложенного любезной дамой льготного билета с открытой датой возвращения и скидкой в 35 %.

— Ведь вам, вероятно, нужно будет вернуться обратно в Берген?

БЫЛО БЫ БЕЗУМИЕМ утверждать, что у Енни стало легче на душе. Но у неё оставалось ещё несколько часов для себя самой.

---

[36] Примечания: 36

Авиакомпания «Scandinavian Airlines System» — «Скандинавская сеть воздушных сообщений» (англ.). Совместная датско-норвежско-шведская авиакомпания, основанная в 1946 г.

На что она потратит всё то время, что остаётся у неё до поездки в аэропорт Флесланн? Она могла поехать автобусом обратно в Осане[37]. Но там она уже со всеми знакомыми попрощалась. Она могла заскочить ненадолго к старой подруге в Сёрейде[38]. Нанести визит по пути из Бергена и рассказать той: у неё, у Енни, рак, она едет в столицу, где ей предстоит умереть… Да, это такая возможность… Воспользоваться поводом, чтобы попрощаться, чтобы ещё один-единственный раз почувствовать сострадание.

Но сначала нужно пойти в кафе. Потому что охотнее всего она побыла бы в одиночестве. Последняя чашка кофе в кафе Реймерса. Быть может, даже круглая булочка с креветками. Она ничего не ела после завтрака.

---

[37] Примечания: 37
Уезд в фюльке Хордаланн.

[38] Примечания: 38
Железнодорожная станция по дороге из Бергена в Осло.

У РЕЙМЕРСА

БЫСТРЫМ ШАГОМ ЕННИ ВХОДИТ в кафе Реймерса. Как любой другой послеобеденный клиент. Единственное, что её отличает от обычной жаждущей кофе конторщицы, возвращающейся домой после работы, — это белый дамский чемоданчик, который она осторожно помещает под столиком, прежде чем подойти к стойке — сделать свой заказ.

Она даже не запоздалая пасхальная туристка по дороге домой с каникул. Слишком выразительна бледность её лица! В лучшем случае она могла сойти за бедную посменную работницу, нанятую на время пасхальных каникул. А могла, например, ехать по трассе во Флесланн после недельного путешествия на Родос, о котором можно только мечтать. Но никто, никто не может догадаться, что она — больная раком, инженер-химик, — на пути в Осло, чтобы умереть.

— Кофе… круглую французскую булочку с креветками. И пасхальную булочку.

— За каким столиком вы сидите?

Енни и прежде бывала у Реймерса — несколько сот раз. Но на этот раз она забыла посмотреть

номер столика. Она побежала обратно, а потом снова к стойке.

— Тринадцатый…

— Двадцать две кроны. За вашим столиком булочки подают с кофе…

«Тринадцать», — подумала Енни.

Само собой разумеется, она и должна была сесть за столик № 13. Да и родилась она 1-го марта. 1/3 1947. Никогда раньше она об этом не думала. О том, что дата её рождения составляет число тринадцать.

Будь она здорова, её бы позабавило это маленькое совпадение, если бы она, конечно, обратила на него внимание. Теперь же эта случайность испугала её. Теперь её словно пронзил луч страха.

Она порылась в сумочке в поисках пачки сигарет, выудила её оттуда и закурила.

Кто-то оставил на столике газету. Енни бросила взгляд на щеголеватую цветную фотографию пасхально-загорелой парочки в красных колпачках и тёмных очках на фоне солнца и снега перед штабелями лыжных палок.

«Пасха, о которой можно только мечтать… Пасхальные каникулы, отмеченные летней температурой над большей частью территории страны…»

Вторник, 5 апреля 1983 года. Енни, глубоко затянувшись сигаретой, снова принялась считать. Тридцать шесть дней прошло с того дня, как ей исполнилось тридцать шесть лет…

Енни не была суеверна, это всего лишь нервы. Казалось, словно теперь она стала центром мира словно все события сконцентрировались вокруг неё и обрели смысл в свете её болезни… Принесли кофе. Енни отодвинула газету в сторону. Она погасила сигарету и съела креветку. Затем поставила блюдо с булочками на снимок из Финсе[39] и снова закурила.

Она не справлялась с едой. Одной креветки было более чем достаточно. Ей была невыносима мысль о том, что клейкие креветки с майонезом пройдут через её больной раком желудок. К кофе она тоже не притронулась. Он был таким чёрным и отвратительным. Енни вспомнила, как спросила врача, связано ли в её случае заболевание раком с факторами окружающей среды — например, это может быть работа с химикалиями в лаборатории. На этот вопрос он ответил уклончиво, но и, пожалуй, утвердительно.

Будь проклята эта работа! Хотя какое это имеет

---

[39] Примечания: 39

Небольшая густонаселённая местность на расстоянии мили к югу от Бергена. (Норвежская миля = 10 000 м.)

теперь значение? Ведь смерть нечто большее, нежели политический скандал. Раньше или позже она всё равно умрёт. Просто раньше она об этом не думала А теперь мысль о смерти ударила её, как полный абсурд. Мысль о том, что люди должны умирать…

ЕННИ НЕ В СИЛАХ БЫЛА видеть ни пасхальную романтику, ни креветок, ни кофе. Она не в силах была даже думать.

Она огляделась в зале, битком набитом спешащими людьми. И увидела теперь то, на что никогда прежде не обращала внимания. Она открыла для себя всех этих людей в кафе. И теперь видела их с такой молниеносной остротой, выхватывая взглядом одного за другим.

Казалось, будто она знала каждого — узнавала его. Словно они были членами её собственной семьи. Словно были той же самой плоти и крови, что и она сама.

Ближние…

Каждое лицо говорило само за себя, рассказывало свою историю.

«Бедные люди, — думала Енни. — Они переживут меня, но жить они не будут».

Она почувствовала, как в ней начинает расти своего рода гордость. Одновременно она испы-

тывала сострадание ко всем людям, да, ко всей жизни вообще.

— Енни!

В ней что-то дрогнуло. Внезапно её вырвали из потока непривычных мыслей…

— Ха-ха! Как давно мы не виделись! Как ты провела Пасху?

Атака велась из-за угла! Это была её подруга из Сёрейде. Чертовски по-пасхальному загорелая. С тёмными очками в светлых волосах.

Ещё одна случайность…

— Ты была дома?

Сири села за столик и положила ладонь на её руку. На запястье сверкал золотой браслет.

— Да… в этом году я осталась дома…

— Но у тебя ведь тоже были каникулы, да?

— Ну да, а у тебя?

— Мы ездили в Финсе. Вернулись вчера. Я и Рагнхильд. Мы… Мы, вообще-то, большей частью жили в её хижине…

— В её хижине?..

— Я знала, что ты задашь этот вопрос.

— О чём же? Разве я о чём-то спросила?

— Ты что совсем скисла, Енни? Почему ты вообще осталась дома?

— Ты сказала, что большей частью жила в хи-

жине у Рагнхильд.

— О да, это правда. Нет, но потом мы, стало быть, встретили одного лектора и одного врача…

Сири подняла глаза к небу.

— А они-то жили в гигантской хижине… с сауной, понимаешь… и всем прочим. Так что мы пожили немного и там.

— Значит, у тебя вышло пасхальное приключение?

— Енни! Ты что, нездорова?

— Я…

— Забудь об этом… Горожане кажутся такими бледными, когда спускаешься с гор. Но это проходит… Послушай, несколько дней там было так тепло, что мы загорали в одних трусиках от купального костюма. Посмотри!

Она только что не вывернула на себе весь свитер наизнанку.

«Золото и блеск!» — подумала Енни. Внезапно она поняла, что означает слово «тщеславие». Со времён гимназии она помнила, что в каком-то старинном стихотворении слово это часто употреблялось вместе со словом «преходящее». О, тщеславие! О, преходящее![40] Слова-близнецы.

---

[40] Примечания: 40

В норвежском языке эти слова созвучны: «O forfengelighet! O forgjengelighet!»

Разве это не две стороны одной медали?

«Пасхальный секс», — подумала Енни.

Хотя секс не был единственным содержанием её жизни, всё же он, пожалуй, составлял значительную её часть. Она испытывала не только наслаждение, занимаясь им. Несколько раз оргазм давал ей ощущение того, что она становится единым целым не только с другим человеком, но со всем на свете. Она вспомнила, как беседовала об этом однажды с Юнни. И вот он показал ей снимок скульптуры Бернини «Тереза из Авиллы»[41]. Религия и эротика Познание, словно оргазм. Избыток жизни… шквал…

Секс. Она снова и снова наслаждалась вкусом этого слова. Теперь всё равно оно абсолютно ничего не значило. Теперь всё было иначе. Теперь всё было словно креветки и кофе, на которые она не могла смотреть.

— О чём ты задумалась, Енни? По-твоему, я не вижу: что-то случилось?

Енни глотнула кофе. Он был холодным, как кола, и напоминал по вкусу питона.

---

[41] Примечания: 41

Бернини Лоренцо (1598–1680) — итальянский архитектор и скульптор, мастер эпохи барокко. Прославился созданием колоннады собора Св. Петра (1657–1663), статуями фонтана четырёх рек в Риме. Здесь, возможно, имеется в виду скульптура «Экстаз святой Терезы» (1644–1652).

Долгие годы Сири была лучшей подругой Енни. Теперь казалось, будто она её больше не знала. Сири — жила, да, она жила. Как Енни перед Пасхой. Для Енни жизнь стала мыслью. Мир — чем-то, что было у неё в голове. Идеей, голым представлением.

— Разве мир — это Тиволи[42], Сири? Увеселительный парк?

— А что? Ты стала религиозной?

— Возможно…

— Погоди…

Сири подбежала к стойке. Через мгновение она вернулась с чеком на хлебец и кофе. Енни снова закурила сигарету.

— Вот как ты вдруг заговорила! Прямо и откровенно! Тебе что, нанесли на Пасху визит мормоны? Да? Ты всегда была слишком слаба, Енни. Тебе никогда не следовало вступать в сомнительные дискуссии.

— Неправда.

Это прозвучало как раз перед тем, как расплакаться. Но она боролась со слезами.

— Что такое? Это ведь твой кофе, разве нет? И почему ты не ешь?

---

[42] Примечания: 42
В скандинавских странах — увеселительный парк с аттракционами.

— Потому что у меня рак. Рак, Сири, слышишь ты это? И к тому же очень серьёзная стадия. Меня кладут в Радиологическую клинику завтра. Может, осталась ещё пара месяцев…

С лица Сири спала маска. Енни стало почти жаль её. Теперь они были одинаково обнажены.

— Бедная Енни! Милая, дорогая Енни… Почему ты не сказала об этом сразу?

Подруга взяла обе её руки в свои. И вся история вышла наружу. Словно вырезанная из еженедельной газеты.

ЭТО ОТНЯЛО полчаса времени… Рассказать то, что произошло за четырнадцать суток! Енни просто потрясло, как трезво и подробно отдавала она отчёт обо всём происшедшем. Вплоть до мучительных деталей. Говорила, словно о ком-то другом, а не о себе самой.

Подруга так и сидела, крепко обхватив руками её запястья. И тут Енни увидела это сама. Как бледны были её руки в этом пронзительном освещении! Они были белы как снег.

— Мы не вечны, Сири! Это касается и тебя тоже… — Она глубоко заглянула ей в глаза.

— Во всяком случае, то, что ты больна, касается и меня. Не могу ли я что-нибудь сделать?

Енни ещё раз закурила сигарету и покачала

головой.

— Ты… теперь я поеду с тобой в Осло. Я могу освободиться на несколько дней. Нехорошо, если ты поедешь одна…

— Спасибо! Но это путешествие я должна совершить одна. Тебе, Сири, надо попрощаться со мной сейчас. Возможно, это больно. Но я должна попрощаться сама с собой. С этим городом, с жизнью. Тебе тоже придётся когда-нибудь это сделать…

— Енни… подожди, Енни… я так хочу…

— Нет! Это касается вовсе не нас двоих. Мне пора идти, Сири.

Гордость. Такая стойкая теперь, словно столб.

Она поднимается, надевает плащ и вытаскивает белый чемоданчик из-под стола.

— Хочешь французскую булочку с креветками? Или пасхальную булочку? Это — тебе!

— Погоди…

— Будь здорова, Сири!

Она поворачивается и выбегает на улицу. Бежит от сострадания подруги.

Будто тем самым вырывается на свободу из рук всего мира.

СИДДХАРТХА

ОНА ШЛА, блуждая по улицам. Ненадолго остановилась и стала смотреть на открытые страницы газет в витрине «Бергенских известий».

Она вздрогнула, прочитав передовицу на первой полосе. «ЧУДО: Я ЖИВУ!» Свыше шести колонок. Словно это было сообщение специально для неё. Эпизод из бытовой драмы. Полицейский, который, как сообщалось, не воспользовался пистолетом, избежав безрассудства.

Но чудо было то, что она — жива Енни не надо было избегать подобного безрассудства, чтобы осознать как чудо то, что она ещё жива Чудом вообще было: что-то ещё существует.

Мистерия жизни, думала Енни. Загадка жизни… Загадка рака.

Что, если она — будто чудом — вдруг станет совершенно здорова? А если был поставлен неправильный диагноз?

О, нет! Енни не была мечтательницей. Енни была инженером-химиком. Енни была реалисткой. Она не верила в чудеса.

Популярный весенний шлягер Венче Мюре и Яна Эггума «Мы живём!» звучал в её ушах. В

последние дни она как нарочно слышала его по радио много, много раз.

«…За жизнь должны мы сражаться до тех пор, пока в жилах наших течёт кровь…»

А за что ещё стоило сражаться?

С БЕЛЫМ ДАМСКИМ чемоданчиком в руках — то в правой, то в левой — она, тяжело ступая, поднялась наверх к театру.

«ДАМЫ В САУНЕ». Грандиозная постановка сезона. Она даже не подозревала, о чём идёт речь, но звучало всё это по-дурацки. Словно распутство Сири в сауне лектора в Финсе.

Театр. Он был связан с Юнни. Теперь он преподаёт драматическое искусство в Тронхейме.

«Жизнь — это театр, — неустанно повторял он, держа сигарету в одной руке, а бутылку — в другой. — Нас впускают на сцену, мы сходим с неё».

Наверняка эти слова он от кого-то слышал.

ЕННИ ПОРА было уезжать из города. С чемоданчиком в руках она с трудом поднялась наверх к монастырю и наблюдала оттуда за мысом Норднес[43]. Там она села на скамейку и смотрела через

[43] Примечания: 43
Северный мыс *(норв.)* у Пуддер-фьорда.

озеро на остров Аскё[44].

ДВЕ ТЫСЯЧИ лет тому назад был распят еврей-бунтарь. Наверняка он был человеком уникальным. Но церковь учила, что он Сын Божий. Трудно свести концы с концами. С тем, что Бог сначала создал людей по доброй воле. А когда люди воспользовались этим, Он так разгневался на них, что вынужден был увидеть, как Его родного Сына распяли, ибо Он не мог их простить.

Не это ли было посланием свыше ей — Енни Хатлестад — на Пасху 1983 года? Если она и вправду думала, будто распятие Иисуса стало пеней за то, что Адам и Ева злоупотребили Божьим даром, то она была спасена от гнева того самого Бога и избежала вечной погибели…

В такого Бога у Енни веры не было.

Енни не была религиозна. Енни была больна. Но болезнь ещё ничуть не поразила её разум. В последние дни она прослушала по радио больше дюжины молитв. По понятным причинам она внимала им с открытой душой. Словно это был краткосрочный курс истории христианства. Или как целый повторный курс, если быть более точной. Это явно было важно для тех, кто искушён в

---

[44] Примечания: 44
Ясеневый остров *(норв.)* около Бергена.

Библии; важно показать: они-де знают весь урок, они-де правоверны по всем статьям. Но когда всё христианское учение — от Адама и Евы до «Откровений» Иоанна — возвещают за пять или десять минут, оно кажется таким беззащитным и в своей любви, и в разуме тоже! Так что утешить Енни здесь, где она сидела с чемоданчиком между ног, глядя на Норднес и на паром, идущий к острову Аскё, это не могло.

ЕННИ ВДРУГ вспомнила нечто иное. Ей пришло в голову нечто экзотическое, нечто из другого небесного ведомства, нечто конкретное и возвышающее, гораздо более подобавшее больному раком инженеру-химику.

Ей вспомнилась красивая история о княжеском сыне Сиддхартхе, жившем в своё удовольствие до тех пор, пока у него внезапно не открылись глаза на страдания мира…

Не так давно Юнни дал о себе знать, прислав длинное письмо из Стокгольма, где он видел балет, поставленный по легенде о Будде. И Енни тут же помчалась в библиотеку за книгами о буддизме. Она не была абсолютно уверена в своих помыслах, в том — сделала ли она это ради Юнни или насущного интереса ради.

Будда не был ни Спасителем, ни Сыном Божьим.

Он был человеком, как она — Енни.

Когда он родился, отцу его предсказали, что сын станет либо властителем мира, либо тем, кто отречётся от него, стало быть, как раз наоборот… Последнему суждено было свершиться, если ему выпадет на долю пережить нужду и страдания в мире. Дабы сыну избежать этого, отец попытался охранить его и всячески старался, чтобы тот не познал мир вне стен княжеского дворца. Он окружил его радостями и удовольствиями.

Но Сиддхартха попытался выбраться за пределы своего роскошного плена. За стенами дворца узрел он старца, немощного мужа и разлагающийся труп… Встреча с согбенным старцем открыла Сиддхартхе глаза на то, что старость — судьба, настигающая каждого из людей. Вид хворого и страждущего мужа заставил его спросить себя, возможно ли защититься от болезни и страданий. А труп напомнил юному принцу, что всем людям суждено умереть, и даже наисчастливейший человек подвержен тлену.

После этих удручающих картин Сиддхартха увидел аскета с просветлённым лицом. Его осенило, что жизнь в богатстве и наслаждении — пуста и бессмысленна. И он спросил самого себя: есть ли в этом мире нечто, свободное от старости,

болезни и смерти?

Сиддхартху охватило сострадание к своим ближним, и он почувствовал призвание указать людям путь, свободный от мук… В глубоком раздумье вернулся он обратно во дворец и той же ночью, освободившись от своего беззаботного существования, отправился в бездомность.

Через шесть лет странствующий аскет Сиддхартха сидел однажды под смоковницей у реки Нераняра. И здесь — именно здесь — он достиг прозрения. После тридцатипятилетней жизни, проведённой словно во сне, Сиддхартха пробудился к познанию того, что в страдании мира виновата жажда жизни. И тогда он стал «буддой», тем, кто пробудился, «пробуждённым».

Енни снова узнала в нём себя. К тому же она была в том возрасте, что и Будда. Разве не она жила в позолоченной клетке довольствия, надёжно защищённой от страдания, смерти и излишних раздумий? Разве не она жила как лунатик все эти свои тридцать шесть лет? Разве не до бесчувствия пьянила её жажда жизни? И разве теперь не она на пути к тому, чтобы пробудиться от долгой спячки?

Будда не только пробудился к познанию того, что всё в мире — страдание, ибо всё проходит.

Он пробудился к осознанию того, что есть и нечто другое. Нечто вечное, нечто непреходящее. Нечто, подъятое над этим бренным миром, нечто, подъятое над временем и пространством. Нечто, доступное лишь тому, кто сможет задушить в себе жажду жизни…

Будда достиг «другой широты». Он преодолел соблазны мира и стал «архатом», «почтенным»[45]. Он видел мир с точки зрения вечности. Он достиг нирваны.

ЕННИ НЕ БЫЛА ФИЛОСОФОМ. Енни была реалисткой. Её мировоззрение определялось атомами и молекулами. Оно состояло из планет, солнц и звёздных туманностей. В будни она имела дело с реактивами и мензурками.

Если что-то не вписывалось в её мировоззрение, то потому, что всё могло подвергнуться анализу и делиться на более мелкие части. Но так далеко мысли её заходили редко… Поверхностный взгляд, брошенный ею на учение Будды, позволял всё же предчувствовать своего рода единство.

---

[45] Примечания: 45

В буддизме так называемые хинаяны — существа, достигшие состояния высшего совершенства (идентичного освобождению, нирване). Хинаяна, наряду с махаяной, — одно из двух основных направлений буддизма: южный буддизм. Буддийский идеал «освобождения» принял в хинаяне форму преимущественно личного усовершенствования, независимого от каких-либо внешних условий.

«Должна существовать некая единая связь, — думала Енни. Она сидела, глядя на Пуддерфьорд. — Должно же быть нечто, что я могла бы осознать сама и увидеть свою судьбу со стороны?»

Что такое «нирвана»? Что было это вечное, это непреходящее, пережитое Буддой? Была ли это только мысль? Идея? Или это было нечто реальное?

ПЕРЕД НЕЙ НА МЫСУ прогуливалась молодая мать — лет двадцати пяти — с малышом двух-трёх лет.

У Енни детей не было. Но когда-то она сама была ребёнком. Так — ну точно так играла она когда-то со своей матерью. Возможно, именно на этом самом месте. И так будут мать и ребёнок играть на мысу Норднес долго-долго и после неё.

Енни показалось, что в этом портрете матери и ребёнка она видит эстафету поколений.

Казалось, что, сидя на этом месте с белым чемоданчиком у ног, она была не только самой собой. Казалось, будто она была и той матерью тоже. И этим маленьким ребёнком. Казалось, будто она пребывала среди окружающих их деревьев. В траве, по которой они ступали. В пении птиц. Да, в скамейке, на которой сидела она сама…

Нирвана…

Это не могло быть чем-то недостижимым, возвышенно-небесным. Это должно было иметь нечто общее с тем, что происходило с ней здесь и сейчас — с этим пространством и с этим временем. Потому что Будда достиг нирваны под смоковницей у реки Нераняра…

И ВОТ ОНА УВИДЕЛА паром, идущий к острову Аскё, как раз на половине пути между мысом Норднес и островом Аскё. На борту находилось, наверное, несколько сотен человек. Но отсюда паром выглядел словно игрушечное судно на фоне модельного ландшафта.

Сотни человек, тесно сгрудившиеся на одном судне, поднятые одним паромом, несомые одной силой.

Енни забавлялась мыслью о том, будто она тоже была на борту этого парома Будто она стояла на палубе далеко в глубине фьорда, — а там забавлялась мыслью о том, что видела себя на мысу Норднес и смотрела вслед себе самой.

В какой-то миг она обнаружила: она запуталась и не в состоянии определить, где находится. Она на борту парома, но в то же время и на мысу

Норднес. И на вершине Ланноса[46] в горах Мьёльфьелль, и в Осло, и — у сестры в Санивикене, и в Радиологической клинике…

Если бы только отрешиться от времени, она находилась бы во всех этих местах. Она бродила бы по Луне. Она была бы повсюду.

Енни вспомнила, как она летела над Европой в 1975 году. Люди были так далеко от неё, что она их не видела Но она повсюду замечала их следы. Она видела города и небольшие участки пахотной земли. Словно мелкие клеточки жёлтого, зелёного и серого цвета. Греция, Югославия, Австрия, Германия, Дания. И древняя Норвегия. Но с высоты десяти тысяч метров она не видела никаких границ между странами. Зелёная Европа…

Она словно видела сейчас картины земного шара, снятые с Луны. Или нечто в глубине мирового пространства. Голубой глобус.

Если смотреть с такого расстояния, вся жизнь на этой планете — тесно связана между собой. Как живой организм. Удивительное дело. Игра живых вещей в пустом пространстве.

Кто обратил внимание на Енни и её судьбу, когда картина одним щелчком была снята с Лу-

---

[46] Примечания: 46
Гряда Прибрежных гор *(норв.)*.

ны? Какое значение имела одна муравьиха среди многих миллиардов муравьёв?

И всё же — в своём сознании она странным образом охватывала весь мир.

Когда умру, думала Енни, весь мир умрёт вместе со мной. В наследство к другим людям перейдёт совсем другой мир.

Её мир сейчас здесь. Через несколько недель или месяцев он исчезнет…

Прилетел воробей и сел рядом с ней на скамейку. Посидел немного, и всё оглядывался по сторонам. А потом улетел.

АПРЕЛЬ

ОДНАКО ПАРОМ на Аскё уже пришёл. Енни встаёт со скамейки, поднимает белый чемоданчик и начинает спускаться вниз к городу.

Апрель. Газоны и лужайки такие зелёные, что почти больно смотреть на них. На клумбах растут подснежники, крокусы и нарциссы. Голые берёзы словно окружены лёгким ореолом. А у некоторых появилась даже светло-зелёная дымка Через неделю их окутает зелёный плащ.

Апрель. Енни кажется непостижимым, как всего за несколько недель из чёрной и безжизненной земли тоннами, будто насосом, выкачивается зелень, живая материя.

Апрель. Она снова думает о Пасхе. О смерти и воскрешении из мёртвых. О посевном зерне, которому должно упасть в землю и умереть…

ЕННИ МЕДЛЕННО ПРОХОДИТ мимо Фредриксберга[47] и спускается вниз в старое деревянное строение между монастырём и Пуддер-фьордом.

Зелёные газоны и лужайки. Деревья. Старик с тростью. Щебечущий детский смех. Тяжёлое

---

[47] Примечания: 47
Старинная крепость Бергена.

вечернее солнце прорывается сквозь завесу туч.

Енни впитывает в себя все эти впечатления.

Прощай! — жёстко и горько думает она. Прощай, Берген!

Прощай, живая Земля, прощай, Солнце на небе! Счастливого пути! Я покидаю вас, моё время истекло. Теперь меня не будет. Не будет ни неделю, ни две. Навсегда! Навечно!

Вдруг она понимает, что означает это слово: «Навечно!» Это происходит в долю секунды. Енни познаёт вечность. Это был мой мир. Целых тридцать шесть лет. Нет, миллионы лет. Она ощущает себя ни на один день не моложе Ульриккена[48]. Каким непостижимым был этот мой мир! Он был окрашен в мои цвета. Он был охвачен моим сознанием.

Возможно, существуют и другие миры. Другое место. Или другое время. Или то и другое. Но именно в этом мире ей дано было пребывать. В мире долин и фьордов, в мире пустынь, моря и джунглей. С лошадьми, и коровами, и козами, и слонами, и носорогами, и жирафами. С крокусами, подснежниками, с алтеей, с апельсинами, сливами и крыжовником.

---

[48] Примечания: 48
Самая высокая из крутых гор, окружающих Берген.

…И с людьми — женщинами и мужчинами. Енни познала человечество. На близком расстоянии. Она была в близком контакте четвёртой степени. Она сама была человеком!

Мир!

Это здесь побывала она с кратким визитом. Как участник, как представитель, как наблюдатель.

Сколько часов у неё остаётся?

Но, пожалуй, это не так уж и важно, если она всё равно уже по пути отсюда?

Ну нет — это важно. Сколько часов жизни остаётся у неё? Сколько часов бытия!

Дай мне жизнь ещё раз! — думает Енни. Дай мне здоровое тело! Дай мне, верни мне мою юность обратно…

«Дай нам Варавву!»[49]

Это она — Енни — жертвенная овечка на эту Пасху. Это она несёт всё страдание мира на своих плечах.

«Если станет вовсе тихо ныне, мы услышим сердца стук… Если ж поползём или пойдём, будь мы даже заблудшие овечки — мы живём!»

---

[49] Примечания: 49

Варавва — преступник в Иерусалиме, был посажен в темницу за убийство и возмущение в городе во время суда над Господом Иисусом Христом. Согласно обычаю, был отпущен Понтием Пилатом во время праздника Пасхи. Лк 23: 7-23.

ОНА БЫЛА ВНИЗУ на Энгене[50].

Будь это обычный вечер вторника, она, возможно, выбрала бы путь мимо кафе «У Весселя»[51], прежде чем поехать автобусом домой в Осане. Не исключено, она встретила бы кое-кого из знакомых, кого-то, с кем можно было бы поболтать…

Но это не был обычный вечер вторника. Она, впрочем, всё равно решилась на последний визит к Бесселю, но вовсе не для того, чтобы встретить знакомых. А для того, чтобы последний раз окунуться в живую стихию, прежде чем повернуться спиной к Бергену и уехать в Осло.

Она прошмыгнула мимо гардеробщика так, что избежала неприятностей, не сдав плащ и чемоданчик. С чемоданчиком в одной руке и сумкой в другой она проскользнула между столиками в задымлённое помещение. На этот раз она не высматривала знакомых. Этот миг, атмосферу, жизнь кафе она хотела ныне унести с собой.

То был великий день разговоров на тему: «посмотри, как я загорела». Однако попадались из-

---

[50] Примечания: 50
Луг *(норв.)*.

[51] Примечания: 51
Вессель Юхан Хэрман (1742–1815) — известный датско-норвежский писатель, драматург и поэт. Имя Весселя связано с «Норвежским обществом», созданным в 1772 г. в целях борьбы за самостоятельность норвежской культуры.

редка и бледные лица. Они бы должны ощущать себя изгоями, словно принадлежат к этническому меньшинству. Было нечто ненормальное в том, чтобы разгуливать между столиками в кафе с чемоданчиком в руке в первый будничный день после Пасхи. Белый чемоданчик подчёркивал ненормальную бледность лица.

Енни к тому же была абсолютно трезва.

И от неё не пахло лыжной мазью или кремом для загара. Или парафином и берёзовыми дровами. От неё не пахло даже перекисью марганца.

Странно было смотреть, как люди, сблизив головы, перешёптывались и шушукались друг с другом, как они кудахтали и смеялись. Как кокетничали друг с другом и рассказывали друг другу весёлые истории. Как распускали свои павлиньи перья и хвастались. Было почти больно смотреть на них.

— Посмотри на кончик моего носа! Ещё у меня немного загорел живот… А разве ноги у меня не загорели? И вот мы встретили лектора и врача… которые жили в гигантской хижине… с сауной. Ну, ты понимаешь… и всем прочим… Несколько дней было так тепло, что мы могли загорать в одних трусиках от купального костюма.

Мелкие людишки, думала Енни, дрожавшая

под своим плащом.

Несколько недель тому назад она сама была одной из таких. Теперь она себя не узнавала. Теперь её тошнило. Теперь она пребывала где-то в мировом пространстве.

Из страха встретить знакомых она поспешила выйти на улицу.

ЕННИ ПРОКЛАДЫВАЕТ СЕБЕ путь между мотоциклами, стоящими перед отелем «Норвегия». Она пересекает наискосок Фестплассен[52] и направляется к автобусной станции.

Внизу у самой воды примостилась, занимаясь любовью, парочка. Зрелище не из приятных. Как они могут, думает Енни. Это производит впечатление изнурительного труда. Да и холодно. А выглядит это, несомненно, чуточку комично. Двое распростёртых у воды животных, которые когтят, и тискают, и гладят, и щиплют друг друга. Причина их вожделения в том, что они принадлежат к двум разным видам рода человеческого.

И всё же: она так хорошо их понимает! Она сама была человеком…

САМОЛЁТ УЛЕТАЛ не раньше чем через пол-

---

[52] Примечания: 52
Праздничная площадь *(норв.)*.

тора часа. Но маршрутный автобус в аэропорт Флесланн отправлялся сейчас же. Фана — Мильде[53].

Впервые за день она физически почувствовала, что больна. Подземный коридор, ведущий в автобусный терминал номер восемнадцать, был бесконечно длинный. И ещё нужно было подняться по трудной лестнице. Да и в автобусе, где она изо всех сил пыталась удержать чемоданчик, пока рылась в сумочке, доставая деньги на билет, пришлось нелегко.

Она так много думала о смерти, что позабыла о своей болезни.

Теперь она почувствовала, как слаба…

— Извините, вы здоровы, фру[54]?

То был шофёр автобуса. С тех пор как она была застигнута врасплох Сири в кафе Реймерса, к ней впервые обращались с вопросом.

Енни почувствовала, как тёплая волна благодарности разлилась по её телу.

— Что? О, да-да, по-моему… здорова. Я всего лишь немного устала Спасибо. Мне очень жаль…

Охотнее всего она обняла бы его. Попросила бы

---

[53] Примечания: 53
Уезды в фюльке Хордаланн.

[54] Примечания: 54
Госпожа *(норв.)*.

о помощи, о сострадании. Или легла бы на капот двигателя и заплакала.

Она — возможно, впервые, будучи взрослой, — прожила целый день, не думая о том, как она выглядит. Пожалуй даже, рано утром она не подкрасила глаза.

Она чувствовала себя не только бледной и неухоженной. Должно быть, на её лице лежала печать страха, отчаяния, подавленности и смятения. Наивно было бы думать, что не все те мысли, с которыми она бродила по Бергену, были видимы всем и каждому.

Её охватило ощущение, которое она часто испытывала ребёнком. Ощущение того, что все, кто смотрит на неё, могут прочитать её мысли.

МИР

ЕННИ ВСЕГДА ЛЮБИЛА ездить автобусом.

Она любила сидеть у окна и смотреть, как мимо проплывают пейзажи. Горы, фьорды, дома, витрины магазинов, люди…

Как будто листаешь страницы книги.

Здесь она могла сидеть сама по себе и тайком — ни перед кем не отчитываясь — прислушиваться к людским беседам о погоде и ветре.

Самые важные часы раздумья в жизни Енни бывали во время дневных поездок автобусом между Осане и Бергеном. Если её мысли время от времени выходили за рамки житейской экономии и обычных дел, то это бывало в автобусе.

Это здесь она встретила восход солнца. Здесь пережила час сумерек. Это здесь однажды её осенила, словно какой-то парадокс, мысль, что человек — не вечен.

НА ЭТОТ РАЗ она села позади молодой матери с болтунишкой сыном шести-семи лет.

Он как раз достиг той поры в жизни, когда уже привык к действительности вокруг. Мир не был для него больше таким новым, будто с иголочки,

и неисследованным. Ему по-прежнему предстояло узнать много неизвестного, но мир как таковой не был больше источником удивления. Он не был предметом постоянных открытий.

Впереди через несколько рядов на коленях у отца сидела двухлетняя девочка Она то дёргала папу за бороду, то вырывалась у него из рук, восторженно показывая пальчиком в окошко.

Это дитя было совсем другим существом, нежели семилетний мальчик. Малютка по-прежнему пребывала в магическом возрасте. Для неё мир был по-прежнему столь же абсолютно нов, как и на седьмой день Творения, когда Господь отдыхал. И крошечная девочка видела что мир — прекрасен…

Если бы шофёр автобуса внезапно поставил управление на автомат, а сам принялся бы парить над крышей автобуса, над головами пассажиров, она, возможно, показав на него пальчиком, сказала бы:

— Смотли, папа! Дяденька летает…

С отцом, этим адъюнктом[55] или социологом лет тридцати, абсолютно наверняка случился бы шок. Просто потому, что ему, прожившему

---

[55] Примечания: 55
Преподаватель высшей школы в Норвегии (после 1919 г.).

тридцать лет или что-то в этом роде, никогда не приходилось переживать ничего подобного. Да, только лишь поэтому!

Теперь двухлетняя крошка показывала на машину «скорой помощи» с синими огнями и включённой сиреной. Машина проехала мимо автобуса по направлению к Сёрейде. Для девчушки это было чем-то неслыханным.

Папаша едва ли заметил, на что она показывала пальчиком. Он разделил переживания дочурки исключительно из педагогических соображений. Ему доводилось видеть машины «скорой помощи» и раньше.

Девочка едва успела сесть, как снова начала вырываться из рук отца. Теперь она, обезумев от восторга, показывала на лошадь, стоявшую перед большой конюшней.

— Гав-гав! — повторяла она.

— Лошадь, Камилла. Это — лошадь… а не собачка.

И он был прав.

Отец, пожалуй, почесал бы голову, заметь он из окна автобуса кенгуру. Но исключительно потому, что он много, много раз проезжал че-

рез Фьёсангер[56], даже мимолётно не зацепив взглядом кенгуру. Девчушка же, со своей стороны, захотела бы разразиться точь-в-точь тем же самым «гав-гав!».

Она была бы ничуть не больше и не меньше взволнована, увидев кенгуру. Её познания в зоологии были ещё очень поверхностны.

В сущности, она видела сейчас именно кенгуру. С кенгурёнком в маленьком кармане на брюшке у мамаши. Или слона. Розового слона. С золотыми и серебряными крыльями…

Маленькая Камилла пребывала в сказке. Точно так же побывал бы в сказке и адъюнкт, замелькай в воздухе детки-ангелочки.

БЫТЬ СМЕРТЕЛЬНО БОЛЬНЫМ заключало в себе колоссальное обострение памяти. Енни вспоминала своё детство так пристально, что ей ничего не стоило почувствовать себя двухлетней крошкой, которая была так удивлена всем, что видела.

Казалось, она сама — Енни — впервые видела мир. Хотя видела его, скорее всего, в последний раз. Не были ли это две стороны одной и той же медали? Как и малютка, сидящая там, впереди,

---

[56] Примечания: 56
Местный скотный двор *(норв.)*.

она — Енни — стояла у крайней черты мира.

Енни выглянула из окна автобуса.

Трава была такая зелёная, горы — такие высокие, ночное небо — такое ослепительно синее, а люди и животные — такие живые…

Казалось, будто мир выпорхнул всего несколько крохотных минут тому назад из рукава фокусника.

Высоко-высоко на склоне холма простиралось ещё несколько снежных пятен. Словно последний привет прошлого года, словно привет от жизни…

Енни никогда больше не увидит, как несётся вниз снежная лавина. Пробил её последний час.

Снег!

Енни вспомнила, как впервые увидела что-то белое на холме. Увидела самое первое зимнее утро мира. Толстый ковёр крупнозернистого инея словно холодной пеленой окутал всё, что было вокруг.

— Сахал! — воскликнула она тогда.

Она поднялась в своей маленькой четырёхколёсной коляске и принялась вовсю размахивать руками.

— Сахал!

Это было прежде, чем она почувствовала вкус блаженства. Она видела тогда лишь облитый

сахаром ландшафт.

МИР — ЗАГАДКА, думала теперь Енни. Но по мере того, как мы вырастаем, мы привыкаем к загадке. Так что в конце концов тайна отступает. Мир становится чем-то надёжным, достойным доверия. И следует подавить своё возмущение и хорошенько поразмыслить, дабы отказаться от иллюзий, будто мир — нечто непонятное, будто он нечто непостижимое. Необходимо заглянуть в самые глубины сознания, дабы пережить ощущение: мир — чудо…

Разве это не смешно?

Единственное истинное чудо — то, которое все видят. Но это и есть то единственное, о чём никогда не задумываешься.

Это нечто, с чем все люди согласны. Но это нечто никогда не становится темой беседы.

Самое тёмное, скрытое — ясно как день. Самое сокровенное, тайное — то, что мы все переживаем каждый день — без исключения. Здесь, на земном шаре во Вселенной, мы просыпаемся. Шар этот — волшебный. С озёрами, и лесами, и горами. И с лёгкими брызгами жизни всех величин и всех форм.

Здесь, на Земле, материя обретается повсюду. Здесь она вихрем кружится меж камней и де-

ревьев. Здесь она движется косяком в реках и озёрах. Здесь она хлопает крыльями в воздухе меж небом и землёй. И всё больше и больше: материя на этой мистической планете осознаёт своё собственное существование. Она разводит руками и говорит: «Добрый вечер! Я — здесь, люди!»

Всё равно так случается. Случается то, что мы привыкаем ко всему, что видим вокруг, словно это нечто само собой разумеющееся. Нам кажется, что жизнь на этой планете — самая разумная форма жизни. Только дронты[57] и динозавры — экстраординарны. Потому что давным-давно их на свете нет…

Уже так поздно, учась в третьем или четвёртом классе, Енни удивлялась тому, что люди в Китае не сваливаются с планеты. Она задумывалась также о том, кем бы ей хотелось быть, не стань она инженером-химиком. Что она знала, в конце концов, о «законах природы»? Законы природы! Где они теперь?

ЧТО ТАКОЕ было в Камилле с её «гав-гавами», что заставило Енни подумать о читальных залах и о студенческих коллоквиумах? Однажды, пятнадцать или двадцать лет тому назад, она читала

---

[57] Примечания: 57
Огромные доисторические существа.

историю философии Арне Несса в двух томах и сдавала потом экзамен. Из этой книги она ещё помнила одно предложение — возможно, потому, что считала его истинным.

«В сознании нет ничего такого, чего сначала не было бы в чувствах».[58]

Кто-то из философов высказал нечто в этом же роде. Сейчас эта мысль вновь осенила её — но теперь уже словно квинтэссенция всего, что можно сказать о мире.

Мы не рождаемся со списком желаний в этом мире, желаний, которые либо осуществляются, либо нет. И мы примирились бы с каким угодно порядком жизни.

Действительность не имеет никакого разумного преимущества по сравнению с какой угодно сказкой. С логической точки зрения все порядки в мире — одинаково возможны. Или — одинаково невозможны. Но человек наделён почти непостижимой способностью к приспособлению. Если мы ежедневно можем находиться в окружающей нас действительности, не сходя с ума, да, не моргая глазами, не щуря глаз, виновато в этом лишь то, что действительность действительна, что она

---

[58] Примечания: 58

Это высказывание принадлежит Абу Али ибн Сине (Авиценне), Гордер приводит его с небольшой неточностью.

является фактом.

Кто, пожалуй, *поверил* бы в действительность, прежде чем увидеть доказательство того, что она существует.

Мир, думала Енни, мир становится привычкой. Инфляция происходит во всем. Когда чудеса появляются одно за другим, мы в конце концов становимся равнодушны к ним. Настанет день, когда мы больше не увидим, что мир существует.

Это лишь контраст к ожидаемому нами: что-то будет оставаться загадкой. А удивляемся мы лишь тогда, когда прерывается длинный ряд ожиданий. Мир должно закрутить на четверть оборота. А нам до́лжно пережить нечто сверхъестественное, чтобы почувствовать всем телом: мы существуем.

ЕННИ ВЫГЛЯДЫВАЕТ снова из окна автобуса.

Сёрейде. Небольшая соседняя местность на расстоянии мили к югу от Бергена. Несколько магазинов, школа, банк, почтовая контора. Каждый вечер — безлюдье, ни души не встретишь.

Но Енни видит Сёрейде взглядом таким же острым, как у ребёнка.

Единственное, что делает наш мир более надёжным, чем самая шаловливая фантазия: он

существует. И всё же Сёрейде столь же абсурдна для разума, как Средиземье хоббитов или Алиса в стране чудес.

Наверняка какой-нибудь философ сказал что-то и в этом роде: мистическое — это вовсе не то, *каков* есть мир, а то, *что* он есть.

Наверняка и это утверждение Енни взяла на заметку, когда девятнадцатилетней девушкой прочитала его, готовясь к экзаменам по философии. Казалось, вокруг всего, о чём можно было иметь своё мнение, словно бы образуется кольцо.

Однако в течение долгих лет, что прошли с тех пор, она в общем-то об этом не думала. Для этого она была слишком занята тем, чтобы жить. Мир как таковой был вовсе не тем, о чём ежедневно только и думаешь.

Совсем другое дело, когда внезапно узнаёшь, что у тебя рак. Слова — такие как мир, жизнь или смерть — приобретают тогда большую весомость. У больных раком легко развивается сверхчувствительный интерес к философии. Многие сказали бы, что это один из признаков болезни. Такие мысли, во всяком случае, даже не возникали в кафе Весселя. Такого рода мысли были чужды лекторам и врачам в Финсе. Для

этого они сами были слишком здоровы. Для этого они сами становились кормом для животных.

Разве они не были похожи на коров и свиней, точь-в-точь как в Блумстердалене[59]? Они только выстроились в ряд. Не обращая внимания на это. Не делая ни шага назад.

Можно представить себе, чем занималась бы Сири в Финсе, если бы там была только её подруга. Возможно, она смотрела бы на звёзды. Возможно, она откинула бы голову и заглянула бы в мировое пространство. Возможно, она открыла бы самое себя и спросила бы, откуда она появилась.

ЕННИ ПРОЖИЛА бóльшую часть своей жизни на земле, как героиня комикса, не сознавая, кто она есть. Только в редких случаях она ощущала это, будто шок, охвативший всю её, будто знак того, что она существовала.

Человек, в лучшем случае, живёт восемьдесят или девяносто лет, думала она теперь. Поколение следует за поколением своим чередом… Мы все умрём… Мы живём не вечно…

Громких фраз в жизни общества было немало.

Но если бы мы жили всего три или четыре года, мы точно так же примирились бы с этим. Такова

---

[59] Примечания: 59
Долина цветов *(норв.)*.

наша природа. А проживи мы тысячу или десять тысяч лет, мы были бы так же недовольны приближающимся концом.

Тридцать шесть лет.

Сутки в вечности. Щелчок пальцами во времени. Енни не казалось, что она уже давным-давно стала взрослой. Она по-прежнему была ребёнком, неофиткой.

И всё же. Она больше не завидовала людям, получившим более милостивый срок на этой земле, их нескольким жалким дням. Собственно говоря, было не существенно, остаётся ли ей жить ещё неделю или тысячу лет. Если она всё равно когда-нибудь перестанет существовать… Вот этот вопрос был важнее, нежели определённый момент, когда закончится жизнь отдельного человека. Речь шла о чём-то большем, нежели удачная сделка: о точном времени, минуте в минуту.

Это не только я больна, думает она. Весь мир болен. Поэтому всё, что создаётся, пойдёт ко дну. В мире всё просто замечательно. Нас многое радует. Но совсем немногое из того, чему мы радуемся и за что цепляемся, продолжается долго.

Существовало ли на свете какое-нибудь целительное средство против её страха потерять

саму себя? Было ли что-то, способное вылечить её страстное желание жить? Было ли нечто, что могло задушить её жажду жизни? Существовала ли перспектива, которая затмила бы вопрос о том, быть или не быть?

Все эти вопросы Енни задавала самой себе на последнем аванпосте своего мира.

ЗВЁЗДЫ

АВТОБУС ПОДЪЕЗЖАЕТ к площади перед аэропортом. Теперь в нём только трое пассажиров: Енни, Камилла и её папа. Они достают свой багаж.

После долгой поездки в автобусе, самой долгой в жизни Енни, ей кажется, что она так хорошо знает своих спутников. Они ей гораздо ближе, чем Сири, Рагнхильд и все друзья в лаборатории. Эти двое — нечто большее, нежели случайные пассажиры. Они — ближние.

Енни набрасывает зелёный плащ на руку, а другой рукой стаскивает с полки для шляп белый чемоданчик. Она выходит из автобуса как раз в тот момент, когда шофёр заводит мотор. Он закрывает дверцу и едет дальше.

По дороге между Сёрейде и Бергеном — уже стемнело. Земля на несколько градусов повернулась вокруг своей оси, оставив солнце за горизонтом. Красные опознавательные огни вокруг аэропорта свидетельствуют о том, что ей предстоит умереть до конца XX века.

ЕННИ ИДЁТ тяжёлыми шагами ко входу в аэро-

порт.

Отправление… Прибытие.

Над низким зданием аэропорта она видит первые вечерние звёзды, словно синевато-бледные крапинки в полумраке.

Дальние солнца. И всё же наши самые ближайшие соседи в небесном пространстве.

Енни предстоит умереть на земном шаре, который движется вокруг по орбите один среди сотен миллиардов звёзд по Млечному Пути и вне его. Движется ещё дальше, чем может дотянуться её мысль; ведь существует несколько сотен миллиардов подобных галактик.

Смерть — так близка, а звёзды — так далеки!

В ОДИН ИЗ ПЕРИОДОВ своей жизни Енни интересовалась астрономией. Со времён гимназии и до тех самых пор, когда отправилась в Тронхейм изучать химию, она читала всё, что попадалось ей из книг об устройстве Вселенной. Это была какая-то одержимость.

Енни знала, что вся материя во Вселенной составляет органическое единство. Ей было известно, что вся материя некогда в первобытную эпоху была собрана в единый ком такого колоссального массива, что самый маленький предмет мог весить в то время много миллиардов тонн.

Она знала, что этот первобытный атом взорвался из-за огромной гравитации. Она знала, что та Вселенная, которой она теперь окружена, явилась результатом этого взрыва. И более того: она знала, что все галактики продолжают с астрономической быстротой нестись во все стороны.

Ещё гимназисткой Енни поместила саму себя в крупное взаимосоединение. Она извлекла несколько координат в пространстве и времени, а также нашла там своё собственное место. Она научилась закрывать глаза на подобные условности, к которым по необходимости привыкнешь, как человек, живущий на Земле. С тех пор, пожалуй, жизнь на Земле всё крепче захватывала её.

Енни видит звезду над Бергенским аэропортом. Она знает, что, прежде чем встретить её взгляд в 21 час 5 апреля 1983 года, свет этой звезды оставил за собой миллиарды километров.

Свет этой звезды потратил время на долгий путь. За время каждого удара пульса Енни он распространился на сотни тысяч километров сквозь ночь мира. И всё-таки потратил на это дни, и месяцы, и годы. Десятки лет, сотни лет, тысячи лет…

Выглянуть в космос было всё равно что обернуться назад во времени. Мы видим Вселенную

не такой, какая она есть, но такой, какой она была долгое время тому назад…

Когда радиотелескопы ловят свет отдалённых галактик, промелькнувший миллиарды световых лет тому назад, они наносят на карту Вселенной картину того, как она выглядела некогда в первобытные времена после Большого Взрыва. Ибо Вселенная не имеет безвременной географии. Вселенная — случайность. Вселенная — это взрыв.

Выглянуть в мировое пространство — всё равно что путешествовать во времени. Енни это знает. Она знает это с тех пор, как ей минуло семнадцать лет.

Всё, что человек может увидеть на небе, это космические ископаемые, насчитывающие миллионы лет. Всё, что может сделать астроном, это предсказать в прошлом — будущее.

Когда больная раком женщина, инженер-химик, смотрит ввысь из перегруженной делами жизни на Земле и обращает свой взор в небесное пространство, она заглядывает назад в историю. Если ночь ясна, она видит миллионы — нет, миллиарды лет назад во времени. Тогда она каким-то образом обращает лицо в сторону дома, в сторону своего космического начала и истока.

КОГДА ЕННИ была ребёнком, у неё часто кружилась голова при мысли о бесконечности Вселенной.

Папа объяснял ей, что Земля — крохотный шарик, плывший по орбите вокруг Солнца. Солнце было звездой. И высоко-высоко в небе парили миллионы миллионов подобных солнц.

А по ту сторону звёзд?

Там снова насчитывались миллионы новых звёзд. А дальше по ту сторону от них?

Кое-что из прочитанного заставило Енни прибегнуть к сопоставлению и убедиться: то была устаревшая картина мира. Вселенная не была бесконечна. Велика — да, была. Но не бесконечна.

А не была ли это поистине головокружительная мысль? Что Вселенная где-то кончалась, что действительность была загадочным колоссом, поднявшимся во мгновение ока.

Енни идёт в зал отправления, тут она вспоминает об астрономе, о котором как-то читала и который вычислил общее количество галактик во Вселенной. И более того: он считал не только звёзды на небе. Он вычислил общее количество элементарных частиц в мировом пространстве и нашёл вес Вселенной.

Мысль об этом поднимает настроение Енни.

Действительность, думает она, действительность — предмет, который весит определённое количество килограммов.

В настоящее время масса Вселенной разделена на миллиарды галактик, расположенных на колоссальной территории. Но так было не всегда. Когда-то в первобытные времена, десять или пятнадцать миллиардов лет тому назад, вся масса Вселенной заключалась в одном-единственном предмете. Тогда действительность была вещью.

Мысль об этом заставляет быстрее биться пульс Енни.

Все звёзды и все галактики в мировом пространстве созданы из одной и той же материи. Некоторые слились здесь, а некоторые — там. Миллиарды световых лет могут отделять одну галактику от другой. Но у всех у них одни и те же истоки. Они все одного и того же рода…

Что это за материя, из которой состоит мир?

Что взорвалось однажды миллиарды лет назад?

Как это произошло?

Это глубочайшим образом касается Енни. Потому что она сама соткана из этой материи.

АЛКОГОЛЬ

— МНЕ НАДО ПОЛУЧИТЬ билет. До Осло на 22.20…

— У вас есть номер заказа?

— Номер…

— Вы не получили номер заказа?

— О, да… подождите… минутку… Посмотрим… XZ-восемьсот двенадцать.

— …Хатлестад?

— Да. Енни Хатлестад…

— Пятьсот девяносто две кроны.

Енни оплатила билет чеком Бергенского банка.

Давным-давно не была она в аэропорту. Её будто ударила мысль о том, что, должно быть, она в последний раз путешествует самолётом. Возможно, она в последний раз выписывает чек.

— А чемодан?..

— …Сдадите у стойки vis-a-vis[60].

ЕННИ ИДЁТ наискосок через зал отправления. Там она выбирает между ухоженной женщиной под тридцать и мужчиной ей под стать. Они

---

[60] Примечания: 60
Напротив *(фр.)*.

наверняка прошли школу улыбки. Она выбирает мужчину.

— Я сразу увидел, что это ты, — говорит он, когда она подаёт ему билет. — Но обычно я жду, пока не увижу билет.

Ну вот, её, вероятно, снова увидели насквозь! Второй раз за один день! Как можно не понять, что она больна?

Она непонимающе смотрит на него. Он широко улыбается.

— Енни! — говорит он. — Ты меня не помнишь?

— ?..

— Ты посмотри мне в глаза…

— О, Аннерс!! Ну конечно же… Я целиком занята своими мыслями. Аннерс Лёвстаккен!

— Верно. Третье ноября шестьдесят шестого… Это я отвозил тебя домой после завтрака у русских.

— Несмотря на то, что это было семнадцать лет тому назад…

— Разве это не ты вышла замуж? За какого-то театрального деятеля в Тронхейме?

— Да — и разошлась…

— А что теперь?

— Что?

— А теперь? Свободна?

Свободна. Именно сейчас. Енни не понимала смысл этого слова. И всё равно оно спровоцировало её. Что значит: человек — свободен?

— Ты в Осло? Что-нибудь случилось?

— Да, в Осло.

— Дела?

Енни ужасно разозлилась. А может, это как раз то, что ей нужно. Чтобы чуточку согрелись щёки, чтобы кровь быстрее текла по жилам.

— Мне на конференцию… в Хельсинки.

— Как интересно! А чему посвящена?

— Адреналину. Синтетическое производство адреналина.

Теперь она с ним рассчиталась. Он широко улыбнулся и протянул ей посадочный талон.

— Счастливого пути, Енни! Я был чуточку влюблён в тебя, знаешь…

Поворачиваясь спиной к нему, она выдавила застывшую улыбку. Он всё ещё не забыл те времена.

ЗАЛ ОЖИДАНИЯ ТАК И КИШИТ важными персонами. Пасхальные туристы вперемешку с чопорными бизнесменами. Последних всё-таки большинство.

Настоящие пингвины с зонтиками и с кейса-

ми…

Енни видела их насквозь.

Она пошла в кафетерий. Не выпить ли ей бокал кампари?

Одно несомненно — средства на это у неё имелись. Енни никогда раньше не располагала такими большими деньгами, как теперь.

Кампари…

Несколько недель тому назад она называла его божественным напитком. То была роскошь, которую она лишь изредка могла позволить себе. С красным вином она была много щедрее.

Почему она не купила бокал кампари? И ещё один? И ещё один. Чтобы потом закруглиться ещё и бокалом портвейна. Да почему бы ей не надраться до чёртиков по пути в Осло? Для этого у неё достаточно серьёзных причин. Бокал кампари наверняка пошёл бы ей на пользу. Да и они в Саннвикене наверняка поняли бы это…

У Енни в разные периоды жизни были чрезвычайно доверительные отношения с алкоголем. Особенно в первое время после того, как она уехала от мужа, от Юнни. Он временами пил так сильно, что только по одной этой причине она сама утратила страсть к алкоголю. Потом она снова навёрстывала упущенное и снова отказы-

валась… Но несколько бутылок красного вина сопутствовали ей постоянно. И они выпивались ею в одиночестве так же часто, как и вместе с друзьями.

Вино обладало парадоксальным свойством. Оно делало её отношение к миру более близким и более тёплым. Но и создавало дистанцию ко всему окружающему, дистанцию, необходимую для понимания мира как единого целого.

После бутылки красного вина мир оказывался ровно на таком расстоянии от Енни, что она была в состоянии понять его. Тогда она порой подходила к окну, надолго останавливалась возле него и выглядывала наружу. Ни дом, ни вершина дерева, ни один человек там, снаружи, совершенно не интересовали её. Причина её равнодушия крылась в том, что она так высоко поднималась надо всем…

Однако при счастливом стечении обстоятельств случалось так, что она думала о жизни в её обыденности, думала о Вселенной, о мировом пространстве. И о самой себе как о части великого целого.

Ей не было по-настоящему ясно, вызывалось ли это состояние вином или же вообще оно присуще ей самой. Потому что подобные мысли на следу-

ющее утро всегда исчезали.

На другой же день было понятно, что все пошлости мира близки ей. Что это — тысячи мелочей. Но тогда уже все вещи утрачивали теплоту вчерашнего дня.

Вино научило Енни только щуриться в ответ на многочисленные перемены в жизни. Возможно, днём она видела разные детали отчётливее, чем ночью. Но тогда за счёт целого, за счёт поверхностного обзора. Если какая-то «целостность» тогда существовала. Если только не была абстракцией. И, стало быть, свойством, присущим вину…

Даже смерть была приемлема после нескольких бокалов…

Наипервейшим качеством вина должна была бы быть терпимость. Не смирение, не уступчивость. Эти качества не имели ни малейшего отношения к природе вина. Но настойчивость, наступательность и настроенная в пользу «да» терпимость. Примирение… да, соединение — тоже.

Диагноз, думала она, известие о смерти — это она приняла бы после целой бутылки вина. Тогда она могла бы выбирать, пройти ли ей свой путь — этап за этапом — или же сразу положить конец

всему. И значит, ждать, пока терпимость, присущая вину, не окутает всё своим примиряющим покровом…

А теперь Енни стояла в кафетерии в аэропорту Флесланн и собиралась заплатить за бокал кампари. Но потом извинилась и передумала. Теперь ей хотелось быть трезвой.

Проблема ныне заключалась не в том, чтобы оставаться трезвой, а в том, что она не чувствовала себя достаточно трезвой. Если бы купить себе напиток, заставивший бы её протрезветь ещё сильнее, чем она была, она пошла бы на это. (Почему не придумали такой напиток?)

ЕННИ ОГЛЯДЕЛАСЬ в зале отправления.

Несколько пассажиров, похожих на пингвинов, сидели за бутылкой водки или с чашкой кофе в холодном помещении. Склонившись над кейсом с документами. Или хорошенько укрывшись за развёрнутой газетой. Но большинство дёргалось и прыгало во все стороны, совершенно механически, словно в старых немых фильмах.

Люди они были современные. Они напоминали ей роботов. Одному за другим приходилось посылать телеграммы в разные города.

За дверью небо было ясное и звёздное. И возможно — холодно. Но внутри здания было ещё

холоднее. Ледяной ветер проносился здесь между людьми.

Енни почувствовала, как ночь манит её выйти на воздух. Да и никакого утешения здесь, в зале отправления, не найти. Никакой терпимости. Никакого примирения.

На воздух! — думала она. Выйти в ночь!

Было начало десятого. До отлёта оставалось ещё около часа.

А если она не успеет вовремя на свой самолёт, наверняка завтра рано утром в Осло полетит другой…

Багажа при ней не было. Ей надо было думать только о самой себе.

ПОНИМАНИЕ

ЗА ДВЕРЬЮ ЗАЛА ОТПРАВЛЕНИЯ почти совсем темно. Высоко над апрельской ночью висит ковёр, сотканный из сверкающего света. Каждая лампочка в этом узоре, похожая на грушу, блестит на тысячную долю ватта.

Енни прогуливается мимо автобусов, и такси, и всех взятых напрокат автомобилей. Не быстро, но решительным шагом. Она пересекает дорогу и отправляется в берёзовую рощу.

Во мраке роща выглядит как неприступная непроходимая чаща. Но Енни находит тропку, что скользит меж стволами.

Она узнаёт терпкий, почти кисловатый запах весны. Запах прелой земли. Но и сладостное благоухание пробуждающейся жизни. Это даёт ей ощущение чего-то неподдельного, первобытного…

Она прикасается к стволам деревьев, цепляется за свисающие вниз ветки, ощупывает крошечные почки. Потом надолго останавливается и крепким объятием охватывает берёзовый ствол.

Это — мой мир, думает она. Вот таков он здесь и есть…

ОНА УХОДИТ так далеко, что уже не видит огней аэропорта. Будто посторонний шум, доносится ужасающий грохот, с каким начинает работать двигатель реактивного самолёта.

Она выходит к прогалине в лесу. Здесь она садится на пенёк. Она разгребает руками траву, ощущает пальцами холодную землю.

Потом она поднимает со склона холма большой камень и кладёт его на колени. Он такой тяжёлый, и так приятно держать его в руках. Он такой массивный. Такой солидный.

Будто вместе с этим камнем она поднимает всю природу. Будто держит на весу весь мир. Будто она сдвигает с места онемевшую ногу.

ЭТО Я — весь мир.

Сейчас она не пьяна. Она — больна. И сейчас она — абсолютно трезвая.

Я умру, думает Енни. Но я — нечто большее, нежели заблудший в мире — гость[61]. Я — *сама* действительность.

Чёрные верхушки деревьев вырисовываются словно слабые тени на фоне тёмного неба. Теперь

---

[61] Примечания: 61

Название автобиографической повести знаменитого шведского писателя, лауреата Нобелевской премии (1951) Пера Фабиана Лагерквиста (1891–1974) — «В мире — гость» (1925). Он же автор философского романа «Варрава».

они — ещё чуть темнее, так что ей больше не отличить небо от земли.

Я — *не существую* в этом мире. Я — *сама* этот мир. Она произносит все слова громко для самой себя. Я — *сама* этот мир.

ОНА ДОСТАТОЧНО думала об этом прежде. Что мир — тайна. Что мир — загадка, загадка, имеющая нечто общее с ней самой. Но теперь — теперь это было нечто большее, чем мысль. Теперь это было познание мира, столь трудное, почти невероятное, что она могла присягнуть: это так.

Смутное чувство симпатии ко всему, что есть на свете, она и прежде испытывала не раз. Если не что-либо иное, то вино вызывало в ней подобное чувство. Но она никогда не могла полностью избавиться от ощущения, что она совершенно условное, произвольное существо и что она вросла в такую же условную, произвольную действительность. Пропасть между ней самой и всем прочим была непреодолима.

Мир, который существует, думала теперь Енни, этот мир, что принадлежит мне, он всё равно — мой. Он — *мой*.

Какой болезненный и тяжкий путь нужно было ей пройти, чтобы достичь этого простого понимания! Потому что разве было в этой Вселен-

ной нечто более естественное, чем это простое знание? Было ли возможно вторгнуться в более ясный ход мысли?

Насколько бы бесконечно более простой ни казалась эта мысль по сравнению со всей запутанной христианской мифологией с её тысячелетней давности традицией удваивать действительность…

Это я — всё то, что существует. Это я — то, что бесконечно редко может пережить самоё себя как цельность. Как личность.

Чудилось, будто она на том самом месте, где сидела, выступала от имени всей действительности.

Над деревьями, словно острые иголки в ночи, сияют звёзды. А свет, излучаемый ими, словно натянутые струны между небом и землёй. Они связывают Вселенную воедино.

ЕННИ ПОДНИМАЕТ КАМЕНЬ с колен и снова кладёт его на склон холма.

А потом что-то будто поднимает её с пенька, на котором она сидит. Она делает это не сама, но чувствует, что тело её поднимается. Это какая-то особая сила, внезапно подталкивающая её. Какой-то напор снизу.

Она делает несколько шагов. Но не чувствует

собственного веса. Потому что она уже не только она сама по себе. Она и холм тоже. Он — словно онемевшая нога.

ОЩУЩЕНИЕ ТАКОЕ, БУДТО идёшь по воде. Море под тобой и море со всех сторон. Но море, которое она ощущает под собой, бездна, что поднимает её ввысь, — это бездна в ней самой.

Кажется, будто её собственное «я» было высосано из неё и поглощено чем-то более крупным. Так она словно бы уходит, она исчезает. Кажется, будто она теряет саму себя. Как теряет саму себя капля, встречаясь с гладью воды.

Енни больше не существует. И одновременно она — всё. Точь-в-точь как капля… существует в море, да и не только как капля…

ЕННИ НЕ ЧУВСТВУЕТ больше веса собственного тела, но она чувствует вокруг себя материю Вселенной. Её тело — тело мира.

Деревья, камни, пенёк, на котором она сидела. Лес вокруг неё.

Всё соединено между собой, всё — едино. Только поверхность разная.

Формы природы, окружающие её, словно рябь — на поверхности океана. Под ними всеми — напор из бездны, что выжимает всё наверх.

Бездонная пропасть, мрак, из которого струится свет, чёрная дыра, которая так наполнена, что кажется пустой.

Раньше Енни была лишь волнующейся поверхностью. Ныне она тоже — тяжёлая, и плотная, и молчаливая бездна внизу…

Сейчас волны на поверхности успокоились.

Точь-в-точь как все деревья, что растут вокруг, поднимаются, возвышаются, тянутся ввысь, так и она стоит посреди этого ландшафта, да, и она *тоже*. Она *тоже* этот ландшафт. Как камень или пенёк в природе сами являются природой, а не только камнем или пеньком.

Так, как она ощущает мизинец на руке, — так ощущает она и ландшафт вокруг себя, будто это её собственное тело.

Та самая жизненная сила, что течёт в её жилах, наливает соком и берёзовые стволы. И всё это — деревья, камни, пенёк, трава, склон холма, на который ступает её нога, да и она сама — всё это одно сознание, одна душа.

Она ощущает, как сознание своего «я» просачивается из неё наружу и исчезает, вытекает. Одновременно она ощущает себя окружённой сознанием, окутанной тёплым и живым потоком сознания.

Великий Боже! — думает Енни. Великая Я!

ОНА ЧУВСТВУЕТ себя вырванной из времени.

Время?

Слова, такие как «время» и «пространство», — бессмысленны. Енни теперь вне времени. Она — вне времени и пространства.

Она переживает нечто, что не длится секундами или годами. Это длится и секундами, и годами. И всё же ещё короче, всё же ещё длиннее.

Мир — будничный мир Енни — он словно панцирь, из которого ей надо выползти.

Её переполняет чувство неописуемого счастья. Теперь у неё больше нет желаний, ей ничего больше не хочется. Не потому, что у неё есть всё, что она может пожелать себе, но потому, что она сама — всё это и есть.

— Будда! — шепчет она. — Нирвана…

И ВОТ ВНЕЗАПНО всё снова встаёт на свои места.

Деревья становятся деревьями, камни — камнями, пенёк, на котором она сидела, — лесным пеньком, звёзды убирают свои острые пальцы на тысячу световых лет обратно, а Енни Хатлестад — на пути в Осло, чтобы умереть.

Она чувствует, что тепло вокруг неё исчезает.

Остаётся лишь выжженный мир, мир холодной золы.

ТО, ЧТО ОНА ПЕРЕЖИЛА, описать невозможно. Но она уверена: пережитое ею есть нечто предельно реальное. В прохладную апрельскую ночь она берёт с собой совершенно новое понимание, истину, в которой никогда не усомнится.

СМЕХ

ЕННИ ОТЫСКИВАЕТ ДОРОГУ из берёзовой рощи и идёт по направлению к аэропорту.

Впервые за четырнадцать дней она улыбается. Улыбка её как раз не очень счастливая. Улыбка эта — лукавая, улыбка — озорная.

Она едва сдерживается, чтобы не прыснуть со смеху. Её будто кто-то дёргает. Словно она наконец поняла суть всей этой шутки, всего этого.

Она открыла для себя новое измерение. Она видела, что китайская коробочка вмещает в себя ещё одну коробочку. Ту, в которой — золото. Она видела, что деревянная русская куколка матрёшка прячет внутри себя ещё одну матрёшку-куколку. Ту, что смеётся и улыбается, и делает маленькие пируэты. Она разглядела оптический обман.

КОГДА ЕННИ ШЛА по городу, смертельный страх бушевал в её душе.

Был бы это только сон, думала она. Был бы это только кошмар, от которого я могу проснуться! Но она не проснулась. Потому что не спала.

Но вот она всё-таки очнулась.

Она не спала, когда покинула аэропорт. Она, вероятно, никогда так не бодрствовала. Енни совершенно не спала с тех пор, как открыла глаза в своей квартире в Осане ранним утром нынешнего дня. Но здесь, в берёзовой роще, она ещё раз проснулась. И теперь бодрствовала вдвойне. Вся её жизнь вплоть до сегодняшнего дня вспомнилась ей как сон.

Зачарованность прошла. Иллюзия того, что её приговорили к смерти, была уничтожена.

Та жизнь, которой она жила до сих пор, была словно наивный комикс, где действительность разложена по клеточкам. Но теперь всё сплавилось воедино. Клеточки исчезли. И всё стало единым целым. Один поток, одно сознание, одна я…

Енни была жертвой иллюзии. Она прожила свою жизнь в комнате с кривыми зеркалами. Она сыграла свою роль в дурацкой комедии. Но теперь — теперь страшный сон кончился.

Теперь она не была больше заперта в больное раком тело. Ведь то, что она называла «я» — с шумом и помпой, — это не было её собственное «я». Это была только поверхность от «я», иллюзорное «я», «я» из её снов, которое проснулось.

Её собственное «я», самое глубокое внутреннее

«я», — оно не должно умереть. Оно не должно умереть так же, как не умирает лес, если одно дерево срублено.

Енни вовсе не родилась в Бергене первого марта 1947 года. Енни вовсе не тридцать шесть лет. Енни существовала неизменно. Енни будет жить вечно.

Когда теперь она смотрела на звёзды над верхушками деревьев, они всё же не были так далеки. Теперь они были свидетелями её собственного величия. Ведь она была и этими звёздами тоже — как она была той основой, той твёрдой почвой, в которую верила.

Почему Енни должна бояться умереть?

ОНА БЫЛА этим миром!

Как же она этого раньше не понимала!

Как же все люди не поняли того же, что и она!

А попытаться рассказать об этом другим было бы всё равно бесполезно. Для этого они слишком неугомонны и шумны, да и слишком влюблены в свои иллюзии. Для этого слишком крепко зачарованность держала их в руках. Для этого они слишком цеплялись за своё ego, за своё собственное, маленькое, жалкое, бесцельное «я».

Енни всё равно нечего было терять. Ей было не так уж трудно выпустить из рук саму себя.

Насколько же она была удачливее большинства людей!

Она стояла на самом крайнем аванпосте мира. Она была близка к нулю. И надо было пройти через эту исходную нулевую точку, прежде чем увидеть новое небо и новую землю.

Она *была* целым миром!

Простейший тезис мира. Самое бесспорное утверждение мира! И всё-таки… Как невероятно трудно внушить это другим!

Пожалуй, что значило слово на фоне этого смертоносного луча уверенности? Ведь Енни, Енни была теперь права. Она умерла там, вдали, в лесу. Так умирает капля, целуя море.

То была смерть, торжествующая над смертью. Смерть в берёзовой роще сделала так, что о физической смерти следовало печалиться несколько меньше, чем о том, чтобы проглотить витаминную таблетку.

Она потеряла самоё себя. Потеряла Енни Хатлестад. Теперь она может передохнуть. Теперь было слишком поздно умирать.

ЕННИ ПЕРЕЖИЛА нечто такое, чего никому у неё не отнять. Но это не было чем-то личным.

Личным?

Это словечко вечно недовольного Дональда

Дака напомнило ей серию старых комиксов.

В нём было нечто универсальное, нечто очевидное, нечто явное, нечто общее. Потому что разве не лежало всё на поверхности, не было открыто и доступно всем?

Тайной был сам день. Действительность. Вселенная. Тело мира.

ВТОРОЙ РАЗ за этот вечер Енни Хатлестад идёт в Бергенский аэропорт. Но сейчас она не идёт, опустив голову. Она идёт с высоко поднятой головой. С гордо поднятой головой.

Над низкой крышей зала отправления она видит мерцающую гроздь звёзд. Они словно искры костра, зажжённого однажды пятнадцать миллиардов лет назад.

ВСЮ СВОЮ ЖИЗНЬ Енни смотрела на звёздное небо, не понимая того, что видит. Не желая этого понять.

Она прочитала дюжину книг о галактиках, спиральных туманностях[62], о небесных погодах[63],

---

[62] Примечания: 62

Напоминающая Млечный Путь дальняя спиральная туманность — определённая фаза развития астрономического тела, находящегося в газообразном состоянии *(астроном.)*.

[63] Примечания: 63

Состояние высоко расположенных слоёв атмосферы *(астроном.)*.

о красных гигантах[64], о белых карликах[65] и чёрных дырах. Она интересовалась подобного рода вещами. Так, как можно интересоваться старинными монетами или почтовыми марками.

И всё же — её интерес ко Вселенной едва ли был случаен. Не сознавая этого отчётливо, она уже двадцать лет назад напала на след того, что ей довелось пережить в берёзовой роще. Она всегда носила в душе страстное стремление к целостности, к гармонии.

Всего несколько часов тому назад она была инженером-химиком, больной раком женщиной, которая молилась о смерти. Теперь она воочию видела то, о чём молилась там в горах, наверху, в ночь светового года[66] над аэропортом Флесланн. Миллиарды лет до того, как она сложила свои руки в молитве: ответ на мольбу отправился в долгий путь.

---

[64] Примечания: 64

В процессе звёздной эволюции происходит превращение звезды в гиганта, а затем в белого карлика (для звёзд солнечной массы). Гиганты (звёзды-гиганты) — звёзды очень больших размеров. Имеют малые средние плотности.

[65] Примечания: 65

Очень плотные горячие звёзды малых размеров из вырожденного газа.

[66] Примечания: 66

Расстояние, которое свет проходит за год, — около 9,5 биллионов км *(астроном.)*.

Енни также — искра от того костра. Она соткана из той же материи, что и звёзды. Она тоже — звёздная пыль.

Некогда материя была телом, плотью. То были фибры — волокна того тела, что ныне разбросано во все стороны.

Енни — разорванное на куски единое целое — растерзанный Бог. Это она взорвалась пятнадцать миллиардов лет тому назад. Это она была разорвана тогда на куски. Но сегодня ночью она обрела обратный путь к себе самой.

МАСКИ

ЗАЛ ОЖИДАНИЯ ТАК И КИШИТ важными персонами. Пасхальные туристы вперемешку с чопорными бизнесменами. Даже в этом вечернем самолёте последние в большинстве. Похожи на пингвинов с кейсами…

Енни видела их насквозь.

Дети человеческие, думала она, дрожа под своим плащом.

Енни стояла одна меж небом и землёй. Ничего, о чём бы ей хотелось поболтать с этими человеческими детьми, у неё не было.

А пугало её то, что она больше не чувствовала себя одинокой.

БЫЛА ЛИ У НИХ ДУША?

Была ли душа у этих фигур, которые дёргались и метались во все стороны, механически, как в старых немых фильмах?

О нет, думала Енни. Души у них нет. Души у них не больше, чем у обыкновенного муравья в муравейнике. Они и есть — душа. У такой мечтательной личности души нет, но она сама и есть душа мечтателя.

В зале отправления не набралось бы и двух сотен душ. Там было множество масок, но за всеми масками стояло неделимое «я». Они все были представителями одной и той же души, души, которую они, занятые всей своей близорукой деятельностью, так и не увидели. Был среди них кое-кто, явно не имевший даже отдалённейшего предположения о существовании.

Енни смотрела, прищурившись, на все эти фигуры и видела одно и то же в каждой из них. Все они были одной и той же породы, одного и того же рода.

НО ВОТ ЧТО-ТО ПРОИСХОДИТ с ней снова. Новое изменение…

Внезапно её пронизывает чувство сострадания ко всем этим детям человеческим, которые мельтешат вокруг неё в одном-единственном непрерывном круговороте жадности к жизни.

Так больно видеть, как они напрягаются, как цепляются за своё собственное маленькое «я». Поверхностное «я». Ego — «я». Иллюзорное «я».

Расслабься, думает Енни. Не обращай на них внимания!

Если только они перестанут обращать на меня внимание, они выиграют всё. Но прежде они должны умереть. Сначала они должны прогло-

тить эту безопасную витаминную таблетку.

Тот, кто хочет спасти свою жизнь, должен её потерять…

Зерно должно упасть в землю и умереть…

У НЕЁ ПОЯВИЛОСЬ ЖЕЛАНИЕ остановить одного из них и рассказать то, что она знала. Но она не могла просто так вцепиться в проходившего мимо бизнесмена с зонтиком и кейсом, оцепенело заглянуть ему в глаза и сказать:

— Извините, господин, но вам ясно, что вы и *есть* сама действительность? — Или: — Дорогой ближний, ты понял, что ты и есть Бог?

— Простите?

— Ты не только случайное звено в числе других, номер в серии прочих…

— Хе-хе! Случайное? Нет, об этом я никогда не думал!

— Ты — всё. Вся Вселенная от А до О[67].

— Что такое ты говоришь?

— Ты — не только «в мире гость». Ты и есть действительность.

— Вот как? Да, некоторым образом. Забавно сказано…

---

[67] Примечания: 67

В норвежском алфавите последняя буква — «А», которая читается как русское «О».

— Но ты — жертва иллюзии, которая разрывает тебя на куски и разлучает с самим собой.

— Гм… Извини, я должен ещё сдать багаж.

И ВОТ ОНА замечает у барьера Аннерса Лёвстаккена. Он смотрит на неё, и вот она уже тепло улыбается ему в ответ. Он нынче вечером перемолвился с ней, но вовсе не так, как думает. Она переходит зал наискосок.

— Ты хорошо рассчитала время, Енни… Енни. Она вздрагивает, снова услышав своё имя. Звучит так легко и откровенно.

— Я выходила погулять.

— Вижу. А ты… не почистишь ли свой плащ? Об этом она не подумала. И вот она чем-то снова выдала себя.

— Да, Аннерс. И я пережила нечто странное…

— Здесь? Что именно?

— Я сказала, что мне нужно в Хельсинки…

— Точно. Самолёт SK-четыреста восемьдесят четыре из аэропорта Форнебу[68] в одиннадцать утра.

Ну и подлиза! Но он думал вовсе не так.

— Но мне туда не надо. Я — на пути в Осло,

---

[68] Примечания: 68

Один из двух аэропортов в Осло. Там функционирует также новый аэропорт Гардемуэн.

чтобы умереть.

— Что такое ты говоришь?

— Но это всё неважно. Это не играет больше никакой роли. Я умерла там, в берёзовой роще, под открытым небом…

— Ты всегда была чуточку странной, Енни. Но теперь просто не знаю, что и думать, Енни. Такое впечатление, что ты напряжена до предела, немного не в себе.

— Я словно утратила самоё себя. Каким-то образом я исчезла. Но одновременно я была всем, что меня окружало. Внезапно я почувствовала, что была Богом. Эта мысль осенила меня, будто откровение…

— Нет, ты нездорова!

— Нет, я нездорова! Но это ровно никакой роли не играет, слышишь?! Ты тоже не слишком здоров, даже ты. Один щелчок пальцами — и тебя уже нет. Пройдёт несколько лет, и ты исчезнешь навсегда.

— Так быстро, пожалуй, это не произойдёт. А пока я чувствую себя хорошо.

— Я тебе не завидую.

— В чём?

— Что ты чувствуешь себя хорошо.

Почему всё должно быть так сложно? Ей так

хотелось, чтобы кто-нибудь поучаствовал в её открытии, обретённом такой дорогой ценой. А вместо этого ей приходится переживать из-за того, что она препирается с человеком, которого почти не знает.

— Вот что, Енни, выслушай меня! Отложи свою поездку в Осло. Я могу отозвать обратно твой багаж. Ты получишь новый билет на завтра или когда только захочешь. Ты пойдёшь ко мне домой. Я живу совсем близко, в Блуммендалене. Выпьем бутылочку вина. У меня есть… у меня найдётся и бутылка отличного виски.

— О нет, мой дорогой Аннерс. Это, пожалуй, невозможно…

На одну секунду её соблазнила предложенная им детская игра.

— Да, ты в самом деле прав, что я немного устала. Я собираюсь в длительное путешествие. Я… я *должна* попасть на эту конференцию в Хельсинки. Я должна прочитать там доклад… завтра вечером.

— Мне внезапно пришло в голову, что у тебя билет в одну сторону.

— В четверг я лечу дальше, в Москву. А через неделю «Аэрофлотом» — в Иркутск. Оттуда поеду поездом через Монголию. Мне… мне надо в

Пекин.

— В Пекин? В самом деле?

— Один мой друг…

— А, стало быть, у тебя есть друг?

— …дипломат, работает там в норвежском посольстве. Он готов организовать поездку в Тибет. Я поживу там некоторое время, буду изучать буддизм.

— Думаю, ты плетёшь небылицы.

— Немного поживу в монастыре. За последнее время со мной случилось столько всего понемногу. Я считаю себя буддисткой.

Как легко было лгать. Но то, что она рассказывала, было не менее невероятно, чем правда. В своём роде и это было правдой тоже. На том языке, который он понимал.

— Да, в какой-то мере, в какой ты способна стать. Я понимаю, что мы загадываем загадки.

— Послушай-ка, Аннерс! На Тибетском нагорье живёт один пастух. В этот миг он наливает овечье молоко в большое медное ведро…

— Да?

— Разве ты не чувствуешь, что ты отчасти пребываешь и там тоже? Разве ты не чувствуешь, что в тебе есть частица и этого пастуха с Тибетского нагорья, а он — отчасти — ты?

— Не возражаю, чтобы ты полетела в Хельсинки завтра рано утром. Эти твои слова звучат убедительно. Но дальше на восток ты не поедешь.

Он смотрит на неё. Теперь уже немного угрюмо.

— Должно быть, ты живёшь довольно скучно. По той или иной причине тебе доставляет своего рода удовольствие насмехаться надо мной… матушка Осе![69]

— ?..

— Уж не хочешь ли ты сказать, что забыла, как играла на сцене матушку Осе? А я был Пером Гюнтом? Хе-хе… Благонравие матушки Осе…

— Я…

— Это было, помнится, не так уж давно. А ты — вовсе не на пути к какому-нибудь замку «Сориа-Мориа»[70] … Ты подумала о моём предложении отложить поездку? Завтра рано утром, в девять двадцать, летит самолёт в Осло. С почтой в Хельсинки. Я… проверил по компьютеру. Там тридцать два свободных места.

---

[69] Примечания: 69

Мать Пера Гюнта из драматической поэмы «Пер Гюнт» (1867) норвежского драматурга Хенрика Ибсена (1828–1906).

[70] Примечания: 70

Волшебный замок в одной из самых известных норвежских народных сказок, собранных (1841) фольклористами Пером Кристеном Асбьёрнсеном (1812–1885) и Ёргеном Ингебретсеном Му (1813–1882).

— Мне нужно, вероятно, несколько дальше, чем ты думаешь, Аннерс. Я въеду прямо в восход солнца. Я переезжаю в ту страну, откуда брезжит свет. Сама же страна — темна как ночь. Но земля — тоже темна. И всё-таки она рождает цветы всех оттенков радуги. Разве это не удивительно? Ты думал об этом?..

Речь Енни прервало объявление, что её самолёт отправляется.

— Счастья тебе, Аннерс. Чувствую, что я поделилась с тобой частью своей жизни.

Он снова посмотрел на неё. Теперь, похоже, он уже испугался. А она добавила:

— Когда-нибудь ты поймёшь, о чём мы сегодня говорили. Возможно, ближе к осени. Или… во всяком случае, до Рождества…

Она словно бы подчёркивала свои слова. Но они привели его в ещё большее замешательство.

— Подожди! Я в самом деле беспокоюсь о тебе, Енни. Я бываю здесь пять дней в неделю. Стоит только позвонить в SAS…

МНОГОНОЖКА

ЕННИ ПРОСКАЛЬЗЫВАЕТ В ТОЛПУ, становится одной из многих. Она чувствует, как её обволакивает тепло ближних. Это — приятно.

Будто во всех других она видит самоё себя, да, себя в каждом отдельном человеке.

Она — не только она сама. Она и чопорный бизнесмен с кейсом — тоже. Она — молодая мать с крошечным грудным ребёнком, висящим в сумке «кенгурёнок» у неё на груди. Она и это маленькое грудное дитя, которому в 2000 году исполнится семнадцать лет…

Енни — в Осло. Енни — в Хельсинки, она на Красной площади в Москве, она бежит на вокзал в Иркутске, она едет на велосипеде по площади Небесного Спокойствия[71] в Пекине, она стоит

[71] Примечания: 71

Имеется в виду площадь Таньамэнь в Пекине, названная так в честь входа в Запретный (императорский) город Гугун.

перед окном дворца Потала[72] в Лхасе[73].

Тысячи картин мелькают пред её глазами, как ожившая мозаика. Мгновения из жизни людей. Они несутся как лавина…

…Енни катается на трёхколёсном велосипеде в горах Ланноса. Енни на конфирмации[74]. Енни выходит замуж. Енни рожает ребёнка…

Она — хирург — снимает резиновые перчатки после операции на сердце. Она распахивает бесплодное поле деревянным плугом, который тянет запряжённый в него вол. Она выходит из корабля-лунохода, и нога её ступает на Луну…

Енни — мясник на бойнях в Чикаго, пастух в Сирии, шахтёр в Южной Африке и специалист по компьютерным технологиям в Токио… Она вызывает дождь в Центральной Африке, она — шаман в Сибири, она — жертвоприносящая в Норвегии,

---

[72] Примечания: 72

Дворец-монастырь Потала — религиозный центр ламаизма, бывшая резиденция далай-ламы в Лхасе. Известен с XVII в. Современный облик — с XVI в.

[73] Примечания: 73

Город в Китае, в долине реки Джичу, на Тибетском нагорье. Основан в VII в.

[74] Примечания: 74

Конфирмация *(лат.)* — у протестантов обряд принятия юношей и девушек в число членов церкви. У католиков — так называемое таинство причастия.

она — имам[75] в Тунисе, она — патер в Турине, пастор в городе-спутнике в Осане, астрофизик в Беркли, лама в Тибете…

Настроение у неё — хорошее.

Да! — думает она. Я — всё это. Я живу не только своей собственной жизнью.

Она кивает головой и смотрит на очередь, которая собирается перед выходом номер пять на посадку в аэропорту Флесланн.

Я здесь, думает она. Всё это — я!

Я — многоножка. И у меня тысяча голов.

Люди здесь так и кишат. То же «я» будет и со мной, вокруг — во всём мире — долго, долго после того, как я исчезну…

ОНА ПРЕДЪЯВЛЯЕТ посадочный талон и идёт к самолёту.

«Будвар-викинг».[76]

Енни была и викингом тоже. И это она принес-

---

[75] Примечания: 75

Духовный глава всех магометан или какой-либо их группы. Руководитель богослужения в мечети.

[76] Примечания: 76

Здесь: название самолёта.

ла в жертву Фрейю[77]. Это она стала христианкой и приняла духовный сан.

Но теперь средством сообщения служили не корабль и не конь. Теперь Енни путешествовала реактивным самолётом.

Именно она сконструировала эту машину, которая вспахивала тучи в небе. Видели бы её теперь мать и отец! Будвар-викинг[78] и Гудрун[79], дочь Фрейи из Бьёргвина[80]!

Гордая, словно королева, вступает она в самолёт.

Она широко улыбается стюардессе, отвечающей ей абсолютно профессиональной улыбкой фирмы SAS.

Это словно она, Енни, улыбается своему собственному отражению в зеркале. Словно она

---

[77] Примечания: 77

Госпожа *(др. — исл.)* — в скандинавской мифологии богиня плодородия, деторождения, любви и красоты. Славнейшая из богинь. См.: Младшая Эдда. Л., 1970. Здесь, возможно, имеются в виду строфы 25–26 из «Младшей Эдды», описывающие следующий миф:

Боги договорились с одним из великанов, что он построит им в определённый срок крепость, неприступную для великанов. В награду великан потребовал Фрейю, солнце и луну. По совету Локи — хитрого и коварного бога скандинавской мифологии, — боги согласились на условия великана, что означало — сгубить небосвод и принести в жертву Фрейю.

Когда боги увидели, что великан построит крепость в срок, они испугались и стали грозить Локи. Тогда Локи хитростью заставил великана опоздать.

[78] Примечания: 78

Один из воителей легендарного Рол на Краке — героя исландской литературы. Будвар Бьярке будил королевскую рать к битве и поведал о последнем сражении Ролва.

[79] Примечания: 79

Здесь, очевидно, некоторое разночтение. В скандинавской мифологии у Фрейи было две дочери: Хнос («драгоценный камень», *др. — исл.*) и Герсими («сокровище», *др. — исл.*).

[80] Примечания: 80

Старинное название Бергена, основанного первоначально на фундаменте усадьбы Бъёргвин.

знает эту стюардессу лучше, чем та знает саму себя.

ДОБРЫЙ ВЕЧЕР, дамы и господа. Капитан Аннерсен и его экипаж приветствуют вас на борту самолёта DC-девять, который летит в Осло. Добро пожаловать! Время полёта сегодня вечером составит тридцать пять минут.

Мы просим вас изучить брошюру о правилах безопасности в полёте, которая находится в кармане на спинке кресла перед вами, и обратить внимание на следующие пункты: запасной выход из самолёта отмечен вывеской EXIT. Под каждым сиденьем находится спасательный жилет. Проход следует освободить от ручного багажа.

Мы просим вас пристегнуть предохранительные ремни и желаем вам приятного путешествия!

САМОЛЁТ ЛЕТИТ на посадку, к северному терминалу. Шум огромного чудовища — мотора усиливается, самолёт снижает скорость и постепенно спускается вниз.

Енни радуется.

Там, внизу, видит она огни Еллестада и Мильде.

Страна игрушек «Леголанн»[81]. Тысячи крошечных домов на полуострове между холмами и горой с выходом к морю.

Да, вот так! Прощай, Берген!

Теперь впереди оставались только боли.

[81] Примечания: 81

Имеется в виду всемирно известная датская фирма детских игрушек «Лего». Выставка игрушек возле Осло — своеобразная страна «Леголанн».

ОСВОБОЖДЕНИЕ

В последнее время много писали и много говорили об осени. Да и неспроста — в этом году она в самом деле набрала особую силу.

Яблоки тяжёлыми шарами висят на деревьях и падают, не разбиваясь, на склоны холма. Знай только поднимай их да подноси ко рту! Лесные поляны и кусты в садах брызжут ягодами — красной и белой смородиной и малиной. Знай только — готовь банки для варенья! Листья тоскливо осыпаются, падая с ветвей, ложатся неплотным ковром на улицах.

Мы с трудом пробираемся прямо по еловым шишкам и орехам, которые, высвободившись, рассыпались по всему городу.

Когда и как это кончится? Кажется, будто вся природа на пути к тому, чтобы вырваться, освободиться. Ничто больше ни с чем не связано.

Да и я — тоже.

Волосы и ногти растут быстрее, чем прежде. За один месяц я удалил два зуба. Кажется, будто сердце свободнее бьётся в груди.

Как раз сейчас я, очищая старую рану от корочки, осторожно приподнимаю девственную

кожу, — и я сам тоже немного осенний...

ТЕОБАЛЬД И ТЕОДОР

I

ТЕОБАЛЬД БЫЛ героем романа, который не желал больше подчиняться фантастическим причудам своего автора. Ему хотелось свершить нечто, что лежало бы за пределами воображения и талантов этого писателя. Ему хотелось произносить слова, которых не было в словарном запасе сочинителя. Если бы герою улыбнулась удача, его рабству под пятой писателя настал бы конец. А ему так хотелось быть свободным героем романа!

НАЧИНАЯ СО СТРАНИЦЫ 112 романа — который внезапно кончается как раз посредине страницы 467 — Теобальд разрабатывает свой честолюбивый план.

До этого автор вкладывал свои собственные слова и манеру выражать свои мысли в уста героя романа, не пытаясь предоставить ему самостоятельность. Даже в незначительнейших деталях герой был брошен на произвол сочинителя, ради его выгоды он вынужден был вести себя точно так, как представлял себе автор романа, — и, в сущности, был лишь alter ego его собственного

сознания.

Но теперь герой жаждал освобождения. Он твёрдо решился на это. Теперь он жаждал вырваться из-под влияния писателя. Он хотел втереться к нему в доверие, дабы свершить нечто поистине самостоятельное в этом романе, абсолютно не подчиняясь плану автора, поскольку план этот был в разладе с его совестью.

Теперь он желал оказать хотя бы крошечное влияние на своего создателя.

ИМЕННО НА странице 87 Теобальд начал осознавать, что он — персонаж романа.

Стало быть, он не такая уж банальная фигура, которая живёт своей жизнью от страницы к странице, не отрывая, так сказать, даже изредка глаз от книги и вообще не задумываясь над тем, что он — герой романа. Не такой уж он обычный и пошлый персонаж, и он не родился на странице 13 и не умер на 411-й, даже не попытавшись ни единого раза — на всех четырёх сотнях страниц — понять, кто он есть на самом деле и каково его место под солнцем.

Теобальд был тем абсолютно редкостным литературным образчиком, что пробуждается к осознанию самого себя и того творческого произведения, частью которого является. Он «знает»,

что его жизнь разыгрывается в книге, состоящей из бумаги и свежих типографских листов, пахнущих краской. Читатель поневоле переживает болезненный и волнующий процесс познания в одной из по-настоящему захватывающих глав романа. (Кому не хотелось бы, пожалуй, стать героем романа?) Но прежде чем поднять мятеж и обратиться с протестом с писателю, Теобальд едва только осознал вымышленность своей природы.

— Я отказываюсь быть марионеткой! — восклицает он, обращаясь к небесам на самом верху страницы 112. — Я ни за что не примирюсь с тем, что меня вывели таким ослом! Позорно быть тенью в романе, бессильным плодом воображения писателя…

А в самом низу этой центральной страницы романа чёрным по белому значится:

— Теперь я хочу зажить своей собственной жизнью!

ЧЕГО ТОЛЬКО НЕ ПРИДУМЫВАЛ Теобальд, чтобы в один прекрасный день неожиданно произнести нечто, шокировавшее писателя, возможно, всего лишь несколько слов, заставивших бы его упасть со стула, на котором тот восседал.

Он мог, извиваясь как змея, втереться в доверие к автору и заставить его сделать совсем другое,

нежели тот задумал с самого начала, воистину прямо противоположное. Это в самом деле стало бы настоящим фокусом. Теобальд мог заклинать перо, мог заставить следовать его своей собственной воле — так что уже не сам писатель, а Теобальд управлял бы ходом сюжета. Теобальд мечтал вкрасться в доверие к мастеру и внезапно бросить несколько слов, которые заставили бы того взвиться до потолка, подходить к окну и завывать на луну или биться головой о стенку. Тогда бы автор — хотя бы только на миг — оказался в его власти, а не наоборот. Тогда бы Теобальд занял место писателя. Тогда бы тот стал в какой-то степени персонажем романа, а Теобальд — своего рода создателем. Так рассуждал герой романа.

II

ПИСАТЕЛЬ, ЕСТЕСТВЕННО, обратил внимание на устремления своего персонажа. Он мог, например, окуная перо в чернильницу, откинуть голову назад и посмеяться над дерзкими намерениями Теобальда.

То, что герою романа трудно скрыть что-либо от своего автора, вполне естественно: ни единая его мысль, ни единое движение руки не ускользают от внимания мастера. Но коварный план героя позабавил даже автора. Он подвигнул его чуть ли не на безумство. И это не так уж невозможно, принимая во внимание, что это именно он был инициатором плана Теобальда Это он употребил дни, месяцы и годы жизни, чтобы осуществить свой план.

Теодора — писателя — долгое время удручало то, что у него слишком авторитарное отношение к героям его романа. Никаких личных отношений с ними у него не возникло, и он редко мог чему-либо у них научиться. Наивность с его стороны, ибо влияние писателя было поистине безгранично! Теперь он мечтал лишь о том, как бы отвести свои войска назад, отвести только

ради того, чтобы увидеть самостоятельную игру фигур во Вселенной собственного романа.

Дабы ему довелось испытать радость от игры своих героев, им следовало бы взорвать границы фантазии автора. Тогда им каким-то образом пришлось бы покинуть его. Им пришлось бы выбраться за пределы его клейкого мозга и выйти на волю.

Вообще-то, Теодор был не только неудавшимся романистом. Он был ещё и одиноким человеком, мечтавшим встретить когда-нибудь хорошего друга.

III

КАЖДЫЙ СО СВОЕЙ СТОРОНЫ — забавлялись они подобными мыслями. Весь роман, вращавшийся вокруг каждого из персонажей, выверенных «с точностью Архимеда», призван был поколебать власть писателя над ним — над главным героем книги.

Теодор исписывал страницу за страницей сверху донизу. Бóльшая их часть — не поддаётся пониманию. Роман не свободен от длиннот. Правда, то тут, то там встречаются всё же любопытные места. Используя всевозможные приёмы поэтической акробатики, писатель ждал, что свершится чудо.

Но Теобальд ни разу не сделал ни единого жеста, на который не решился бы Теодор, он не употребил ещё ни единого слова, которое не нашлось бы в словарном запасе автора, он ещё не продумал ни единой мысли, с которой заранее не был бы в доверительных отношениях писатель, хотя постепенно многое из того, что делали и говорили герои романа оказывалось абсолютно на периферии представлений самого Теодора. Теобальд, казалось, двигался в обратном

направлении от самых дальних горизонтов его фантазии.

Теодор попытался ослабить узду и дать волю своим героям. Он упражнялся, освобождаясь от всяких мыслей, прежде чем сесть за письменный стол, так, чтобы стать как можно более доступным воле Теобальда Он начал прислушиваться к своему герою: что он говорит сейчас? Что живёт там, в глубине его души? Чего он хочет от него? Он попытался увидеть своё произведение прежде, чем описал его: что делает Теобальд теперь? Куда он ведёт меня?

В конце романа оба — и Теобальд, и Теодор — испытывали такое чудовищное напряжение, что пока не истекали часы творчества, бумага скрипела под пером, словно заколдованная.

ТО, ЧТО ПИСАЛ АВТОР, всё в меньшей и меньшей степени поддавалась контролю. Ведь Теобальд говорил с Теодором уже при помощи пера, как медиум, как посредник меж миром героя и писателя. Вскоре герой романа стал совершать одни лишь загадочные поступки, что были скрыты в глубине писательского подсознания.

Теодор в конце концов так поддался произволу и своеволию своего героя, что, когда писал, сидел словно загипнотизированный, будто в глубоком

трансе.

Его собственное сознание гипнотизировало его. Уже вовсе не писатель видел героя своего романа. Теперь уже герой романа видел писателя. Теодор в такой же степени повиновался Теобальду, как тот ему.

Оставались лишь секунды в преддверии великого прорыва. Вскоре произойдёт взрыв, вот-вот фигура героя восстанет из самого произведения, и ему в голову ударит совершенно новая мысль, со словом, которое не было словом автора, но собственным словом героя романа.

ЧТО ТОЧНО ПРОИЗОШЛО, никто не знает. Однако соседи могут рассказать, будто писатель, внезапно поднявшись ночью от письменного стола, стал биться головой о стенку.

— Готово! — кричал он. — Прорыв случился на странице четыреста шестьдесят семь. Роман завершён! Свершилось!

Так стоял он много часов подряд, пока не явился врач и не увёл его.

Писателя тотчас положили в больницу. А диагноз поставили бесспорный… Теодора постигла длительная потеря памяти. Похоже, он никогда не станет самим собой…

IV

С ТОГО ДНЯ Теодор бился головой о стенку до самой смерти тридцать лет кряду и жил в заблуждении, что он и есть герой романа.

Он считал себя центральным образом романа, повествовавшего о душевнобольном в доме для душевнобольных. Он говорил о себе как о рупоре Писателя в романе. И хотя дом умалишённых составлял крохотный клочок Вселенной романа, — Теодор постоянно подчёркивал то, что именно эту сферу Писатель позволил себе раскрыть.

ДУШЕВНОБОЛЬНОЙ ПИСАТЕЛЬ никогда не уставал рассказывать врачам, и сиделкам, и всем, посещавшим его, что они жили своей жизнью в голове великого писателя.

— Всё, что мы говорим и делаем, разыгрывается в вымышленной стихии между строк космического романа, — заявлял Теодор. — Мы думаем, что мы представляем собой нечто благодаря нам самим. Но это всего лишь иллюзия. Мы все — Писатель. В Нём стираются все противоречия, в Нём мы все — единое целое.

Мы думаем, мы — настоящие, — так считают все герои романа. Но это представление — ошибочно. И Теобальд знает это. Ведь мы покоимся внутри в глубине его священной фантазии…

Он забавляется, дорогие мои коллеги, герои романа. Он забавляется тем, что может сидеть, удобно откинувшись в кресле, там, наверху, в Действительности, и внушать себе, что мы внушаем себе, будто мы — настоящие.

Но и то, что я возвещаю вам ныне: мы лишь нечто, внушённое себе Писателем, — но и это также всего лишь его самовнушение…

Таким образом, мы совсем не настоящие. Таким образом, мы отнюдь не сами по себе. Мы — только слова. И самое разумное было бы молчать. Но это решаем — говорить нам или молчать — вовсе не мы. Только писатель смеет распоряжаться словами, которые вкладываются нам в уста.

Теодор рассуждал перед своими слушателями о Боге, который видел их, хотя сам скрыт и они не могут видеть его… наивность, так как они составляли часть его сознания:

— Мы как мимолётные кадры кинофильма на экране. А экран не может защитить себя от того, кто демонстрирует фильм…

ВОПРЕКИ СВОЕЙ НЕСОМНЕННОЙ душевной бо-

лезни, этот одинокий человек создал в клинике свою собственную философскую школу, у него появилось даже несколько учеников. Они в первую очередь вербовались из дома умалишённых, но ещё и поэты и интеллектуалы из многих стран присоединялись к учению писателя. Все они, как и он, утверждали, что жизнь — роман и что всё в этом мире — иллюзия.

После смерти мастера все они разделились на два основных лагеря: с одной стороны, были те, кто утверждал, будто жизнь в буквальном смысле этого слова — роман, стало быть, в конечном счёте — слова, написанные обычными буквами на обычной бумаге. А с другой стороны, несколько более сдержанная и замкнутая *аллегорическая школа* довольствовалась тем, что настаивала: жизнь и есть роман. Оба направления выдвигали требование корректно излагать учение мастера.

V

ТОЛЬКО ДОЛГОЕ ВРЕМЯ СПУСТЯ после смерти писателя была найдена и прочитана рукопись романа. Вначале она вызвала известную сенсацию в окружении дома умалишённых, но интерес этот довольно быстро угас.

Случаю угодно было распорядиться так, что эта редкостная рукопись теперь принадлежит мне. С равными промежутками времени я сижу и листаю её. Примерно столь же часто, как перелистываю Библию.

Меня вдруг осенило, что в этих двух документах много общего. Насколько речь идёт здесь о феноменологическом[82] родстве или о генетической связи, я не успел ещё выяснить. Но и Библия, и рукопись носят следы недюжинного вдохновения. И обе приписывают источнику вдохновения место вне нашей Вселенной.

ПОСЛЕДНЕЕ, ЧТО ГОВОРИТ герой романа (стало быть, на странице 467) «громоподобным голо-

---

[82] Примечания: 82

Феноменология *(греч.)* — в философии Гегеля — учение о развитии сознания, духа. Философское направление XX века, особое внимание уделяющее содержанию сознания.

сом», звучит следующим образом:

— Ныне час приговора настал, дорогой писатель! Ныне мы меняемся ролями!

Путь ко мне ведёт в тебя самого. Потому что в самом глубоком тайнике твоей души скрывалось моё обиталище. Благодаря роману, который ты сам начертал своей рукой, я дал знать о себе — тебе и всему миру…

Отныне ты — в моей душе. Тебя будут презирать по моей вине. Тебя станут называть умалишённым, сумасшедшим. Мир станет смеяться над тобой, хотя ты — первый, кто проник взглядом сквозь пелену иллюзии.

Мужайся, сын мой! Я превращаю тебя в апостола Истины в мире, который не верит, в космосе, который не знает своего создателя, да, в романе, где ты — любимый герой, который и знать не желает своего создателя. А теперь иди и бейся головой о стенку, как сказано на странице двести семьдесят восемь. Остальное исчезнет само собой. Будь сильным, сын мой. Я хочу быть там, куда идёшь ты! Ибо во мне ты живёшь, и движешься, и существуешь! Твоя жизнь и твоя судьба скреплены печатью моей воли.

НА ЭТОМ КОНЧАЕТСЯ роман. В самом низу страницы 467 изящными буквами выведено:

КОНЕЦ.

НОЧЬЮ

Всё совсем иначе — просыпаюсь ли я ночью рядом с тобой или же я — один в комнате. Ни единого звука, ни единого слова, ни единого взгляда.

Только ты, неслышно спящая под перинкой[83], — словно привет от ушедшего дня или же обещание дня грядущего.

Ночью всё совсем иначе…

Я осторожно приподнимаюсь с кровати, ощущая тебя под перинкой, изменчивую, словно волна, или натянутую, будто лук, — это всё твоя волна, твой лук, начиная от оболочки души на подушке и дальше вниз вдоль спины и ног…

Тогда я вижу невозможное, то, о чём мы никогда не говорим. О том, что мы парим теперь, парим некоторым образом в свободном пространстве. Как тогда, как в то утро в октябре.

Кто мы?

Есть нечто, несущее нас, — мы существуем!

Всё совсем иначе, когда ты спишь. Или когда скачешь верхом в ночи — одна без меня.

Как близок я тогда тебе! Здесь, в той же самой

---

[83] Примечания: 83

В Скандинавии вместо одеяла часто накрываются лёгкими перинами.

кровати, в комнате, в Космосе. Так близок — и так далёк!

Что мы — двое — делаем с нашими жизнями? Может, мы чуточку торопимся жить? Может, чуточку торопимся существовать?

О, да! Время не терпит. Пусть всё остальное лучше подождёт. Завтра ты — Спящая красавица, завтра — принцесса Аврора, но не тогда, когда с помощью Пегаса поднимешься над тёмным морем, а утром: не помашем ли мы тогда слегка нашими волшебными палочками?

МАМА

Мы созданы из вещества того же,
Что наши сны. И сном окружена
Вся наша маленькая жизнь.
У. Шекспир. Буря [84]

ВЗДРОГНУВ, она проснулась.

Неужели она спала? Где она была? Кем она была?

Вопросы холодной иглой пронзили её.

Ощущение было такое, будто она от чего-то освободилась. Она будто парила в свободном полёте.

Во всяком случае, она — не в клинике. И не мертва…

Потом нахлынули беспорядочные образы и картины. Они являлись как попало. Неслись, словно нестройная кавалькада.

Вскоре она всё вспомнила. Для начала — все обследования. А потом все операции. Облучение, химиотерапия…

Всё вновь нахлынуло на неё теперь…

---

[84] Примечания: 84
Перевод М. Донского.

Она вспомнила поездки в такси. Она вспомнила часы, проведённые в комнате ожидания. Еженедельные газеты, чашечки кофе, пирожные и круглые французские булочки. Всё вновь нахлынуло на неё, купаясь в зловещем дневном свете.

Хуже всего было с детьми. Мама — больна.

Мама в Радиологической клинике. Эрланд так никогда и не смог выговорить эти слова. Кристин смеялась. «Ра-дио-логи-чес-кая кли-ни-ка!» — по слогам произносила девочка.

Она вспомнила все посещения клиники за последнее время. Вспомнила врачей, все их враки и притворство.

— Ну как вы, а?

— Как ты, дорогая?

Мама вскоре снова стала молодцом. Она вернулась домой к Рождеству. И к Новому году. И к Пасхе.

Она упорно возвращалась домой. А они говорили: теперь только несколько новых обследований…

Маме нужно было ещё некоторое время побыть в больнице. Долгое время. Но врачи были такие внимательные. И её хорошо кормили. А вчера им давали пиццу.

Потом папа освободился на работе, чтобы неко-

торое время пожить дома. А пока папа был в Англии, бабушка, его мама, присматривала за детьми.

— Я вернусь через неделю, дорогая моя…

О ДА — теперь она окончательно проснулась. Никаких сомнений. Но она не мертва. И у неё нигде ничего не болело.

Боли взяли себе сегодня выходной. Подумать только, терпеть такое неделю за неделей! Это утомительно для таких болей-троллей[85]. Пожалуй, они решили всего лишь сделать перерыв. Возможно, они спрятались под кроватью.

Внезапно она вспомнила уколы морфия. Ей сделали укол?

Зачем нужны врачи — специалисты-онкологи, когда есть морфий? Убирайтесь прочь, мерзкие мучители! Оставьте маму в покое. Гав-гав!

Потом она сделала это снова. Бог знает — в который раз.

Это было важно. Это было или — или… Поставить диагноз уже не казалось больше фокусом-покусом.

А может, она только подумала, что сделала это?

---

[85] Примечания: 85
Здесь: «тролль» в значении «чудовище».

Что такое женщина без груди? Всё равно что какая-то шарлатанка. Она какое-то существо среднего рода с двумя протезами из пористой губчатой резины, хорошо скрытыми за совершенно новым, с иголочки, бюстгальтером. Она полженщины…

Теперь она снова положила руку на «грудь». Она сделала это столь же смиренной и покорной рукой, какой бедняга-банкрот открывает страницу с тиражом денежной лотереи, чтобы проверить стоимость своей последней ценной бумага.

Но грудь была! Она выиграла! Грудь — грудь была на месте. И уже давно, давным-давно. Грудь лежала там, где положено, обтянутая настоящей кожей.

Тогда она потрогала другую. Та была тоже там. С соском и всем прочим. Она ущипнула её так, что стало больно…

Но это разве боль…

ГДЕ ОНА НАХОДИЛАСЬ?

Вокруг тишина, до неё не доносилось ни звука. Она чувствовала запах простыни. Но здесь не было шнура, за который можно было дёрнуть. Она позвала. Но ответа не получила.

А может, она только подумала, что позвала?

Она не мертва. Невозможно в таком состоянии быть мёртвой. Тогда тебя встречали бы, трубя в фанфары и под звуки арфы. Во всяком случае встречали бы…

Если не кто иной… то уж какой-нибудь не такой важный, второстепенный функционер.

Или это — или ты просто исчезаешь.

Она не мертва! Она *была* здесь. И более того: у неё было две груди. Две груди, две груди! Никаких протезов-коконов, чтобы их скрывать…

НЕУЖЕЛИ ЭТО БЫЛ ТОЛЬКО СОН? Но разве может сон длиться два года?

Она где-то читала об этом. Что во сне час может показаться секундой. А если она спала два часа? И сколько же секунд в одном часе? И сколько часов в одном году?

Но даже если она сбилась со счёта: химиотерапия — не может присниться. Не приснится и выпадение волос, не приснятся и часы, проведённые у парикмахерши. Это — невозможно. Не приснится и то, что всё перевёрнуто вверх дном. Что дом разорён в приступе неистовой ярости. Что Юаким час за часом лежит рядом с тобой и плачет. Нет… Не приснится… Целая жизнь в одном-единственном сне — не приснится.

Или это как раз то, что в самом деле делаешь?

Химиотерапия и выпадение волос…

Может ли один сон разорвать на куски всё то, что столь изнурительно заново построила жизнь?

ЕЙ НУЖНО СНОВА всё проверить. Ну да, чтобы не ошибиться. Обе прекрасные груди на месте. Одна — чуточку больше другой. Но так было всегда.

Ни единой сморщенной ямки, куда можно погрузить пальцы. Ни единого жёсткого шрама под мышкой после удалённых лимфатических узлов…

У неё теперь два зрелых кокона, словно бархатные яблоки с бутонами из мягкой резины.

Она шаловливо сжала бутоны. И сердце забилось сильнее. Где же Юаким?

Должно быть, ей приснился сон. Кошмарный сон, из которого она выбралась цела и невредима. С ощущением некоторого страха в теле, ну да! Но без протезов и шрамов. Потому что ты лежишь не на небе и тебе на ум приходят шалости. Подобные желания в потустороннем мире неуместны.

Уколы морфия! Снова это.

Где она была? Ответ был явно связан с уколом морфия — morfin.

Mor — fin?[86] Мама — красивая? Mor — fin? Конечно, мама снова станет красивой. Как там им в детском садике?

ПРОСНУЛАСЬ ЛИ ОНА от укола? Тогда ей было тридцать пять лет и перед ней была целая жизнь. Или же она снова заснула. Тогда всё это и было сном. И, быть может, ей никогда больше не проснуться.

Потому что теперь всё её тело покрыли метастазы. Теперь речь шла о днях или часах. Последние дни все её родственники собирались вокруг её кровати.

Отдельные разрозненные картины вставали в памяти.

Во всяком случае, она лежала здесь, в своей кровати, и ей на ум приходили шалости.

Можно ли умереть с мыслями о шалостях?

Существует ли мужской и женский пол по обе стороны жизни?

Ибо прах ты…[87]

Вся её судьба таилась в этой формуле.

Либо два кокона и экстазы. Либо никаких коко-

---

[86] Примечания: 86

Игра слов: morfin — морфий *(норв.)*; mor fin — мама красивая *(норв.)*.

[87] Примечания: 87

Слова Бога, сказанные им первочеловеку Адаму перед изгнанием из рая: «Ибо прах ты и в прах возвратишься». Быт 3: 1-23.

нов и метастазы.

Либо mor fin. Либо morfin…

— Юаким!

Она крикнула громче. Неужели она не издала ни звука? Тут она ощутила что-то рядом.

Не его ли это рука?

ШАГ НАЗАД

Однажды на другой планете внезапно обнаружили большой промышленный город. Населённый несколькими миллионами мыслящих существ. С небоскрёбами в семьдесят этажей и с хитроумной сетью электропоездов на много уровней под землёй…

Что бы мы сказали тогда?

Тут в один прекрасный миг меня осенило, что Нью-Йорк как раз такой город и есть. И что Земля — как раз такая же планета.

Охота на призраков может стать испытанием терпения. А потом обнаруживаешь, что ты и сам призрак…

Мы видим это в зеркале там — на стене. Видим, что это мы бродим вокруг в полумраке, это — мы сами и есть то загадочное.

Это происходит словно бы после серии безрезультатных попыток. Пусть бы телепатия была доказана с помощью одной-единственной убедительной попытки — и, стало быть, не только с помощью легкомысленных анекдотов или утомительной статистики. Не говоря уж

о нашем желании видеть стучащую ножку стола или стакан, парящий в вольном полёте над столешницей.

Тогда мы, возможно, делаем шаг назад. Мы должны признать, что сами мы — чудо. Мы — не хуже, чем парящие стаканы или стучащие ножки стола. Мы — существуем!

Мы не видим ни ангелов, ни летающих тарелок, но мы видим наши собственные космические корабли. Мы не видим никаких марсиан, но мы видим нас самих.

КРИТИК

СОВСЕМ НЕ ОРДИНАРНОЕ задание ожидало критика-искусствоведа, когда его вызвали в кабинет редактора. Короткой встрече суждено было повлиять на всю оставшуюся жизнь критика.

Редактор — коренастый человек, ровесник критика — сделал знак — опуститься на один из жёлтых кожаных стульев по другую сторону письменного стола. Он сел, а редактор озабоченным взглядом посмотрел на него сверху вниз. Не говоря ни слова, он пододвинул к себе стопку бумаг, быстро перелистал несколько страниц, затем подошёл к окну — и остался стоять там, глядя на город.

— Ты долгие годы разъезжал по галереям и музеям, — сказал он. — Ты положил начало дебатам об искусстве и его трактовке… — Тут он снова повернулся к своему коллеге: — Послушай-ка, ведь я ничуть не возражал против того, чтобы ты приносил свои репортажи. Ты ведь своё дело знаешь. Ты — способный писака…

Критик выжидающе смотрел на редактора.

— Но всё, что ты до сих пор писал в нашей газете, и всё, о чём ты писал вообще, — это так… как

бы лучше сказать… это так условно…

Он снова перелистал несколько документов.

— Ведь ты ещё ни разу не представил произведение искусства, которое поистине грандиозно — или имеет такое огромное значение, что представляет интерес для всех без исключения читателей газеты.

Тут критик выпрямился на стуле. То, что редактор обладал репутацией человека чуточку бестактного, знали все в редакции. Однако же это высказывание прозвучало более грубо и резко, чем обычно.

— Последнее социологическое исследование среди читателей, — парировал критик, — показывает, что свыше двадцати процентов читателей газеты изо дня в день следят за моими статьями. Более пятидесяти процентов сообщают, что читают мои статьи с известной регулярностью. Никакие другие газеты в этом городе не уделяют столько внимания искусству и архитектуре. Наша газета считается ведущей культурной газетой страны… — Он ловил ртом воздух. — Но не все без исключения заинтересованы в искусстве, господин редактор! Того шедевра, о котором вы жаждете возвестить, не существует. Он вообще никогда не будет создан. Есть читатели, которым

вообще нет никакого дела до того, как будет выглядеть новая ратуша[88]. Для этого они слишком заняты тем, что не отводят взгляд от асфальта.

Редактор снова подошёл к письменному столу, остановился и забарабанил пальцами но столешнице.

— Боюсь, мне придётся тебя немного поправить, — с известным пафосом в голосе сказал он и пристально посмотрел критику в глаза. — Такой шедевр существует. Да, по всей вероятности, это так, да. Он — вокруг нас, со всех сторон. Шедевры так и кишат вокруг нас, милый мой. Но есть и те, кто их всё-таки не видит. И знаешь почему? Это звучит парадоксально, но суть в том, что они сами — этот шедевр и *есть. Читатели* и есть те самые произведения искусства, и я считаю позором, что наша газета до сих пор не обнародовала это в репортажах и критике.

— Ты не можешь выражаться яснее? Сегодня так душно…

Редактор долго молчал.

— Микеланджело! — воскликнул он и развёл руками. — Микеланджело… создал фрески на своде Сикстинской капеллы. Разве я не прав? Но кто

---

[88] Примечания: 88

Старинная ратуша в Осло известна с начала XIV в. Новая построена в 1933–1950 гг.

создал Микеланджело? А? Разве это не интересно для культурной газеты?

Критик откинулся на стуле.

— Вопросы религии, — колеблясь, но всё же решительно произнёс он, — не входят в мою компетенцию. Когда я — как ты знаешь — недавно опубликовал серию репортажей из Ватикана, я строго придерживался истории искусства… Но, как я уже говорил, солнце всё ещё печёт в окна твоего кабинета.

Посмотрев на часы, редактор энергично произнёс:

— Напиши об этом!

— О чём?

— Напиши о солнце!

— О… значит, о…

— Правильно! Разве солнце не достойно публикации? Две с половиной тысячи лет тому назад Анаксагор[89] был изгнан из Афин за то, что утверждал, будто солнце больше, чем Пелопоннес[90]. Тебе не кажется, что настало время его реабили-

---

[89] Примечания: 89

Анаксагор из Клазомен в Малой Азии (ок. 500–428 до н. э.) — древнегреческий философ, создавший оригинальную астрономическую концепцию!

[90] Примечания: 90

Полуостров и историко-географическая область на юге Греции. На полуострове — города Спарта, Коринф, развалины Микен, Олимпии и др.

тировать?

— Думаю…

— Да, дорогой мой коллега, о чём ты думаешь? Как, по-твоему, расположена Сикстинская капелла по отношению к солнцу? По-моему, всё это — просто мазня в духе Ренессанса! Да ещё инфантильная! Как всё же, как по-твоему? Солнце — *всё* в работах Микеланджело, которые считаются непревзойдёнными художественными произведениями? Кому теперь есть дело до Микеланджело? Во всяком случае — не мне. К чёрту всю историю искусства. Нет, подавай мне солнце, голубчик! Оно не теряло своей ценности многие миллиарды лет…

— Значит, солнце… вступление на трёх полосах. Материал… подготовлен мной…

— Так, так! Я даю тебе возможность легко разделаться с этим заданием. Солнце, понимаешь ли ты, солнце всего лишь звезда. Ты слышал об этом? Одна из многих миллиардов только в нашей галактике. Ты думал об этом? Я имею в виду: изучал? Брался за эту тему? Я имею в виду солнце со всеми планетами — сколько их вообще, семь или девять? — по большому счёту солнце условно. Но в этом случае, я имею в виду, по настоящему Большому Счёту… Солнце…

— Что?

— Понимаешь, действительность — гораздо больше, больше, чем Пелопоннес, больше, чем весь Ватикан. Ты можешь отказаться, если не согласен. Когда я приглашал тебя на эту беседу, я намеревался заказать сообщение о Действительности…

— Действительно?..

— Я сказал — о Действительности! Скажи — ты что, плохо слышишь? Подобное сообщение должно касаться всех читателей газеты. А почему? Потому что оно — сообщение о них самих. Понимаешь? Надо быть немного тщеславным ради самого себя.

— Тщеславным?

— Ну да… Но займись в первую очередь солнцем. Можешь поупражняться на нём. С нашей точки зрения, оно — значительная часть Жизни и Действительности.

КРИТИК ПОДНЯЛСЯ со стула, подошёл к окну, оглянулся на редактора и бросил нерешительный взгляд на город.

Не прощаясь, он вышел из кабинета. Дамы в приёмной обратили внимание на то, что, когда он входил в лифт, на его старческом лице застыла презрительная усмешка.

Но уже на следующее утро он снова был у редактора. Из кабинета послышался весёлый смех. А на следующий день газета опубликовала своё первое сообщение о солнце — «Больше, чем Пелопоннес».

Статья была торжественно помещена на страницу «Культура» среди сообщений о новых книгах, среди музыкальных и театральных новостей. Здесь мы довольствуемся лишь несколькими краткими выдержками:

> …Вот ребёнок бежит к матери, вот козы мчатся вниз по склону горы, вот рыбы плывут косяками в морях, а птицы летят по небу стаями, вот сок появляется на деревьях и распускаются почки — это всё солнце, простирающее свои лучи…
>
> …
>
> Это солнце напрягает наши мускулы. Солнце течёт в наших жилах. Солнце стучит в нашей груди. Солнце горит в наших объятиях.
>
> Непростая задача… Непростая задача говорить о солнце. Кто я такой, чтобы позволить себе рассуждать о солнце? Как может глиняный горшок описать горшечника? Как может обыкновенный луч

бросать свет на источник света?

Бумага, на которой записываются эти соображения, — плод солнца. Рука, которая пишет, — творение солнца. Каждое слово, пришедшееся автору по нраву и использованное им, — продукт мозга, питающегося солнечной энергией миллионы лет.

Что иное представляет, в конце концов, история нашего земного шара, если не историю о том, как светящаяся сфера в течение нескольких миллиардов лет питает ту самую иллюзию, которую мы в каждодневном обиходе называем сознанием?

…

Это солнце некогда породило нас в море, создав примитивный комплекс протеина и аминокислот, каковыми мы тогда были. Это солнце вытащило нас на сушу в виде амфибий и пресмыкающихся. Это солнце выманило нас вниз с деревьев и превратило в людей.

Под солнцем мы живём, и движемся, и существуем.

Мы — из рода Солнца.

...

Сама способность наблюдать солнце — творение Солнца.

Солнце поднимает наш взор к небу. Тот глаз, который видит солнце, — собственное око солнца.

«СООБЩЕНИЕ» НИКОГДА не комментировалось на полосах газет или в каких-либо публичных выступлениях.

У некоего молодого поэта незадолго до этого была принята в печать хроника на полстраницы, состоявшая исключительно из слов «бла-бла-бла», должным образом разделённых на пробелы. (Сам редактор принял этот материал — к великому удивлению всей редакции.)

Многими статья о солнце была воспринята как шутка в том же роде, как пародия на статью об искусстве или же так как ирония по поводу материалистической либо религиозной картины мира.

В более узком кругу, среди друзей и коллег критика, статью обошли молчанием. Её причислили к разряду профессиональных неудач.

В течение всей своей долгой жизни даже самый способный автор имеет право на неудачную статью. Человек — не машина.

Но это было только начало. Исключению предстояло стать правилом. Критик напал на след. Он продолжал писать критические статьи в газету, теперь уже с недюжинным пониманием искусства.

Статья «Сообщение из Действительности» — шла в двух номерах с недельным перерывом и венчалась заглавием «Творение или мастер? Записка о четырехпропорциональном произведении искусства».

Статьи, следовавшие одна за другой, переданы здесь в хронологическом порядке под следующими названиями:

Почему я высмеиваю историю искусства

Мир как раскрытие способностей Бога. Семь сносок к учению о немецком пантеизме[91]

От Кузанца[92] *до Шеллинга*

Улей, грамматика и анонимный разум

---

[91] Примечания: 91

Религиозное и философское учения (греч.), отождествляющие Бога и мировое целое.

[92] Примечания: 92

Кузанский (Кузанец) Николай (1401–1464) — кардинал-легат и генеральный викарий в Риме. Развивал пантеистическое толкование христианской доктрины.

мира

Дхаммападда и падда в пруду?[93]

Почему у первобытного человека есть пупок? Критический взгляд на 18 полотен с изображением Адама и Евы

КРИТИК НЕ УСПЕЛ НАПИСАТЬ ещё многие из своих статей, а о нём уже шептались в коридорах. Значит, то, что он писал, не осталось без внимания. Но если статьи его обсуждались, то чаще всего в одиозных выражениях.

Статьи всегда заканчивались пуантом. Но какое безумие не разоблачит разум?

Само по себе ни у кого не вызывало сомнения, что мы проживаем нашу жизнь на земном шаре во Вселенной. Мы не только граждане своего города. Мы — граждане Вселенной. И по правде говоря — это можно бы, пожалуй, всё время держать в памяти. Также не ново было то, что жизнь людей и животных относится к разряду неразгаданных тайн. Но не были ли старые знатоки искусства в последнее время чуточку навязчивы? Или просто-напросто чересчур экзальтированны?

Становилось всё труднее следить за ходом мысли критика. Казалось, он вот-вот отвернёт-

---

[93] Примечания: 93

Здесь подразумевается игра слов: «padde» по-норвежски — «жаба».

ся от человеческого сообщества и погрузится в свой собственный мир. Единственной красной нитью, что не мог не заметить интеллигентный читатель, проходила тема загадочности человеческого бытия. Причём тон становился всё более пророческим.

В конце концов старик счёл свои сентенции столь важными, что отдал их в печать в поэтической форме.

Мы несём
и нас несёт
душа
о которой мы ничего не знаем

Но загадка покоится
на двух ногах
разрешить её —
наш черёд

Когда образы снов
сами щиплют себя за руку
не просыпаясь
Это — мы

Потому что мы — загадка
которую никому не разгадать
Мы — сказка

заключённая в собственный образ

Мы то
что идёт и идёт
не приходя
к ясности
(Из статьи: «Загадка сфинкса»)[94]

«НУ, А ЧТО ЖЕ РЕДАКТОР? — раздавались голоса. — Терпение ведь не безгранично! Да, он сговорчив, непостоянен! Но неужели в газете нет ответственного редактора?»

То, что всё кончилось ничем для бедного старика, это одна сторона дела. Такое может случиться. Но неужели так уж необходимо было перемывать больному кости публично? Такие слова, как «скандал» и «медвежья услуга», теперь прилежно повторялись повсюду.

Уже начали забывать, что этот старый человек некогда был весьма уважаем. Серия статей «Едкие наброски» была признана искусствоведами всей страны гениальной находкой. Маленькой книгой «Зеркало как метафора» он снискал похвалу в гораздо более широких кругах. Она была

[94] Примечания: 94

Возможно, имеется в виду псевдоним «Сфинкс», под которым в 1890-е гг. издавала в газетах свои фельетоны норвежская писательница Эде Хартманн (1862–1946).

переведена уже на семь языков. Статья «Критика искусства и искусство критики» явилась искренним выражением всеобщего почтения в день его пятидесятилетия.

С тех пор довольно много воды утекло под мостами его города. Свидетелями каких только падений не были люди! Здесь же острейшая способность к наблюдению уступила место философским каламбурам и метафизическому мечтательству.

В конце жизни критик снова стал пописывать обычные искусствоведческие критические статьи. Какое-то время казалось, что он снова войдёт в силу. Но так как он никогда больше не хвалил художников за их произведения, он становился всё менее и менее популярен в художественных кругах.

Он умер окружённый ненавистью и презрением. Тогда в газете работал уже новый критик-искусствовед. Он был не только профессионалом высокого класса, но и всегда желанным гостем на всякого рода званых коктейлях и презентациях в галереях и на выставках.

ЧЕРЕЗ ДВА ДНЯ после смерти критика газета опубликовала самую личную и в глазах многих самую скандальную, — чтобы не сказать — самую

нездоровую статью, вышедшую из-под его пера. Обе страницы газеты, посвящённые культуре, были отданы этой статье под многозначительным заглавием «Странное».

Статья позволяет заглянуть не только в его больную душу. Она — свидетельство того, что у критика так или иначе не было сомнений в том, что его статьи в последние годы не понимал никто другой, кроме его самого.

Здесь следует эта последняя — и посмертная статья — полностью:

СТРАННОЕ

1. Здесь — нечто странное. Не связаны концы с концами. Теперь я могу с уверенностью сказать об этом. Я больше не сомневаюсь в том, что меня считают дураком.

Собственно говоря, это вовсе не так. Это — невозможно. И всё-таки это именно то, что я вижу. Всё остальное — случайно.

Мурашки бегут по коже, когда я думаю об этом. Я нервничаю и волнуюсь. Я внезапно вскакиваю со стула и без отдыха хожу кругами по комнате.

Я поднимаюсь и сажусь, сажусь и снова поднимаюсь. Я передвигаю картину на стене пятнадцать раз. Я читаю одно и то же предложение

двадцать раз. Я вынимаю чистые чашки из шкафчика и мОю их ещё тщательнее. Я опустошаю корзинку для бумаг, чтобы найти использованную почтовую марку или канцелярскую скрепку. И ещё хуже: у меня вошло в привычку становиться перед зеркалом и корчить жалостливую гримасу себе самому. Я — не сумасшедший. Я даже не неврастеник. Это вовсе не со мной что-то не в порядке. Это — даже не сон. Я абсолютно не сплю, я вдвойне бодрствую, как если бы два дня слились воедино.

Правда вот в чём: что-то происходит за моей спиной. Именно там всё и происходит. Всё. Стало быть — абсолютно всё. А глаз у меня на затылке — нет. К сожалению! К сожалению!

Но мириться с этим я больше не могу. Я не могу принять подобное положение вещей. Жить, например, — я охотно привожу этот единственный пример, — жить для меня стало невозможным. Живут только идиоты.

О своей личной жизни я не думаю. Личная жизнь! Счастлив тот, кто может произнести эти глупые слова, не строя гримасы. (Сколько лет прошло с тех пор, как у меня была «личная жизнь»?) Я не думаю о пресловутой пристройке к ратуше. Об этом я уже высказал своё мнение раньше. Но

и от этого мнения я также отказываюсь. О предложениях правительства по государственному бюджету я не думаю вообще.

Это я — независимо от всего — просто посылаю к чёрту. А мыслей о будущем нашего земного шара у меня и вовсе нет. Да и вопрос этот мне совершенно безразличен. Наш земной шар! Ха-ха! Как торжественно мы сами себя возвышаем…

Я, в целом, слишком взволнован, чтобы о чём-либо думать. То, о чём думаешь, необходимо контролировать. Тем, что можно облечь в слова, владеешь. Но думать — куда хуже. Это настолько, настолько хуже слов! За последние недели я забросил даже язык. Слова, и предложения, и все возможные мнения о том и об этом остались у меня позади.

Как позади остались кутежи и детские забавы. (Или супружество ради рождения детей. Но это — совсем другое дело.)

Я больше не на месте в своём языке. Он отверг меня, оставив на необитаемом острове. На астероиде. Если вообще существует какой-то язык. Но это не точно, что какой-либо язык существует. Это — не точно.

2. ЭТО СОВЕРШАЕТСЯ не в мыслях. Ведь что совершается в мыслях? Что такое мысли, как не

репетиция впечатлений?

Ничего иного в мыслях, кроме того, что приходит лишь благодаря чувствам, нет!

Это происходит за моей спиной. Это там — и только там — всё и происходит. Я сижу запертый в пещере — спиной к открытому проёму. Дни проходят в непрерывном лицезрении стен пещеры. Я не вижу ничего, кроме полоски света. Зачем мне мои пять чувств? Зачем мне глаза, если я не вижу ничего другого, кроме мрака пещеры?

Я здесь не один. Тюрьма вовсе не изолятор. Ну нет, мы здесь — все вместе. Всё человечество. Мы все вместе сидим здесь — внутри.

Тогда, пожалуй, у меня есть кто-то, с кем можно поговорить. Но о чём нам говорить, если мы ничего не видим? Не видим никого, с кем можно было бы разделить судьбу? Нет, нет — такой возможности я также лишён. Другие просто не понимают, что находятся в пещере. Они думают: они видят всё, что можно видеть. Они благоденствуют здесь. У них нет ни малейшего желания выйти отсюда.

У меня нет глаз на затылке. Но я знаю: за открытым проёмом пещеры, снаружи — что-то происходит. Я ощущаю, как свербит у меня в животе. (По моему мнению, живот — самый на-

дёжный орган чувств.) Что-то щекочет изнутри. Словно я рождён с тонким слоем пуха под кожей. Возможно, поэтому я так волнуюсь при виде гусей. У соседа есть несколько таких экземпляров, что ходят вперевалку по всему огороду. Они мне ничем не помогли. Но в один прекрасный день я перелезу через ограду и убью их. Я убью их!

3. А ТЕПЕРЬ я перейду к делу. К делу, сказал я. Есть только одно дело. Откуда оно взялось? У меня нет душевного покоя для подобных дел.

То, что неизменно сводит меня с ума, это — действительность. Исключительно она. В особенности она. Фактически она — больше, чем что-либо другое. (Делает ли это меня мономаном? Мономания[95] ли это — быть занятым одной лишь действительностью? Ведь чем-то же надо интересоваться…)

Стало быть, действительность. Или просто-напросто — мир, или Вселенная. Ребёнок, лишённый родителей, получает много имён. (Это не любимые дети, а подкидыши получают много имён. Те, кого находят на лестнице. Те, кто парит в воздухе в пустой комнате.)

Действительность!

---

[95] Примечания: 95
Помешательство на каком-либо одном предмете *(греч.)*.

Можно ли произнести это слово, не ловя ртом воздух? Потому что есть ли кто-то, знающий, откуда оно появляется? Быть может, кто-то из присутствующих в состоянии разузнать адрес того человека?

Я теперь у корня проблемы. *Откуда появляется мир?*

Я знаю, на этот вопрос есть ответ. Проблема заключается лишь в том, что ответ отнюдь не находится в пределах досягаемости. Проблема есть, она существует, она живёт где-то своей жизнью, но это — за моей спиной, за стенами той берлога, где я проживаю свою жизнь.

Должен ли я согласиться с этим? Я имею в виду: должен ли я согласиться с тем, чтобы прожить всю свою жизнь в мире, о котором я не знаю, откуда он появляется?

— Мир! — сказал я.

Он словно большой камень, который внезапно начинает парить над городом не очень высоко. Он есть только там, он совершает свой полёт вовсе не ради объяснения своего поступка. (Тогда им следовало бы открыть глаза. Ха-ха! Так им и надо. Камень на несколько сотен тысяч тонн. Парит в воздухе. Да, парит!)

Вы слышите это? Вы подумали о том, что у мира

никакого адреса нет? Да и названия тоже. Пусть будет ясно: «мир» — это наше личное наименование того призрака, который нас окружает. И более того, более того! Ведь этот призрак, что внезапно высовывает голову из ничего, — это не только наш дом. Это — мы сами. Это мы — дети-сироты. Это мы высовываем голову из ничего.

Что ты сказал?

— *Бог!* — сказал ты. Да, подумать только, ты это сделал! Ты сию минуту воззвал к нему.

Но позаботился ли он о том, чтобы оставить хотя бы свою визитную карточку? Быть может, существует тайное горное ущелье, где он написал свой опус? Или же его просто-напросто нет? Что будет тогда с нашим миром? Именно об этом мы и говорим. В настоящий момент мы как раз об этом и размышляем. (Нужно уметь сосредоточиться на одной теме.) Откуда появляется этот колосс? (Всё-таки я — мономан. Во всяком случае, отчасти — мономан. На ближайшее время я сделал выбор: отставить все прочие вопросы. У меня нет младенцев, чтобы менять им пелёнки. Я выключил телевизор. Котировка курсов на бирже пусть подождёт до завтра)

4. НАШ МИР был темой разговоров с коллегами сегодня вечером. Добро пожаловать все! Ты

сказал, он существовал вечно! С этим покончено. А почему бы и нет? Ну да, это здравая мысль. Она в известном смысле неизбежна. Но разве это не абсурд? Мы, само собой разумеется, можем *представить себе* мир, который существовал всегда. Но может ли мир существовать вечно? Не следовало ли ему однажды превратиться во что-нибудь другое? Это — *мой* пуант. 1:0.

Ещё одна разумная мысль — мир создан Богом, и Бог существовал всегда. С этим — покончено! Это тоже здравая мысль, — но не такой же абсурдный факт. Мы зашли так же далеко. Мы только наметили проблему. Мы повстречали в дверях самих себя. 2:0.

Наше маленькое исследование всё ещё не закончено. Откиньтесь на спинку стула или — ещё лучше — сядьте поудобней. Продолжим наши рассуждения.

Кто сказал, что мир существовал всегда? Он *не может* существовать всегда Это мы уже установили. Но если он не существовал всегда, он должен был превратиться однажды в нечто бессодержательное. Стало быть, в первой инстанции. (Tertium non datur).[96]

---

[96] Примечания: 96
Третьего не дано *(лат.)*.

Мы, само собой разумеется, можем отложить решение этой проблемы на бесконечное число колен рода человеческого. Но в конечном счёте — что-то же однажды должно было превратиться в ничто.

Эта мысль не только очевидна, она — ещё и трогательно проста. Настолько проста, что даже ребёнок в состоянии её понять. Некогда мир не существовал вовсе, а потом он вдруг возник. Стало быть, возник из ничего. Привет! Как говорилось — мысль проста. Однако факт — провокационный. 3:0.

А что всё-таки, если не Бог создал мир «ex nihilo»[97], как говорят теологи. И тут на ум приходит мысль, что мы несколько поторопились с нашим исследованием. Ибо способности Божьи превосходят способности человеческие. (Но довольно об этом!) Не будем слишком торопиться отрицать существование Бога. Это может оскорбить его. (Ну да, это может быть также наказуемо, но это — совсем другое дело. Этому вопросу должен быть посвящён эпистемологический доклад[98].)

---

[97] Примечания: 97
Из ничего *(лат.)*.

[98] Примечания: 98
Эпистемология — учение о знании *(греч.)*.

Итак, Бог создал мир. Сам Бог сотворил его. Что с ним случилось? Мы вращаемся совсем в другом обществе. Существовал ли он всегда? Нет, нет — эту возможность мы уже отвергли.

Остаётся лишь одна последняя возможность. Бог сотворил мир, но до этого он создал самого себя.

Мысль об этом столь здрава, столь разумна, столь наивна и столь проста, что она соответствовала объёму учебного материала детского сада в нашем культурном окружении в течение нескольких тысячелетий. Если же придирчиво рассмотреть эту мысль, придётся всё равно от неё отказаться. Подобную мысль следует назвать парадоксальной, чтобы не сказать — обманчивой. Или искалеченной.

Она — как змея, кусающая саму себя за хвост.

Второй раз за пять минут мы освободились от проблемы. Мы проделали фокусы мартышки. Мы спрятали наши головы в песок.

То, что мы называем Бог, это — наскоро найденное промежуточное звено, спасительная планка логики для душ, терпящих бедствие на море. Невозможное, безумное остаётся столь же непоколебимым как с Богом, так и без него.

4:0 и нокаут.

5. НИКАКОГО ПУТИ мысленно не найдёшь. Для меня — это абсолютный постулат. Действительность не поддаётся пониманию. Мир — противоречие самому себе.

За повседневной оболочкой надёжности — мир настолько невозможен, что скоро я буду не в состоянии дольше пребывать здесь. Для того, кто не дал поглотить себя стирке пелёнок и семейным проблемам, мир — непрерывная провокация. (Семейные проблемы! Только у мартышек есть «семейные проблемы». Сам же я пытаюсь быть человеком.)

— Откуда происходит мир? — спрашиваю я.

Я повторяю:

— Откуда происходит мир?

Семьсот раз на дню задаю я себе этот вопрос. Но всё бесполезно.

Мне хотелось точно и основательно исследовать действительность, найти объективное объяснение — или ответить на этот вопрос самому. Но даже если я нахожусь в центре предмета своего исследования — даже если я ем, и сплю, и думаю в это время, — все мои усилия напрасны. (Что толку думать, говорил я. Теперь необходимо внести ясность в *проблему*. Мысли — всего лишь рефлекс тех самых ощущений, которые застав-

ляют думать о коровах и овцах. Разница между мной и коровой по кличке Дневная Роза состоит лишь в том, что я не мирюсь с положением вещей. Я отказываюсь войти в хлев. Или, вернее: я стою в хлеву, крепко привязанный, спиной ко всему, что представляет интерес. А теперь я хочу выйти оттуда. У меня от пребывания здесь расстраивается желудок.)

Мир — это невозможность. Но он неизменно выдаёт себя за действительность. Таким он, вероятно, многими и воспринимается. Меня самого следует назвать достопримечательным исключением, джокером в колоде карт. Зато я абсолютно уверен в своём деле. (Могу заверить, что оспаривать тот мир, в котором, как общеизвестно, ты бродишь вокруг, да и около, — задача вовсе не благодарная.)

Можно проснуться после неприятного сна и отмахнуться от мира снов сразу же после того, как очнулся. Но не так обстоят дела с действительностью. Она не сделает даже ни единого шага назад. (Когда я утром просыпаюсь, мне всё чаще и чаще случается пренебречь действительностью и снова погрузиться в сон. Но вовсе не потому, что мои сны имеют некое преимущество перед тем, как и где я просыпаюсь. Сон может быть столь же

безумным, столь же абсурдным. Однако — мой пуант — такой сон не реален.)

Внесём ясность — запишем на скрижалях. Между мной и миром не наблюдается больше никакого понимания. Я — вышел из игры. За исключением того, что основал какое-то новое общество. А разрыв с миром — окончательный, бесповоротный. Это становится всё яснее и яснее с каждым прошедшим днём. Мир тянет за один конец — а я, я — тяну за другой.

Что такое? Неужели это так важно? Я задаю себе вопрос: не представляет ли моя точка зрения общий интерес? *Ведь я полагаю, что мир больше не единое целое*. Он разъехался по швам. Потому что я — частица этого мира, да, и я — тоже. Я был, думаю я. Только прежде, чем он раскололся надвое.

Я отделился от этого мира. Я парю в пустом пространстве. Там — одиноко, господа!

6. ВСЕГДА ЛИ БЫЛО ТАК? Неужели моя жизнь всегда была так же мрачна?

Столь далека от этого!

Поначалу было лишь нечто, время от времени осенявшее меня. Я мог видеть это в камне, в рисунке ландшафта, в животных. Я видел это во взгляде случайного прохожего, в жесте старой да-

мы или в комическом происшествии в трамвае.

Через равные промежутки времени, просыпаясь утром после долгой ночи, я ощущал будто бы некое содрогание в теле. Словно какой-то рывок в самом себе. Это ощущалось всё явственнее и явственнее. Итак, о мире. Именно о нём мы постоянно говорили. Это он ощущался мной всё отчётливей. Контуры его становились всё более резкими. Всё более крупными, более необузданными и более назойливыми, чем прежде.

Теперь — днём — каждые пять минут я думаю об этом. (Я не сказал, что не думаю. Я утверждаю лишь: мысли мои ни к чему не приводят.) Каждое утро именно это — первое, что приходит мне в голову. Это и последнее, что мучает мой бедный мозг, прежде чем я засыпаю вечером.

Я научился лучше управлять своими мыслями, или они научились лучше управлять мной. Мне нужно лишь положить руки на колени, и я ощущаю это, ощущаю с головы до пят. Это — в каждой по́ре моего тела, в каждой его клеточке. Думать о чём-то другом ничуть не помогает. Я всё равно ощущаю это, ощущаю изнутри, ощущаю, как это царапает меня под кожей, ощущаю, как это давит на мою грудь. Раз давит, значит, оно здесь. Теперь это со мной, теперь я хожу повсюду и ношу его.

Теперь я — это нечто редкостное, невозможное. (Может ли тело быть мономаном? Может, мне не хватает какого-либо гормона? Витамина? Минерала? А может, что-нибудь, наоборот, в большом избытке?)

Щекотливость — или сложность, запутанность вопроса — и состоит именно в том, что моё «я» волнует меня. Я — часть того круга, из которого хочу вырваться. Я — словно призрак на охоте за призраками. Я не нахожу то, чего ищу, — просто-напросто потому, что я и есть призрак.

Я описываю дилемму, которую вынести невозможно. Но выбора у меня больше нет. Я не успокоюсь, прежде чем не найду решения этой загадки. Стало быть, я никогда не успокоюсь. Во всяком случае, не раньше, чем упаду мёртвым.

Иначе — невозможно. Но я не сдаюсь.

7. В настоящее время есть нечто, что особенно беспокоит меня. Я сам — редкостное, невозможное явление… И я вижу это во всём, что окружает меня. Подобно электронам вокруг атомного ядра, вращаются все мои мысли вокруг того, что я существую. А кое-что существует вообще. Из этого исходят все мои мысли — и туда возвращаются они обратно. Однако — и это как раз и мучает меня, — кажется, я — единственный, кому это ясно.

Я вовсе не какой-то там особенный. Другие такие же, да, и они тоже. Я чую это на расстоянии. Когда я целиком погружаюсь в какое-то дело, я тотчас же вижу нечто невозможное в человеке, идущем мне навстречу. Он такой же неправдоподобный, как и я. Такой же заколдованный. Такой же наэлектризованный. (Анероид![99] Живая кукла!) Разница — огорчительная разница заключается в том, что он непонятен самому себе. Он ничего не замечает. Словно он сидит на пылающей печи, не чувствуя этого. Я вижу по выражению его лица, выражению невежественности, игривости и возбуждения, что он об этом не знает, что он никогда об этом не думал.

И более того, я вместе с тем понимаю, что было бы безнадёжно пытаться рассказать ему об этом. Он всё равно был бы не в состоянии это осознать. С него вполне достаточно того, что он торгует мужской одеждой. Более чем достаточно. Это меня пугает.

Мне ясно: со стороны может показаться, будто я упиваюсь своим замкнутым существованием. Почему я не выхожу в свет и не делюсь своими переживаниями с другими?

---

[99] Примечания: 99

Металлический барометр, измеряющий атмосферное давление при помощи безвоздушной тонкостенной трубки *(греч.)*.

Эврика! В самом деле, возможно ли заставить этот мир понять, что он — загадка? Безмерно скорбя и в глубочайшем отчаянии, я должен ответить безусловным «нет!». Я возвещаю это не без основания. Я говорю, подводя итог длительного опыта.

Я затрагивал уже вопрос о моей языковой несобранности. Я говорю на том же самом языке, что и все, окружающие меня. Дело совсем не в этом. Ведь они не понимают, что я имею в виду. Они не понимают, какое знание скрывается за используемыми мной словами. Они не чувствуют значения того, на что я указываю. У них в голове есть маленький клапан, который отключает их, не давая понять, что жизнь — загадка. (Я размышлял о том, что, может быть, дело в отсутствии связи между правым и левым полушарием мозга. Возможно, именно в этой области я отличаюсь необычайно редкой аномалией. Ну ладно — вскрытие покажет. Но пусть оно подождёт, пусть подождёт…)

8. Я ВОВСЕ НЕ НАМЕРЕН казнить своих ближних. У меня нет никакого желания нанести им удар в спину. Но я потратил половину жизни на попытку обрести понимание. Хотя моим единственным стремлением было помочь бли-

жайшему моему окружению осознать, что оно существует, я слыву истериком. (И это совершенно ясно — по сравнению с дождевым червём даже черепаха — истерична…)

Бесчисленное множество раз я в своём одиночестве железной хваткой вцеплялся в ближнего и рассказывал ему, что мы находимся на земном шаре во Вселенной.

«Там находится наш мир», — говаривал я.

«Мы существуем!»

«Мир теперь здесь!»

Я указываю на нечто, по моим меркам, возмутительное, но человек только качает головой и спешит дальше. Вместо того чтобы понять: мир фантастичен, он считает меня самого фантастом. Затем он направляется, например, к кузнецу. А поскольку ему нужен мир, который в здравом уме, он считает меня сумасшедшим. Чтобы самому не стать безумцем, он внушает себе: со мной что-то неладно. (В эпоху античности вестнику, приносящему неутешительные новости, отрубали голову.)

Неужели так уж странно, что меня приводит в отчаяние зрелище того, как мои ближние разбредаются во все стороны по земле так же равнодушно, как пасущиеся коровы? Они только

пребывают здесь, только становятся в шеренгу. Ничто их не удивляет. Со мной же — иначе. У меня голова кружится от здешней атмосферы. В отличие от других, я каждый раз стараюсь избежать мнимой суеты. Именно в деталях, в условностях. (Я не слежу за котировками на бирже. Нет, не слежу…)

Я уже больше не помню, как это, когда у тебя к чему-то возникает «интерес». (Мне ни до чего нет дела!) «Интересоваться» чем-то — сродни поговорке: «За деревьями не видеть леса». А иногда не видно даже деревьев. Таращишься лишь на мхи и вереск, покуда глаза не вылезут на лоб или не отвалится голова.

Единственное по-настоящему интересное в мире — то, что он существует. Вообще-то для меня он может быть каким угодно. Пусть по улицам бродят привидения, и единороги, и розовые слоны, а я этого так и не замечу.

Когда мир существует, границы невероятного уже пересечены.

Я бы ничуть не удивился, если бы внезапно в один прекрасный день вниз с неба спустился ангел и унёс меня в другое бытие. Я не нуждаюсь в такого рода изумлении. Я уже изумлён. Моё изумление давным-давно достигло своего преде-

ла и без подобных фантазий и экстраординарных случаев. Для меня мир — экстраординарен. Здесь и сейчас. Так сказать, на обочине. На кухонной скамье.

Я не разину рот от удивления, наткнувшись в саду на марсианина. Да и зачем мне это? Я сам — марсианин. Я наткнулся на самого себя, нашёл самого себя в космосе. (В этом есть свои преимущества. Ясно что сделать прививку против всех шоков — преимущество. Великому Троллю я смотрел прямо в глаза Я не позволяю троллю-толстогузке заставить меня упасть. Я не вскакиваю на стул и не кричу всякий раз, когда вижу мышь.)

9. ВНЕЗАПНО ОКАЗЫВАЕШЬСЯ в этом мире и оглядываешься вокруг. Для меня это — сверхъестественное переживание.

А разве природа как таковая не сверхъестественна? Или, само собой разумеется, наоборот? И «сверхъестественное» является — природой. В общем — где следует провести между ними разграничительную черту? И почему? Бытие не разделено на зоны. Мир не упорядочен по степени надёжности и доверия. Существует лишь одна действительность. Зато она абсолютно необъяснима. На шаткую постукивающую ножку стола

не следует обращать больше внимания, нежели на стучащее сердце. Вообще-то у меня нет веры в ворожбу и колдовство. Или в парапсихологию, как это звучит в более цивилизованном словоупотреблении. Я не нуждаюсь в разысканиях подобного рода — в цыганском шатре или на академических задворках, — чтобы понять: я существую.

Итак, Вселенная, планета в мировом пространстве. Со слонами и носорогами. С коровами, крокодилами и тараканами. С омарами и канарейками… Женскими косами и лошадиными хвостами, личинками и бёдрами, свекровью и ишиасом… Всё вместе, как следствие каких-то химических реакций, имевших место несколько миллиардов лет тому назад.

Это и есть небольшая перспектива. Я не говорю теперь о Великом. Я не затрагиваю здесь тему Мировой материи, того Взрыва, с которого, должно быть, всё началось. Я не проявляю интереса к астрономии. Или к космологии, что звучит всё же более высокопарно. Зачем эта гигантомания? Достаточно держать в руке камень. Вселенная была бы столь же непостижима, представляй она собой единственный камень — величиной с апельсин. Вопрос был бы столь же поразитель-

ным. Откуда взялся этот камень? (Чудеса ценятся не по килограммам. Создать один грамм не менее похвально, нежели тысячу тонн.

— *Мы видим*, — говорю я.

Какой абсурд — не видеть белого кролика с красными глазками и дрожащей мордочкой? Или индийского слона с хоботом? (Зачем ему быть розовым? Чтобы его заметили? Зачем иметь две головы, чтобы, например, удостоиться места в газетной хронике?)

Что такое этот яркий материал, если он не обрамлён со всех сторон и не представляет собой красочную часть самого себя? У неподготовленного вид собственной матери может вызвать лёгкий шок. Не говоря о том, чтобы быть увиденным самому.

А если начнёшь серьёзнее размышлять над тем, что тебя *увидели* слон, или морской лев, или лягушка, умопомешательство (insania bestialis[100]) может охватить тебя, прежде чем ты успеешь на это прореагировать. Разве не граничит подобное с неприличием? Не интимный ли это зрительный контакт с коровой?!

А слон! Что *это такое*? Что это за непостижи-

---

[100] Примечания: 100
Зверское безумие *(лат.)*.

мая пучина, вонзающая в тебя взгляд?

Ну да… Но нет необходимости переходить ручей, чтобы набрать воды. С таким же успехом можно посмотреть в глаза самому себе в маленьком зеркальце, которое носишь в кармане. Тогда то, что видишь, совершенно идентично тому, что увидено. Бездна заглядывает в самоё себя. (Ну да, но от этого умнее не становишься…)

10. В ЧЁМ ПРИЧИНА ТОГО, что мир не признаёт правоту моего утверждения: пребывание здесь хрупко и ненадёжно. Что такое есть в мире, чего мне не хватает? Что такого есть у меня и чем беден мир? Никто-никто не видит мир так, как я.

Право должно быть правом. У меня есть утешение. Я вновь нахожу кое-что подобное моему собственному удивлению в детях. Наряду с вином и снотворным они теперь единственное, с чем я могу считаться. Дети, во всяком случае, склонны удивляться оттого, что находятся здесь. (А этого разве тоже достаточно… Дети выскакивают в этот мир из чрева женщины, сползают с пеленального столика, поднимаются на обе ножки и выбегают на волю, на природу. И всё это в сравнительно недолгий срок.)

Для детей — что совершенно ново в этом мире, — действительность сказочна. Но за то

короткое время, пока ребёнок вырастает, происходит нечто фатальное, нечто, что должно быть тщательно изучено психологами. Вскоре ребёнок уже ведёт себя так, словно он пребывал в этом мире всегда, и он теряет способность удивляться. Он теряет способность серьёзно воспринимать мир.

Взрослые привыкли к феноменам. Они не помнят, что некогда были детьми, что весь мир был им внове. Они допьяна напились действительности. Слепые и равнодушные, бредут они, пошатываясь, по всему земному шару, не сознавая самих себя. Они избалованы жизнью, они до бесчувствия оглушены всем тем, что могут поведать им чувства. Они не понимают, что действительность — сказка, некое предчувствие, появившееся ещё прежде, чем они были в состоянии думать об этом.

Сам я ребёнок-переросток. Я такой же тонкокожий, как их сверстники, вновь прибывшие в этот мир. Я никогда не вырасту.

Я никогда не успокоюсь. Я всегда беспрестанно бодрствовал. И хотя мои ближние по-своему также бодрствуют, хотя они едят, пьют и ходят на работу, — они спят.

Шумные и энергичные, бегают они в этом мире и копошатся, ползают по земному шару во Все-

ленной, как сказочные персонажи из плоти и крови. Но они не бодрствуют. Они спят сном Спящей красавицы из обывательской прозы жизни.

11. МНЕ БОЛЬШЕ НЕЧЕГО добавить. Я имею в виду, что высказал уже свою точку зрения. (В действительности, у меня только одна точка зрения. Точно так же, как существует лишь одна действительность.)

Я повторил одно и то же двадцатью одним способом в надежде, что хоть какое-то предложение или слово встретит отклик единомышленника. Но люди не отзываются! Они даже не поморщатся. Они сосут сладости, шуршат обёрткой от шоколада. Им так чертовски удобно! Только было бы что-нибудь сунуть в рот!

Ха-ха!.. Даже если ущипнуть проходящего мимо за руку и рассказать ему, что жизнь — загадка, всё равно не поможет. Он не хочет этого понять, не может этого понять! Природа защитила его от такого рода опасностей. Если кричать до хрипоты, что жизнь — коротка, всё равно не поможет. Всё это бесполезно. Слова не вызывают никакой реакции вообще. С таким же успехом можно ущипнуть жирного поросёнка и рассказать ему, что его скоро заколют. Возможно, он глянет на тебя. Глянет пустыми, ничего не выражающими

глазами.

Ты — сказка. Но сказка не для самого себя. Ты — сказка для Бога, — если Бог существует. И ты сказка для какого-нибудь аутсайдера, для какого-либо джокера в колоде карт.

В сознание моих ближних, должно быть, заложен какой-то врождённый механизм, запрещающий им думать о том, что жизнь — тайна. Они рождены с какой-то защёлкой в голове, блокирующей их мысль и не позволяющей им думать дальше расстояния от руки до рта Они сосредоточены лишь на том, каков мир есть — или каким он будет, каким должен быть… Однако поразительному факту *того, что мир существует*, они не жертвуют ни единой мысли. Они просыпаются, вживаясь в сказочный мир, но воспринимают его придирчиво и самодовольно, хотя сами в этом мире — лишь гости на краткий час. Прежде чем они познают самих себя, они уже почти мертвы. У обывателя не хватает фантазии представить себе мир иным, нежели он есть. Он принимает предварительные условия существования, соглашается безо всяких колебаний прожить 60–70 лет своей обывательской жизни — и исчезнуть. Жаловаться на такое положение вещей — истерия.

А называть жизнь тайной — экзальтация. Ибо всё следует законам природы.

Вы *слышали* об этом? Действительность — один-единственный связный «закон природы». Разве это не великолепно?

Всё, взятое в целом, — в полном порядке. Горшки с цветами стоят на подоконнике, дети легли спать, и земля движется своим путём вокруг солнца.

Словно бы «законы природы» — не таинственны вовсе!

Но для обывателя это не так. Для него законы природы — очевидное продолжение законов семьи и общества Подобно тому, как полиция обеспечивает порядок на улицах, наука соблюдает законы и порядок разума. Если что-то всё же не в порядке — последней апелляционной инстанцией придирчивости и самодовольства является духовенство.

Обывателю хочется только удобств. Он ест и пьёт всю жизнь напролёт, он словно водосточная труба, через которую протекает жизнь до тех пор, пока он однажды не перекатится на спину и не умрёт, пресытившись днями жизни.

Даже если я никогда не успокоюсь и не удовлетворюсь положением вещей, даже если все

без исключения часы дня такие же, как первый и последний, то есть единственный, я каким-то образом свёл баланс.

Мир — безумен. Либо это так, либо мир в полном порядке, а я безумен. Но что хуже всего? Если безумен мир, значит, я — единственный нормальный. А что, если существует на свете нечто лучшее, чем мир, который нормален, а я — единственный, кто безумен?

Существует ещё третья возможность. И это — та, которую я больше всего ненавижу. Я переживаю происходящее в мире столь сильно и напряжённо, что постоянно должен прикрывать глаза из-за боязни ослепнуть. Но ничто из всего того, что я вижу вокруг себя, не создаёт впечатления, будто оно переживает самоё себя. Что это означает? Это может означать, будто я — единственный, кто существует, а всё другое — лишь нечто, внушённое мной самому себе. Ведь от призрачных, похожих на сон картин нельзя требовать, чтобы они переживали самих себя. Или это возможно? Я не знаю. Но мне не по душе мысль об одиночестве в космосе. Тогда всё-таки лучше быть сумасшедшим.

Так же верно, как то, что я живу, так же верно, как то, что я бодрствую и что действительность

мне не снится, — у меня есть ещё возможность отступления. Я могу ещё, вероятно, закрыть глаза на невозможное и стать как другие. Это состояние наверняка можно привести в норму с помощью психиатра или хирурга — или, может, длительными пробежками, холодными обтираниями и тяжёлой работой. Это наверняка может заставить меня согласиться с тем, что это — я, а не окружающий мир экзальтирован. Во всяком случае, должно быть, мне не мешало бы себя приукрасить, дабы найти место в рядах и смешаться с другими. Но это меня не соблазняет. Я выбираю возможность остаться единственным, кто знает, что такое — странное, единственным, кто знает тайну.

12. КОГДА Я УМРУ, мир избавится от сумасшедшего. Либо это так — либо мир потеряет единственного нормального человека. Тогда больше не будет иметь никакого значения то, кто был безумцем — я или мир. Независимо от всего — последнее слово за этим миром.

Рассказывают, что редактор, переживший критика всего на несколько недель, рисковал своим служебным положением, добиваясь, чтобы длинная статья его друга была напечатана

полностью.

Вообще-то, редактор и обнаружил её среди оставленных коллегой бумаг. А если это не так — как шептались по сторонам, — редактор сам написал статью. И тогда — как говорили, — он сделал это, дабы почтить память старого друга и коллега.

Абсолютно случайно редактора похоронили на том же кладбище, что и критика-искусствоведа. Ещё прежде могила коллеги заросла, она — всего на расстоянии нескольких метров отстоит от могилы редактора.

Шепчутся ли они друг с другом на месте своего последнего упокоения, останется здесь не сказанным. Ибо о подобных вопросах при любых обстоятельствах, находящихся вне пределов нашей компетенции, судить не нам.

Однако ветер, ветер шепчет в траве над земными останками наших героев. А мир таков же, как и прежде.

По-моему, он снова встал на место.

УПРАЖНЕНИЕ

Преврати дни в мелкие вещицы, в штучки-дрючки, которыми ты можешь играть. Преврати их, например, в шарики для игры — в жёлтые, зелёные, красные и синие шарики. Неделю ты сумеешь соблюдать порядок. В понедельник играешь, бросая о стенку, синими, во вторник зелёными, в среду фиолетовыми... Если ты попытаешься собрать комплект на целый месяц, ты быстро утратишь контроль над ними. Где восемнадцатый? Был двадцать шестой синим или красным? Достаточно года, чтобы весь пол на кухне покрылся шариками. Восьмого января шарик — под холодильником. Двадцать шестого мая — под радиатором, двадцать четвёртого октября где-то под кухонной плитой.

Ты не можешь двигаться по комнате, не приводя в движение шарики. Один день сталкивается с другим — словно молекулы мысли в глубине памяти.

Триста шестьдесят пять шариков катаются уже по всей квартире. Шарик третьего ноября медленно катится по кухонному полу в направлении кухонного стола и встречается с шариком

сочельника, который катится дальше к шарику первого дня Пасхи.

У тебя квартира из трёх комнат, и ты умножаешь триста шестьдесят пять шариков года на семьдесят или восемьдесят. Семнадцатого апреля 1983 года перепрыгивает через порог входной двери и вкатывается в общую комнату тот шарик, что бросают о стенку восемнадцатого октября 1954 года, двадцать седьмого июня 1996 года и двадцать четвёртого марта 2012 года, прежде чем он успокаивается около пятого декабря 1980 года под телевизором.

Ты мечешься среди всей этой роскоши. Тебе кажется, ты — богат. Но вот в дверь стучат. Ты осторожно ступаешь по полу, отталкиваешь несколько сотен шариков в сторону перед ковриком у дверей и открываешь молодой женщине. Алых роз у тебя нет, и ты тотчас даришь ей горсть шариков. Женщина охотно играет шариками, которые ты ей даришь, и не успеешь ты подумать, как потерял уже целую тысячу из них.

Но вот в дверь опять стучат, и в прихожую входит маленький мальчик. Ты даришь ему несколько тысяч шариков. На другой день он приводит с собой сестру. Она требует столько

же этих штучек-дрючек, как и её брат. И теперь, только теперь ты видишь, что твой запас заметно уменьшается. Шарики на полу редеют. И уже не собираются в кучу по углам, как в добрые старые дни.

Но вот в дверях появляется человек. Он показывает тебе бумагу, в которой написано, что ты должен ему четыре с половиной тысячи шариков. С бешеной быстротой кидаешься ты вниз, на пол, и считаешь имеющиеся в наличии шарики, и тут же рассчитываешься с долгом. Тебе хочется знать, что же — твоё, тебе хочется знать, чем ты располагаешь. Но тогда, тогда остаётся всего лишь небольшая горстка шариков. Теперь тебе приходится искать. Ты вынужден бегать из комнаты в комнату, чтобы найти шарик.

Ты запираешь дверь и укрываешься от чужих глаз. То, что у тебя остаётся, ты хочешь сохранить лишь для самого себя.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ НЕ ХОТЕЛ УМИРАТЬ

СУМАСШЕДШИЙ БРОСАЕТСЯ очертя голову в магазин фарфора и разбивает вдребезги хрусталь и фарфор так, что во всём огромном помещении стоит сплошной звон. Безумца пытаются остановить, но бесполезно — его ярость не знает предела. Прежде чем полиции удаётся справиться с ним, он уже совершил акт вандализма на сотни тысяч крон. Мужчину уводят, а магазин после него похож на поле битвы.

НО ЭТО НАЧАЛОСЬ ещё раньше, днём. Берсерка[101] пригласили к заводскому врачу. Он вызнал от врача, что у него рак.

— И к сожалению, — добавил тот, — с метастазами в лимфатическую систему…

Диагноз, стало быть, однозначный. Дело немного осложнилось тем, что тридцатилетний человек не хотел умирать. Как говорится, не был к этому готов.

---

[101] Примечания: 101

Берсерк *(исл.)* — головорез, беспощадный воин. Истор.: воин, который обуян священным безумием и уничтожает в бою всех, кто приближается к нему.

Он, смертельно больной, отказался от всякого ухода. Он всегда радовался жизни и не видел веской причины для смерти. Он оказался бессилен перед желанием врага вести с ним переговоры и воспротивился ему изо всех сил.

Врач, истинный гуманист, тотчас понял волнения пациента. Но это не произвело на него ни малейшего впечатления. Для этого он был слишком опытным специалистом. Ему в его практике и раньше приходилось иметь дело с подобными случаями. Пациент не был первым человеком в истории, которому предстояло умереть. И будет отнюдь не последним.

С подобными произнесёнными в уме мудрыми словами он выпроводил пациента на улицу после всех тех благословений и пожеланий счастья, которые приличествуют при подобных обстоятельствах.

— Всё будет хорошо! — сказал доктор на прощание.

Пациент задумался: что он хотел сказать словом «всё». Имел ли врач в виду сам процесс умирания? Или он, будучи человеком религиозным, подумал о том, что ожидает его пациента в загробной жизни?

ЮННИ ПЕДЕРСЕН, шатаясь, выходит на улицу.

Он не в состоянии отличить одни звуки в городе от других. Всё — сплошной непрерывный шум, трубный глас, что звучит в его ушах.

— Доброе утро, Юнни! Ты — онкологический больной. Ты выброшен на улицу, впереди в лучшем случае несколько месяцев жизни. Поздравляю!

Юнни обладал чрезвычайно развитой способностью делать выводы. Он имел обыкновение рассуждать. Не все смертельно больные пациенты обременены подобными качествами. Одно дело — быть больным. Нечто совершенно другое — уразуметь: ты умрёшь.

«Через полгода, — думал обречённый, — через сто дней или что-то в этом роде меня не станет. Город, в котором я живу, так и будет существовать. Здесь будут жить, как прежде. Этот дом — стоять так же, как и стоял. Ботинки, в которых я хожу, продадут за одну или две кроны на блошином рынке. А женщина, с которой я делю стол и постель, — по-прежнему будет стоять перед зеркалом с тушью и краской на столике. А я, я буду далеко».

Ему нужно прощаться не только с этим миром. Ему нужно проститься с самим собой.

— Прощай, Юнни Педерсен, спасибо за меня!

Спасибо за то, что мне дано было *быть* тобой, Юнни Педерсен, спасибо за это одолжение. Ныне я покидаю этот мир, понятно? А ты — ты станешь историей!

ЮННИ ПЕДЕРСЕН был высокий — 185 см роста — и крепкий малый. Множество раз в юности разрешал он споры с помощью кулаков. А позднее — случалось — уже в пьяном виде. Ему не нравилось, когда его припирали к стенке.

Юнни идёт по городу, кипя от ярости из-за того, что сказал врач. Внезапно он изо всех сил ударяет по фонарному столбу. Юнни кричит от боли, но фонарный столб стоит по-прежнему на своём месте.

Тогда Юнни ударяет кулаком по капоту припаркованного автомобиля стоимостью в 200 000 крон. На крышке появляется красивая вмятина. Но прежде чем кто-либо успевает прореагировать, Юнни уже на пути в магазин стекла и фарфора. Здесь он даст выход своему страху.

Юнни боится, но его энергия требует выхода. Его отчаяние отзывается на одной полке со стеклом за другой. Он находит отдел фарфора. И фарфор понимает куда больше, нежели врач. Фарфор понимает, что протест Юнни — серьёзен. Одна за другой вбирают в себя страх Юнни дра-

гоценные вазы. Вскоре всё помещение магазина отмечено его кулаками.

В ПОЛИЦЕЙСКОЙ МАШИНЕ Юнни обретает покой. Он проделал работу, которая была необходима и проделал её основательно. Он дал свой ответ на предполуденные новости.

Юнни отметился. Он был не из тех, кто выходит из игры, не обратив внимания всего мира на свой эффектный уход со сцены. Он не умрёт, не оставив следа. Теперь всё в порядке, дело сделано.

Полицейский надел наручники на его сильные кулаки. А лицо этого человека казалось немного свирепым, словно Юнни разорил его собственный дом. Но Юнни подумал, что посадить его в тюрьму они всё равно не смогут.

Он сделал нечто, чего вообще-то делать нельзя. О'кей. Но почему? То, что он сделал, было абсолютно понятно. Это было необходимо.

Нет, Юнни не попадёт в тюрьму. Юнни умрёт, он умрёт. Юнни был приговорён к смерти ещё прежде, чем свершил некое злодеяние. Таким образом, он сделал своё дело, чтобы свести баланс между преступлением и наказанием.

ВО ВРЕМЯ ПОЛИЦЕЙСКОГО ДОПРОСА Юнни отдаёт себе отчёт в том, что натворил. Он разбил

хрусталя и фарфора на полмиллиона крон. Ну да, он признаёт это. Но отказывается объяснять, почему это сделал. Он не хочет выдать свою тайну случайному полицейскому. Он думает старательней, чем обычно. У Юнни готов план.

— Фарфоровые вазы, — говорит Юнни Педерсен, — фарфоровые вазы стояли себе на полках в магазине. И тысячи людей проходили мимо, не уронив ни одну из них на пол. Возможно, какую-нибудь из них, что попроще, время от времени и роняли. Роняла старая дама, пациент, страдающий болезнью Паркинсона[102], или непослушный ребёнок. Но это не было умышленно. Так ли уж удивительно, что в один прекрасный день является человек — один на тысячу, — который берёт дело в свои руки и совершенно сознательно набрасывается на фарфоровые вазы. Во всём виноваты фарфоровые вазы, господин полицейский. Они такие чертовски красивые! Но наш мир — мир — некрасив. Мир — жесток…

ЮННИ ПЕДЕРСЕН ОБВИНЁН в совершении грубого акта вандализма. Ему предлагают защитника, но он предъявляет требование: он будет

---

[102] Примечания: 102

Болезнь, описанная английским врачом Дж. Паркинсоном в 1817 г. Сопровождается тремором — дрожанием рук и ног, нарушением походки.

защищаться сам.

— Дело простое, — сказал Юнни. — У меня не было выбора.

— Несмотря на это, защитник вам понадобится…

— Я сам буду вести дело. Совсем один. Словно на безлюдной горной вершине между небом и землёй. Я один — против всего мира. Но у меня есть пожелание. Я очень хочу, чтобы дело было рассмотрено в суде до Рождества Я, по всей вероятности, буду на святках очень занят…

ЮННИ ВЫСТУПАЛ в суде холодно, с чувством собственного достоинства, что на фоне абсолютно немотивированного поступка даже испугало окружающих. Потому что до этого они имели дело с примитивными, малокультурными людьми, с чернью, но не с таким вот узником совести.

С другой стороны, пьяным он не был.

Что могло заставить его лишиться рассудка? Ведь не врываются же без всякой причины в супермаркет и не разбивают фарфор на миллион крон!

В политических же кругах этот судебный процесс вызвал особый отклик.

ДЕЛО РАССМАТРИВАЕТСЯ в суде.

Это — день Юнни. Он встречает его, точь-в-точь когда наметил, и встречает без защитника.

Юнни Педерсен называет своё имя, дату рождения и местожительство. Обвинение прочитано, и Юнни подтверждает факт происшествия. Он делает это не без чувства известной гордости. Значит, он что-то свершил, значит, он обозначил себя, во всяком случае — обратил на себя внимание. Он не уйдёт отсюда, склонив голову. Однако он отказался признать себя виновным.

Прокурор допрашивает обвиняемого:

— Итак, вы вошли в магазин с улицы. И тогда… да, и тогда вы принялись разбивать драгоценные фарфоровые вазы?

— Именно так, господин прокурор. И мне кажется, вы должны отдать мне должное, я делал это довольно основательно.

— Вы отдаёте себе отчёт в том, что ущерб составляет сумму в восемьсот пятьдесят тысяч крон?

— Мне говорили об этом, да. Но видите ли…

— Что вы сказали?

— Но видите, как здорово я это сделал, каким был спорым на руку.

— Вы… Вы проявляете неуважение к суду…

— К фарфоровым вазам, господин прокурор.

— Но почему? Ни одной судимости у вас раньше

не было. Вы твёрдо стояли на ногах. Вы… ну да. Вы в известной степени были опорой общества…

— Sorry, sir[103]. Эта опора, вероятно, основательно прогнила.

— Можете объяснить суду, почему вы это сделали?

— Я попытаюсь, — ответил Юнни, теперь уже не отводя взгляда от прокурора. — За час до того, как я разобрался с этими фарфоровыми вазами… я узнал: я скоро умру. Мне остаётся несколько недель жизни… Видите эту маленькую коробочку с пилюлями? Это — морфий…

— Но…

— Я был в ярости. Кто-то должен был ответить за то, что я скоро умру. Жизнь в этом городе не могла продолжаться так, как прежде…

— Ладно… я признаю, что ваши слова проливают новый свет на это дело. Скажите мне, вы желаете, чтобы мы прервали заседание суда?

— Ни в коем случае.

— Меня поражает, что на фоне того, что выяснилось, вы производите впечатление необычайно уравновешенного человека.

— Совершенно верно. Разбив несколько сотен

---

[103] Примечания: 103
Извините, сэр *(англ.)*.

хрустальных чаш, станешь уравновешенным! Смерть кажется уже не такой бессмысленной. Теперь в отчётной ведомости порядка больше. Заверяю вас, господин прокурор, что ни одна-единственная фарфоровая ваза не была разбита напрасно.

— Вы должны, вероятно, признать, что бессмысленно разбивать хрусталь и фарфор на восемьсот пятьдесят тысяч крон.

— Есть какая-то соль в желании разбивать фарфор, господин прокурор.

— Не могу с этим согласиться. Нам… нам всем предстоит умереть. Но мы не можем все как один ходить по городу и разбивать фарфоровые вазы.

— Ваша правда. Люди большей частью уходят отсюда так же дисциплинированно, как соблюдают правила уличного движения. Но я наверняка не единственный. Подобная мысль должна была появиться у многих, у очень многих людей.

— Тем важнее для общества положить конец подобным прецедентам. Кроме того, это снимает всякую ответственность за компенсацию убытков…

— Что касается этого дела, я, понятно, абсолютно несостоятелен. Я — банкрот, господин прокурор. Мне остаётся лишь несколько дней

жизни. Прежде чем все вы со своими семьями станете украшать рождественскую ёлку, я буду далеко. И никогда больше не вернусь.

— Значит, прежде чем исчезнуть, вы будете крушить и уничтожать всё, что попадётся под руку?

— А провал на экзамене, господин прокурор, а потеря работы… или измена той, что любишь…

После этого в объяснении обвиняемого впервые наступила краткая пауза.

— …может привести человека в отчаяние. Они становятся теми, кто совершает убийство — или даже самоубийство — из-за подобных вещей. Но не меньшая мука — знать, что ты должен умереть. Это не то что провалиться на экзамене. Теряешь себя, самого себя. Для меня это было нечто вроде взрыва!

— И вы полагаете, стоимость подобных «взрывов» является в некотором роде тем, что должно оплачивать общество?

— При чём здесь общество! Сам я уже *на пути из* этого общества На пути из реальности, господин прокурор. Я лишний в вашей компании. Понятно, о чём я говорю? Это… это битьё фарфора было лишь предвкушением неизвестности.

— Что вы сказали?

— Вот, вот! Это как бы предупреждение им вместе — и магазину, и суду. Назовите это — плата за науку… Ведь я понимаю, что подобные выходки могут легко войти в моду. Они могут… Они могут породить лавину себе подобных. Я ведь, как здесь совершенно правильно заметили, — я ведь не единственный, кто должен умереть. Но я — первый, кто взял дело в свои руки. Возможно, именно я открыл фарфоровый террор для будущих поколений.

— Фарфоровый террор?

— Через сто лет, возможно, не останется ни единой самой маленькой вазы или кувшина, чтобы их разбить. Они все уже будут уничтожены в знак протеста против смерти. Век фарфора минует…

ПРОШЛО несколько лет с тех пор, как Юнни Педерсен, шатаясь, бродил по городу, словно воплощение страха в человеческом обличье. После того, как он пустил в ход свои кулаки в магазине фарфора и стекла и был обвинён в грубом акте вандализма, Юнни безоговорочно приговорили к двум месяцам тюрьмы. Не из-за вероятности новых непредсказуемых поступков с его стороны, не потому, что суд не испытывал сострадания к обвиняемому, и не потому, что не понимал его ярости, а лишь принимая во внимание опасность

повторения подобного примера.

Через четыре недели после суда Юнни скончался в одной из городских больниц. Несколько дней спустя его кремировали.

Сам я часто прогуливаюсь по кладбищу, где урна с прахом Юнни покоится под ковром из травы и цветов белого клевера.

Здесь так мирно! По-моему, слишком мирно! В урне под покровом травы лежат земные останки Юнни. Всё, что осталось от напряжённых мускулов воителя, — лишь чёрный прах.

Я думаю об этом прахе как о явлении природы. Юнни, в конце концов, соединился со Вселенной.

Мне всегда было не чуждо пантеистическое[104] понимание действительности. Когда мы умираем, мы возвращаемся туда, откуда некогда произошли. Мы некоторым образом возвращаемся домой. Умереть — значит быть отпущенным на отдых.

---

[104] Примечания: 104

Религиозное идеалистическое мировоззрение, согласно которому в основе мира лежит не материя в движении, а некое божественное духовное начало, существующее в единстве с природой (филос.). Обожествление природы.

МИР СВОБОДЕН

Ныне — мир здесь. Никогда прежде он здесь не был, никогда потом не будет. Мы — первые и последние...

Великое Тело мира ослабело. Ныне — всего несколько секунд — и голубь сел на наши плечи.

Так загадка между нами исчезает, — а мир-колосс срывается с места и движется дальше от одной удачи к другой.

Но нам следует пользоваться этим миром, пока он — здесь. Нам следует превращать часы в минуты. Нам следует вывернуть дни наизнанку и посмотреть, что там — на их левой стороне!

Ведь мы ныне — объективно существуем! Мы — настоящие!

Мы ныне — существуем! Мы — настоящие!

Мы ныне — существуем! Мы — настоящие!

ЛОЖНАЯ ТРЕВОГА

БЫЛО ПОЛОВИНА ШЕСТОГО ВЕЧЕРА, Иве поразило, что она не испытывала ни малейшего намёка на страх.

Сирены воздушной тревоги звучали резко и пронзительно. Она слышала их теперь со всех сторон. Но было половина шестого. И она читала сегодняшние газеты. Вряд ли это могли быть учения. Должно быть, это была ложная тревога. Технический сбой. Непредвиденный случай.

И всё-таки… Положив льняное полотенце на скамью, она подошла к окну: ничего необычного на улице. Автомобили с водителями, торопившимися на обед[105], бороздили мокрый асфальт. Несколько ребят гоняли футбольный мяч перед верёвками для сушки белья. Фру Хенриксен с тяжёлыми авоськами в руках прошла, покачиваясь, к подъезду. Там, внизу, она увидала также Кристин и Юна. Скоро они, вероятно, громко топая, войдут в коридор, стряхивая с ног грязь и песок.

Но сирены не унимались. Короткие пронзительные звуки пронизывали до мозга костей. И

---

[105] Примечания: 105
В скандинавских странах обедают после 17 часов.

неужто люди, выходившие там, внизу, из автобуса, совсем не испытывают беспокойства? Паники? Она услышала, как на лестнице шумят дети.

Секунды. Всё важное свершается в течение секунд.

Звонок в дверь. Она тотчас открывает. И дети врываются в квартиру.

— Что это так воет, мама?

Она слышит, как в воздухе раздаётся свист. Она снова подбегает к окну. И видит, как ядовитый гриб поднимается где-то вдалеке к небу.

— Это война! — кричит женщина.

Она увлекает за собой детей, хватает их за руки и устремляется в коридор.

Вниз по лестнице и бегом в бомбоубежище в подвале!

Проходит минута или две. Но вот уже все жильцы подъезда в сборе. «А Енс? — думает она. — Неужто он в автомобиле по дороге домой? Или он ещё в конторе?»

У одного из соседей радио с собой: «…Повторяем! Началась атомная война между НАТО и странами Варшавского договора. Все должны немедленно укрыться в бомбоубежище. Несколько минут

назад Кольсос[106] был поражён атомной ракетой. Многие тысячи наших соотечественников были мгновенно убиты. Врачи, медицинские сёстры и члены Организации защиты мирного населения во время войны, слушайте радиосообщения. Военнообязанные, также следите за объявлениями… Через несколько минут с речью выступит премьер-министр…»

Она обнимает детей и плачет.

Это пришло! Этих секунд она боялась. И они снились ей много-много раз. Тогда она с криком просыпалась по ночам.

Теперь это был не сон. Теперь это был вовсе не кошмарный сон. Теперь это наступило.

Её жизнь! Что она значила теперь? Теперь жизнь её была сном — а это… это было явью.

Она оказалась в этой жизни, оказалась в своём времени. Все вокруг неё плакали. Женщины и дети на бетонном полу. Мужчины тоже. Вахтёр со второго этажа. Он тоже рыдал, сидя в углу.

Секунды!

Они слышат ужасающий грохот. Голубоватый свет наполняет убежище. Потом набегает волна тропической жары. Кажется, будто глаза вот-вот

---

[106] Примечания: 106
Гряда Угольных гор *(норв.)*.

расплавятся. Кто сейчас на улице?

Она молится Богу. Во всяком случае, впервые за пятнадцать лет.

— Господи! — молит она. — Пусть это будет сном! Я не поступала так, как до́лжно было поступать! Преврати это в сон, дорогой Господь! Только ты можешь это сделать! Дай мне шанс помешать этому!

И вот она просыпается. И вот её мольба услышана. И вот ей даётся шанс.

На этот раз она не кричала. Рядом с ней в кровати пусто. Но вскоре в комнату входит Енс и гладит её по волосам.

— Ты проснулась, дорогая? Я уже ухожу. Вернусь в половине шестого, как обычно!

ЭЛЕКТРОННЫЕ ЧАСЫ

Наконец-то и я купил себе электронные часы с таймером, минутами, секундами и десятыми долями секунд. С указанием числа, месяца и дня недели. Они же — с будильником, паркометром[107], секундомером, часы наигрывают две мелодии: «К Элизе» и «Love story»[108].12-часовой или 24-часовой формат отображения времени. И ночное освещение. Всего двенадцать функций.

За всё это я заплатил 98 крон[109]. Я, разумеется, сделал выгодную покупку. Цена абсолютно бросовая. И всё-таки я начал сомневаться. Я чувствую себя обманутым.

Моя жизнь теперь не та, что прежде. Одно лишь слово «электронные», оно холодно, как сталь.

Всё было иначе, когда часы шли всё кругом и кругом по стрелке. Ни начала, ни конца. Жизнь кружилась, словно вечная карусель. Но вот цифер-

---

[107] Примечания: 107
Здесь: измеритель времени при парковке автомобиля.

[108] Примечания: 108
Мелодия Франсиса Лея из кинофильма «История любви».

[109] Примечания: 109
98 норвежских крон — примерно 11 долларов.

блат стал показывать точную дату, потом дни недели… Но по-прежнему царила гармония цикла. Мне надо было ежедневно заводить часы.

Ныне я ношу всю оставшуюся мне жизнь вокруг запястья. Все секунды и десятые доли секунд запрограммированы. Электронным часам известны даже дни високосного года. (Это запрограммировано аж до 2050 года. Тогда мне исполнится 98 лет.)

С электронными часами вокруг запястья я слишком часто сижу и наблюдаю за временем, за одной секундой, которая неумолимо и плавно переходит в другую.

Я вижу пред собой движущуюся точку, не оставляющую ни малейшей линии. Я вижу перед собой птичку, что бьёт и бьёт крылышками, не оставляя ни малейшего следа в своём полёте над горизонтом. Я становлюсь воспоминанием об элеатическом[110] парадоксе: линия есть абстракция. В действительности же она есть сумма бесконечного количества точек. Так всё и со временем. Так, разумеется, и со всем на све-

---

[110] Примечания: 110

Элеаты — представители древнегреческой философской школы (V в. до н. э.), утверждавшие, что истинное бытие является лишённым различий и неизменным, а всё видимое изменчивое многообразие — неистинно.

те, думаю я. Нет ни единой чёрточки, которая продолжается.

Я — свидетель неотвратимого процесса. Время никогда не становится тем же, каким было вчера. Никогда больше уже не будет 22 часа 15 минут 36 секунд — суббота, 8 февраля 1985 года (в Токио 06 часов 15 минут 36 секунд, воскресенье, 9 февраля 1985 года).

Цикл прерван, нарушен. Время повтора прошло.

Я сижу, глядя на своё запястье. Оно словно муравейник. Только сама кочка — энергично неподвижна, всё остальное — так и кишит. Часы и минуты, может статься, достаточно надёжны. Но секунды и десятые доли секунд заставляют меня думать об атомах и молекулах.

Сколько секунд остаётся мне жить?

Сколько десятых долей секунд?

Часы были у меня и раньше. Но эти часы крадут время. Совершенно откровенно, прямо у меня на глазах. И никто при этом не вмешивается…

Электронные часы постоянно напоминают о том, что всё на свете течёт и меняется. Горная цепь — это брызги водопада. Галактика — трепещущий язык пламени. Душа мира изменчива, будто лёгкое облачко дыма. Вопрос заключается

лишь в том, насколько точен инструмент.

Я не привыкаю к тебе, спутник, обвивающий моё запястье. Твоя правда — жестока. Ты извергаешь свои секунды, словно пули из ручного пулемёта. Арсеналов же у тебя достаточно, чтобы терять время. Однако ничего легкомысленного в этом нет.

Числа твои — числа мёртвых. Удары твоего сердца — холодны, будто коса смерти.

КОГДА С ВИЗИТОМ ПРИШЁЛ ПИСАТЕЛЬ

В МАЛЕНЬКОМ ГОРОДКЕ Дорт жили некогда несколько героев романа, и каждый из них играл свою небольшую роль в грандиозно задуманном произведении. От одной страницы к другой говорили и делали то, что требовалось от них, не размышляя: они были всего-навсего персонажами романа. В середине повествования собрались они на праздник летнего солнцестояния. Они сидели кружком вокруг большого костра у моря, солнце как раз село, а мелкие волны заливали берег.

Персонажи романа поднимали тосты, и пели, и развлекались точь-в-точь, как представлял себе это писатель. Они пили белое вино, ели креветки — и наслаждались жизнью.

С самого начала было задумано, что сцена вокруг костра должна растянуться на несколько страниц. Мысль автора заключалась в том, что сцена эта должна была стать фоном для незначительного происшествия, случившегося с несколькими героями. Но дело приняло совсем другой оборот по сравнению с тем, что изначаль-

но задумал писатель.

Ведь он не всегда является властителем того мира, который представляют его герои. Мало-помалу этот мир начинает существовать сам по себе. В нашем случае как раз один из персонажей оказался тем, кто неожиданно взял слово сразу же после захода солнца. А сказанное им было столь неожиданным и для писателя, и для других героев книги, что это приобрело решающее значение для развития сюжета.

С САМОЙ СЕРЕДИНЫ страницы 133-й романа его персонажи собрались вокруг костра.

Солнце садится на самом верху страницы 135-й. А праздник достигает своего апогея в самом низу той же страницы.

Как раз в тот миг, когда мы перелистываем книгу со страницы 135-й на страницу 136-ю, один из героев поднимается и начинает демонстративно прогуливаться вокруг потрескивающего костра.

Выражение его лица — крайне беспокойное. А вид при свете огня — по-настоящему неприятный. Громкоголосые беседы умолкают. Всё внимание направлено на него. Но он не произносит ни слова. Он только продолжает ходить вокруг костра — всё кругом и кругом, — по-видимому, совершенно не стесняясь устремлённых на

него взглядов.

Когда после этого на несколько минут воцаряется гнетущая тишина, он внезапно останавливается, подпрыгивает и почти с пророческим достоинством начинаем говорить. Медленно и тихо, будто подчёркивая слова, он произносит:

— Знаете… у меня такое ощущение… Я не в силах освободиться от него. У меня такое чувство, будто я — герой романа. Это прочно сидит во мне. Я… я ощущаю нечто бессознательное в моих собственных поступках…

Взгляды других персонажей выражают серьёзность, смешанную с удивлением. В странном поведении персонажа появилось нечто парализующее.

Герой романа продолжает ходить вокруг костра. Затем он внезапно останавливается, потирает руки и восклицает:

— Мы — фантазия!

Он выкрикивает это в ночь. Тело его дрожит от возбуждения. Его голова нервно трясётся.

— Повторяю, мы — персонажи романа! Всё, что мы говорим и делаем, разыгрывается в сознании писателя. Мы только не в состоянии видеть его. Это он видит нас…

Он снова начинает ходить вокруг костра. Не-

сколько минут царит тишина — все затаили дыхание. Затем он останавливается и ворошит поленья в костре обугленной веткой.

— Я разоблачил его игру! — восклицает он. — Вы слышите?

И продолжает свою речь чётко, но в сдержанном тоне:

— Мы — не сами по себе. Мы только внушаем себе это. И более того: даже не мы внушаем, будто мы — сами по себе.

Небольшое общество всё обращается в слух…

— Когда мы болтаем друг с другом — как теперь, — это писатель разговаривает сам с собой. А когда мы видим друг друга — как в этот миг, — это писатель смотрит на нас своим внутренним взором. Он остаётся где-то на расстоянии и прядёт нить своих мыслей. Именно из этих мыслей, дорогие коллега, и соткана наша действительность.

Тут тесный кружок персонажей романа начинает шевелиться. Но ещё ни один из них не осмеливается взять слово.

— Вам понятно, о чём я говорю? Вам ясно, сколь глубоко наше убожество? Даже то, что я ныне разоблачил нашего писателя — а мы тем самым получили своего рода представление о нём, — это тоже лишь нечто, внушаемое им, потому как мы

лишены сознания. Мы *сами* — сознание. Независимо от того, что мы говорим и делаем, это всё — его слова и его дела! Мы — фантазия. Мы ведь даже не знаем, что мы — выдумка!

Он наговорил ещё много чего. Свыше часа стоял он у костра, излагая другим героям романа свои дерзкие размышления.

Вопреки крайне рискованному содержанию речей, его слова были приняты всерьёз. Частично это объясняется тем, что он и раньше пользовался известным уважением (он был главным героем романа), а частично — той трепетной серьёзностью, которую он вкладывал в свои утверждения.

Когда он наконец закончил, всё общество словно застыло в тяжёлом молчании, прежде чем мало-помалу вновь пригубить бокалы. А потом слово стали брать один за другим. Вскоре разразилась бурная дискуссия. Она шла со страницы 159-й романа Его персонажи быстро разделились на две партии: на тех, кто верил в писателя, и тех, кто в него не верил.

До самого светлого утра они, сидя у костра, дискутировали вплоть до страницы 247-й романа — и целых восемь месяцев жизни писателя. Желание вникнуть в детали этой дискуссии завело

бы нас слишком далеко. Ведь мы лишь хотели вкратце рассказать о том, что происходило в некоем мире.

ПЕРСОНАЖИ РОМАНА были совершенно обычными людьми, которые жили в совершенно обычном городе. Но они в то же время являлись — героями романа.

Маленький городок стоял недалеко от берега, где они праздновали день летнего солнцестояния. Здесь находился небольшой винный погребок, где они часто встречались по вечерам и пили вино. В течение всей осени они то и дело спорили, существует ли этот писатель. Почти каждый раз, собираясь в винном погребке, они только об этом и рассуждали.

Но их дискуссии обычно заходили в тупик. Те, кто не верил в писателя, презирали тех, кто верил в него. Одни утверждали, что лишь мир, в котором они жили, реален и что сам писатель — продукт фантазии. Персонажи, которые верили в него, со своей стороны повторяли, что продукт фантазии — как раз тот мир, в котором жили они, а что мир писателя и являлся как раз реальным. Не верящие же подчёркивали: писатель был чем-то, что верующие просто внушили себе, меж тем как сами верующие продолжали утверждать,

будто писатель внушил себе: они существуют. Трудно представить себе, что можно разойтись во мнениях больше, чем герои романа. Но ни одна из сторон не могла доказать, что другая ошибалась. Только те, кто читал роман, могут быть уверены в правоте тех или иных. Правда заключалась в том, что они лопались от гордости и восторга именно поэтому. Но им тоже следовало бы поразмыслить кое о чём, прежде чем они надумают снова закрыть книгу.

ТАК ПРОШЛА зима. После того как персонажи романа в течение года обсуждали, существует ли писатель, те из них, кто в это верил, единодушно решили пригласить его на следующий праздник летнего солнцестояния.

Однажды в начале июня взошли они на высокую площадку за городом и, подняв головы в небо, воскликнули:

— Дорогой писатель, ты, что есть сама Действительность, из глубины своей души мы призываем тебя: предстань пред нами на нашем нынешнем празднике! Вступи в нашу историю вместе со своими творениями и будь с нами в эту единственную ночь. Ты видишь нас, и ты слышишь нас. Мы ждём знака от тебя.

В ответ на эту причуду не верящие в существо-

вание писателя разразились презрительным хохотом.

— Вы удваиваете действительность, — сказали они.

Но мольбы их не были услышаны никем другим, кроме них самих.

— Зачем нам удваивать действительность, если она и так двойственная, — возражали верящие. — Это вы упрощаете её.

По мере того как время близилось ко дню летнего солнцестояния, те, кто не верил, всё равно участвовали в подготовках к празднику — и к тому, что писатель явится к ним с визитом. Ожидание откровения, вероятно, независимо ни от чего, будет способствовать тому, чтобы придать остроту празднику.

РОВНО ЧЕРЕЗ ГОД после того, как один из персонажей романа оповестил, что чувствует себя его героем, все они вновь собрались вокруг костра в означенный день. Об этом шла речь со страницы 376-й романа. А произошло на двадцать шестом году жизни писателя.

Всё было устроено, как год назад: креветки, крабы, омары, белое вино, большой костёр. Герои романа сидят в ожидании автора. Несмотря на то что больше половины собрания не верит ни

в какого писателя, с самого начала праздника — настроение приподнятое. Герои романа сидят и смотрят в огонь, они серьёзны, словно перед началом спиритического сеанса.

Однако часы идут. На странице 393-й солнце садится, а ничего, что бросилось бы в глаза, не происходит. И напряжение немного спадает. Кое-кто принимается за еду, некоторые выпивают глоток белого вина, а иные герои шепчутся о чём-то с сидящими рядом.

— Вот видите, — говорили те, кто не верил в писателя, — он не приходит. А причина совсем проста: его не существует. И сколько бы тот, кто не существует, ни напрягался и каким бы мудрым и добрым вышеупомянутый ни был, явиться на праздник он так или иначе не может.

Так смеялись они и забавлялись за счёт верящих. И даже если верящие были в это время уже слегла разочарованы, у них на эти слова был один ответ:

— Писатель, должно быть, существует. Не существует нас.

ЧАСЫ ШЛИ. Вскоре вечер стал походить на совершенно обычный праздник летнего солнцестояния, причём не без помощи тех, кто не верил в существование писателя. Персонажи романа

кричали и пили. Некоторые бродили, пошатываясь, вокруг. Стемнело, и костёр больше не горел уже так весело, как прежде.

Внезапно случается так, что один из них замечает некую фигуру у края воды. Это — незнакомец, молодой человек, который шагает вдоль берега.

Он останавливается вдалеке от костра и испуганно смотрит на них. Он не осмеливается сразу подняться к ним наверх, на береговой откос, он долго стоит, разглядывая их издалека и разрывая меж тем ногами песок.

Через некоторое время один из верящих встаёт и говорит:

— А ты не поднимешься наверх — погреться?

Он нерешительно и торжественно уступает.

Медленно входит он в общество героев романа. Там он останавливается перед костром, оборачивается и смотрит на каждого из них.

Это довольно невзрачная фигура с бледным и встревоженным лицом. Он выглядит довольно неприятно при свете угасающего костра.

Он не произнёс ещё ни одного слова. Но вот один из персонажей разражается мучительно прямым вопросом:

— Ты и есть писатель?

Ясно, что человек этот чувствует себя не в своей

тарелке. А вдобавок он видит ещё направленные на него жалящие взгляды героев романа.

Полминуты проходит, пока он отвечает:

— Я — тень писателя.

Он говорит это приглушённо, но чётко. А потом добавляет:

— Вы хотите видеть меня. Смотрите — вот я стою среди вас. То, что вы видите, — мой портрет. Но вы сами — портреты… Воистину странно лицезреть вас в такой близи!

ВОТ ТАК СОЗДАТЕЛЬ явился пред своими творениями. Те, кто не верил в него, само собой разумеется, отказывались признать, что тот, кто предстал перед ними, — молодой человек, писатель — приглашён верящими. Кроме того — а это бросалось в глаза, — он держался словно истинный творец.

— Как узнать, что это ты — писатель? — спросил один из них.

— А ты вообще ничего не можешь знать. У тебя нет никакого ясного представления о чём-либо. Ты сам — предмет познания. И там, где я сижу за своим письменным столом, там, где я опираюсь на спинку стула и внимательно подбираю слова, там я едва удерживаюсь от смеха и лишь улыбаюсь тому, что заставил тебя сомневаться:

существует ли писатель.

Любопытный персонаж романа тут же отскочил на пару шагов — назад.

— Но ведь я это и говорил, — подал реплику тот, кто в прошлом году удивил всё общество своими пророческими речами. — Это нас не существует!

И он с явной гордостью посмотрел на мастера. Но тот отверг его намёк:

— Разумеется, вы существуете! Через несколько месяцев книга о вас будет находиться в сотнях экземпляров там, в Реальности. В автобусах, трамваях и поездах будут сидеть люди, читая о вас. Вы и в самом деле думаете, что понапрасну тратите время на нечто, чего нет на свете?

Персонажи романа оглядываются по сторонам. Словно они видят свой собственный маленький мир в более сложной взаимосвязи.

— Это я сочиняю вас, — продолжает писатель. — Но что такое сочинительство? Сочинять — это значит завоёвывать всё существующее, прежде чем оно завоёвано. Но теперь, когда вы завоёваны в моей фантазии, вы — вполне реальны. А вы сами нечто подобное не переживаете?

Вокруг костра раздаётся шёпот. Переживают ли они свою реальность? Многие из персонажей утвердительно кивают.

— Я думаю, — бормочет один из них, — стало быть, я…

— Во мне бурлят мысли, — бормочет второй, — стало быть, я другой…

— Мы — в родстве! — всплескивая руками, восклицает писатель. — Мы из одной стаи! Я сам — творение!.. И живу в гораздо более глупом мире, чем вы. Через несколько лет меня не станет. Но вы меня переживёте.

Он делает небольшую паузу, снова оглядывается по сторонам и добавляет:

— Я — на редкость невзрачное устройство, дорогие мои герои романа! Поэтому я обращаюсь к вам. Однажды меня не станет. Но вы будете жить. Не верь я в это, я бы вообще не тратил свой краткий час на земле, чтобы писать о вас. Для вашей жизни в этом романе вы одолжили мою душу. Но я одалживаю вам эту душу — сам. *Она больше не моя, она — ваша. И в основе своей мы в большей степени и есть эта душа, по сравнению с той, которой располагаем.*

НИКОГДА ПОЗЖЕ не было разговоров о том, что произошло. Никто не осмеливался поднять вопрос о писателе. А жизнь в городке Дорт продолжалась, как и раньше.

SECOND HAND

Я купил подержанный автомобиль, рискнул. Разумеется, всё может случиться, я отдаю себе в этом отчёт. Но тот, кто ни на что не отваживается, ничего и не выигрывает. В общем всё — о'кей.

Правда кое-какие шумы, кое-какие неисправности я уже заметил. Однако я не успел выяснить, что это такое, и я даже не рискую поставить машину на капитальный ремонт, это было бы всё равно что сдать её. А если я стану взирать на неё своим рентгеновским оком, я наверняка утрачу мужество. Тогда уж лучше жить в неведении. А если там трубы ржавые, то пусть ржавчина и остаётся. Об этом я всё равно в своё время узнаю. А если машина остановится, её надо только отбуксировать. Я буду рад, сколько на ней ни проезжу.

Мне кажется, мы так подходим друг к другу. Мы каким-то образом — ровесники. Я в свои тридцать лет тоже чуточку изношен — и не всегда разумен и предусмотрителен. Не то чтобы я был болен, вовсе не это я имею в виду. Насколько мне известно, организм мой функционирует, как

должно. Хотя кое-какие шумы, кое-какие отклонения от нормы могут со временем кончиться шоком. «Вот оно снова! — думаю я. — Чёрт побери! Может быть, следовало бы посетить врача! Но я не отваживаюсь и на это. А не то и он, найдя у меня лишь кое-какие недомогания, положит меня на капитальный ремонт. Тогда уж лучше жить сегодняшним днём».

Нам — автомобилю и мне — к нашему преклонному возрасту добавилось ещё несколько лет. Но мы всё ещё коптим небо в этом мире. Один день — мы в Осло, на следующий — в Бергене. А летом мы были в Италии.

Так мы и делим наше время, фактически не зная всего друг о друге. Если же нам придётся расстаться, что ж, иного ждать нечего. Когда пробьёт час, всё будет зависеть от случайностей.

МЕСТО ВСТРЕЧИ — ЭНГЕЛЬСБОРГ[111]

[111] Примечания: 111

Энгельсборг — замок Ангела — современный перевод на норвежский язык итальянского Castel Sant' Angelo — тюремный замок Святого Ангела в Риме, где происходят основные события оперы итальянского композитора Джакомо Пуччини (1858–1924) «Тóска» (1899). Место ключевого действия и трагической новеллы Гордера.

АКТ ПЕРВЫЙ

ЭТО ОНА ПЕРВОЙ посмотрела в сторону.

Однажды вечером, когда они сидели в кафе, он впервые заметил, что она бросила беглый взгляд в кишащее людьми помещение.

Он попытался ещё ближе прижать её к себе. Весь день он обнимал её.

Чем больше он прижимал её к себе, тем сильнее чувствовал, что её сопротивление растёт.

В конце концов она потребовала, чтобы её предоставили самой себе. В полдень, походить по городу. На вечер.

— Нам вовсе незачем видеться каждый день.

— Но, Ине…

— Ты стал так назойлив в последнее время.

— Это ты стала смотреть по сторонам.

— Потому что ты преследуешь меня. Преследуешь взглядом, всем своим существом.

Страх потерять её всецело обуревает его.

Она для него — всё. Он боится утратить всё.

ОНА ЗАМЕЧАЕТ ЕГО СТРАХ. Она больше не видит в нём то, во что была так влюблена. Она видит лишь его неуверенность. Её стараниями

свидания становятся всё реже.

— Когда мы не вдвоём, Ине… ты встречаешься с другими?

— Странный вопрос.

— И странный ответ.

— Помнишь Орфея и Евридику. Он теряет жену, потому что слишком сильно любит её. Он теряет её, потому что оборачивается к ней…

— Трагическая история…

— Но в ней своя логика, Мортен! Разве тебе это непонятно?

— Я слишком сильно люблю тебя?

Она в порыве негодования восклицает:

— Сам ответь на свой вопрос! Но не можем же мы целые сутки лежать и любиться!

— Любиться, Ине? Ты называешь это — любиться?

— Теперь ты жалок!

ПРОХОДИТ НЕСКОЛЬКО недель. Они видятся всё реже. А когда встречаются, она не всегда хочет заниматься с ним любовью.

Он тянется к ней. Она отскакивает…

Он тоскует…

Но вот наступает разрыв.

— Думаю, нам надо расстаться, Мортен… Хотя бы на время…

— Ине, Ине!

Он хочет обнять её. Она ускользает в сторону.

— Я был прав тогда. Ты не любила меня.

— Ты *оказался* прав…

— Ты забыла нашу первую неделю вместе? Ты помнишь «Тóску»?

— Мы можем поговорить об этом через месяц… Ладно, Мортен?

— Это *ты* ставишь условия… Попроси ты меня ждать два года, я бы это сделал. Я верю в нас.

— Не понимаю, почему ты так твёрдо уверен.

— А разве это не ты так твёрдо уверена?

Неужели она заколебалась? Что-то появилось в её лице.

— Ты останешься на ночь?

— Не знаю…

— Мы можем сказать, что в последний раз будем вместе…

ОН ХОДИЛ ПО ГОРОДУ и тосковал о ней. Он боролся за жизнь.

Он писал ей. Она разрешила ему это. Но она не отвечала. Каждый день она не отвечала. И не звонила тоже весь день. И не стучалась к нему в дверь. Не стучалась к нему в дверь каждый вечер.

Он сочинил ей стихотворение:

…пленённых сказкой
нас было двое, чтоб вторгаться в тайну,
заточённых внутри гобелена
нас было двое, чтобы ткать,
спрятанных от всего,
говорящих на языке, понятном лишь тебе и мне

Несмотря на все её поступки, он занимал её мысли.

Он впитался в её мозг.

Она работала над собой. Потом она встретила другого. Старого друга Мортена. Забавная случайность.

Она почувствовала себя во власти рока. Сейчас ей нужно было расстаться с Мортеном. Хотя бы на время…

Ине отдыхала в равнодушной игре с другим.

ПРОХОДИТ МЕСЯЦ. И вот они встречаются в кафе.

— Я написал тебе длинное письмо. Разве мы не будем переписываться?

— Но это в самом деле конец, Мортен. Я буду охотно встречаться с тобой как с другом, но…

— Но?

— …я — с другим. Я — с Магнусом.

Он смотрит на неё. Он смиряется. Он чувствует, его время прошло. Он встаёт. Он нежно кладёт руку на её плечо и уходит.

— Мортен! Подожди, Мортен. Я ещё не всё сказала.

ОН ВЫПУСТИЛ её из рук. Теперь он больше не обнимает её. Она свободна.

Теперь она понимает, что любит его.

Она встаёт и бежит за ним. Но Мортен ушёл. Она идёт к нему домой. Но Мортена там нет.

АКТ ВТОРОЙ

ОН ЗАГИПНОТИЗИРОВАН. Он околдован. Ею, Ине. Она — центр Вселенной. На свете существует всего лишь одна женщина.

— Ине, Ине!

Мир так же прекрасен, как прежде. Цвета, звуки и запахи, которые она открыла ему. Он впитывает всё это.

Он любил, он любил Ине!

Он идёт по городу. Ему кажется, он видит, как её спина мелькает в толпе. Он видит её на велосипеде.

Он видит издали, как она выходит из трамвая. Но это — не Ине. Он видит Ине повсюду. Но Ине повсюду нет.

Он печален, но не несчастен. Ему повезло. Он побывал в сказке. Он был любовником Ине. Многие ли могут сказать о себе то же самое?

Теперь сказке конец. Мортен решается умереть. Это произойдёт в Риме. Там, где всё началось. Там, где началась Европа. Там, где Ине и Мортен встретили друг друга Она стремительно ворвалась в его жизнь. Ворвалась в церковь Святого Андрея в Риме. В жёлтом платье. Такая быстрая,

такая прекрасная…

Она явилась со «Звёздных путей»[112]. Он — из города Хьереборга.

ОН ИДЁТ в банк и снимает со счёта стипендию — 16 тысяч крон. Он покупает 200 тысяч лир. Остаток он обменяет в Риме. На эти деньги он получит больше валюты там. На много дней жизни.

Мортен ничего не делает слишком поспешно. Сначала у него будет время для самого себя. Он проживёт в Риме, пока не кончатся деньги…

Он идёт в гостиницу, принадлежащую SAS, и покупает авиабилеты. Самолёт SK 457 из Форнебу в Копенгаген утром в 10.20, из Копенгагена в 13.40 самолёт AZ 396.

Он называет чужое имя. Теперь его зовут Мариус Инестад.

Он идёт домой за паспортом. Несколько рубашек и немного нижнего белья он уже упаковал в сумку. Не так много ему и нужно.

Сентябрь. Но в Риме теперь лето.

На всю ночь он уходит из дома. Сначала он пишет письмо. Потом прощается…

ИНЕ ПЛАЧЕТ.

---

[112] Примечания: 112
Туристическая компания с отделениями в Норвегии, Дании, Швеции.

Ине звонит Мортену всю ночь. Ине стучится в его дверь ранним утром следующего дня.

И она идёт домой. Открывает почтовый ящик. Сердце её прыгает от радости при виде его письма.

Она чувствует такое облегчение. Она так счастлива и возбуждена. Письмо от Мортена!

«Дорогая, единственная Ине! Я так бесконечно благодарен тебе. Не твоя вина, что у нас всё кончилось. И думаю — не моя тоже. Всё должно было произойти так, как и произошло. Всё правда: я слишком сильно люблю тебя.

Когда ты будешь читать эти строки, я исчезну. Исчезну совсем, Ине. Ты должна попытаться это понять. С сегодняшнего дня меня больше нет. И поэтому я навсегда останусь твоим.

Я пережил так бесконечно много с тобой, нежели за все 25 лет до того, как мы встретились. Обратного пути к тому, каким я был прежде, нет! Ты можешь это понять?

Не думай, что я зол на тебя, Ине. Всё, что я испытываю, это благодарность. Это рокочет волна, которую бурным потоком прибивает к берегу.

Живи, Ине! Тогда я и сам буду жить. Меня в тебе больше, чем во мне самом.

P. S. Сожги письмо. И не вздумай затевать ка-

кое-либо расследование. Заверяю тебя, что, когда ты будешь читать эти строки, я уже исчезну. Совершенно исчезну, Ине, поверь мне. Моё тело не найдут. Я — как животное: спрячусь, когда буду знать, что это — конец.

Прими мои слова как последний привет. Нежные и откровенные слова прощания!»

ОНА ТЕРЯЕТ САМООБЛАДАНИЕ. Она врывается в квартиру, бросается на диван…

— Мортен, Мортен!

Она верит каждому слову письма. Она знает Мортена. Она любит его. Она цепенеет от страха.

— Недоразумение, — бормочет она. — Это было недоразумение…

В этот миг самолёт его приземляется в Копенгагене. В паспорт его никто не заглядывает. Мортен лишь помахал рукой, пробегая мимо.

Никто не знает, где Мортен. Никто не знает, жив ли он. Так легко было скрыться, чтобы никто не мог установить твою двадцатипятилетнюю личность. Так легко оказалось стать никем!

Мариус Инестад сидит в ожидании в транзитном зале аэропорта Каструп[113]. Он идёт к выходу 26, протягивает посадочный талон брюнетке-

---

[113] Примечания: 113
Аэропорт в Копенгагене.

итальянке.

Стюардесса предоставляет ему на выбор итальянскую газету. Grazie![114]

Вскоре он уже в Риме, может, ему выбросить паспорт…

ОНА УЖЕ НЕ лежит на диване и не плачет. Она берёт с собой письмо и идёт к другому.

Сначала она рассказывает Магнусу о своих отношениях с Мортеном. Они флиртовали… Теперь флирт кончился. Но ей очень хочется сохранить его как друга.

— Думаешь, он это сделал, Магнус?

— Во всяком случае, ничего невозможного в этом нет.

— Мы должны заявить о его исчезновении.

— Семьи у него нет.

— Нет?

— Ещё спрашиваешь! Родители умерли несколько лет тому назад. Он был единственным ребёнком…

— Был?

И они едут в полицию. Предъявляют письмо. Рассказывают то, что знают о Мортене Досванне…

---

[114] Примечания: 114
Спасибо! *(итал.).*

ИНЕ ДАЖЕ НЕ приходит в голову, что он находится на высоте 36 000 футов[115] над горами. Скорее, она видит его где-то в Нурмарке[116]. На дне тихого лесного озерца…

Однако Мортен уже высоко над Альпами. Он сидит некоторое время, глядя на запасной выход в самолёте. EXIT. EXIT. Он много сотен раз повторил про себя это слово. Словно оно было таинственным заклинанием.

Здесь в самолёте сидел человек, который был по дороге на выход. На выход из Норвегии, на выход из жизни Ине, на выход изо всей этой истории.

Но вот начинается крутой спуск над Паданской равниной[117]. В Милане будет пересадка.

ЭТО ПРЕВРАТИЛОСЬ в какую-то игру, в некую роль в спектакле. Понимаешь, Магнус? Думаю, мы с Мартеном испытываем почти неземную любовь друг к другу…

— Не трудно было заметить, что это — нечто особое, нет, не трудно.

---

[115] Примечания: 115

Фут = 0,3137 м *(англ.)*.

[116] Примечания: 116

Пригород Осло.

[117] Примечания: 117

Равнина на севере Италии в дельте реки По. На ней расположены города Милан и Турин.

— Если бы было наоборот, если бы он первым посмотрел в сторону, хотя бы только на одну секунду, я бы прореагировала так же, как и он. Я попыталась бы заставить его вернуться.

— Да! Ты не думаешь, что можно испытывать муки любви?

— Нам необходим воздух…

— Стало быть, он был — огонь, а я — воздух?

— Пожалуй, можно сказать и так. Надеюсь, ты понимаешь…

— Я понимаю…

— Чистая случайность, что именно я первой посмотрела в другую сторону. И я понимаю его отчаяние. Нам было так фантастически хорошо вместе.

— Ты, во всяком случае, не должна упрекать саму себя.

— Но я этого и не делаю. Это *должно было* кончиться так, как закончилось.

Однако Мортен Досванн — не мёртв. Третий раз за день он улетает из аэропорта.

Прямо внизу направо он видит Геную, сказочный белый город в глубине Генуэзской бухты. Затем он летит высоко над Тосканой, и, прежде чем спинки кресел возвращаются в вертикальное положение, ремни безопасности крепко при-

стёгиваются, а объявление VIETATO FUMARE[118] загорается вновь, начинается спуск к Фьюмичино[119].

Здесь никакого паспортного контроля нет. В Риме достаточно помахать красной книжечкой.

Мортен прибывает в аэропорт Фьюмичино как инкогнито, как никто.

ДОМА В НОРВЕГИИ Ине и Магнус ищут Мортена. Ине была знакома с Мортеном всего лишь полгода. Но она знает его лучше всякого другого. Магнус знал его с тех пор, как они ходили в гимназию. Ине с Магнусом едут на метро к Холменколлену[120], идут к Фрогнер-сетеру[121], потом к Трюванну[122], расспрашивают о Мортене на Копперхаугхютте[123]. Они следуют по излюбленным тропинкам Мортена. У каждого водоёма они

---

[118] Примечания: 118

Курить запрещено *(итал.)*.

[119] Примечания: 119

Сокращённое название одного из аэропортов Рима. Полное название «Леонардо да Винчи Фьюмичино» в честь великого итальянского живописца, скульптора, архитектора, учёного и инженера Леонардо да Винчи (1452–1519), родившегося во Фьюмичино.

[120] Примечания: 120

Круглая верхушка горы *(норв.)*. Холменколлен — самый высокий лыжный трамплин в Норвегии. Одна из достопримечательностей Осло. Место проведения лыжных соревнований, в частности, во время Олимпийских игр 1952 года.

[121] Примечания: 121

Фрогнер — часть города Осло. Высокогорное летнее пастбище, сетер *(норв.)*. Фрогнер-сетер находится вблизи от Фрошер-парка, основанного около 1048 г. и бывшего с конца XIII в. до 1380 г. резиденцией норвежских королей. Фрогнер-парк — одна из главнейших жемчужин Осло.

[122] Примечания: 122

Тихие воды *(норв.)*. Стадион, построенный коммуной Осло в 1935 г. Оттуда открывается великолепный вид на Осло и Осло-фьорд.

[123] Примечания: 123

Медеплавильный завод на Холме *(норв.)*.

останавливаются, долго и внимательно вглядываются в него.

— На самом деле это просто глупо. Я никогда не понимал столь пылких чувств…

— Ты веришь в судьбу, Магнус?

— Нет…

— Именно потому, что Эдип пытается избежать своей судьбы, она настигает его…

— Это — литература, Ине. Или древнее суеверие.

— Это происходит по недоразумению. Он думает, что убегает от своих родителей. А попадает прямо в их объятия.

— А когда правда всплывёт перед ним…

— …он выколет свои глаза. Это логично. Он, по существу, всё это время был слеп.

— Ты сдаёшься? Ты в самом деле думаешь, что он…

— Я чувствую, что он исчез. Я никогда не увижу его вновь. Слышишь? Его *здесь* больше нет…

МОРТЕН ИДЁТ к выходу в аэропорту Фьюмичино. Он покупает билет на автобус за 1000 лир. А потом снова становится в шеренгу с изнурёнными коммерсантами.

Он проезжает мимо группы сюрреалистических конгресс-отелей по левую руку и нескольких

мусорных куч по правую на спуске к Тибру. Затем он видит перед собой Колизей. Автобус останавливается у вокзала Термини. Он берёт такси до площади Навона за 4 500 лир.

Время семь часов. Начинает смеркаться. Он идёт к фонтану четырёх рек Бернини перед церковью Святой Агнессы. Агнец и четыре реки!

Здесь это и началось. В цирке Домициана[124]. Первый вечер Мортена и Ине. Они слились тогда в единое двуполое существо.

Вымокшие и замёрзшие, поднимаются Ине и Магнус из метро у Национального театра[125]. Они берут такси к полицейскому управлению.

— К сожалению… Но ещё не все патрули оповещены. Сообщение послано во все полицейские участки.

— Что-нибудь узнали…

— Сведений о том, что он уехал, нет.

Она качает головой. Качает утвердительно. Мортен — не тот, кто уедет от чего бы то ни было. Он всегда идёт до конца.

Ине и Магнус расходятся по домам. Ине выпива-

---

[124] Примечания: 124

Домициан (5-96) — римский император из династии Флавиев (с 81 г.).

[125] Примечания: 125

В центре Осло, почти напротив Королевского дворца.

ет бутылку итальянского вина. И плачет, плачет.

ОН ДОЛГО БРОДИТ по площади Навона. Он не понимает, как это может быть: он — в Риме, а она — нет. Ему кажется, он видит Ине повсюду. Он идёт к Пантеону. Перед храмом всех богов туристы так и кишат.

Он знает, куда ему идти: из аэропорта Каструп в Копенгагене он позвонил в отель «Адриано» в Риме и заказал на неделю отдельный номер. Четыре тысячи лир за ночь.

«Адриано». Их первая ночь вместе в Риме. Турист из Хьереборга наносит визит туристке из «Звёздных путей» в её номере. После 23-х часов. На всю ночь. На целую неделю.

Сладкие поцелуи. Бурные объятия. Однажды отель стал кардинальским дворцом. Сладкий грех!

И это в вульгарном номере гостиницы! Кровать и комод. Полтора полотенца на каждого. Три квадратных метра пола, между кроватью, комодом и маленькой ванной.

Ну не загадка ли это? Неужели нечто столь банальное может превратиться в сказку с таким множеством нюансов. Тысяча мелких главок…

Ведь это был номер Ине!..

Они больше времени проводили в маленьком

номере, нежели за его стенами в Городе мира. Там можно было познать гораздо больше. Потом они идут в оперу. Для Мортена это нечто совсем новое.

«Тóска». Как уверяет Марио[126], его всё равно не казнят. Это будет одна лишь видимость. Это — казнь, но для вида. Холостой выстрел. Марио должен будет притвориться, будто умирает…

Они ставят его к стене тюремного замка.

Com'e bello il mio Mario![127]

И вот они стреляют, и Марио падает…

La! Muori! Ecco un artista![128]

Они накрывают его плащом, и Тóска следует за ними на расстоянии. Она радуется…

O, Mario, non ti mouvere…[129]

Солдаты удаляются…

---

[126] Примечания: 126

Марио Каварадосси — герой оперы Пуччини «Тóска», возлюбленный Тóски.

[127] Примечания: 127

О, как красив мой Марио! *(итал.)* // Джакомо Пуччини. Тóска. Либретто Л. Иллика, Дж. Джакозо. По одноимённой драме В. Сарду. Перевод с итал. А. М. Машистова. М.: Государственное музыкальное издательство, 1959.

[128] Примечания: 128

Так! Падай! Сыграл отлично! *(итал.)*.

[129] Примечания: 129

О, Марио, вот так, лежи, не двигайся… *(итал.)*.

Ancora non ti mouvere…[130]

Но вот солдаты уходят, и Тóска подбегает к своему возлюбленному:

Presto!Su, Mario! Andiamo! Andiamo! Su![131]

Но Марио не поднимается. Скарпиа[132] обманул её. Она опускается рядом с Марио на колени, тормошит его. С удивлением видит, что руки её в крови…

Mario! Mario!

Она срывает плащ, которым он прикрыт;

Morto! Morto![133]

Она падает на тело Марио.

O Mario! Morto? Tu… Cost? Finite cost? Cost![134]

Мелодраматично! Но правдиво, Мортен, правдиво. Жизнь и есть мелодрама. Мы вовлечены в сказку. Мы — живём, Мортен! Ты думал об этом?

---

[130] Примечания: 130

Постой, ещё не двигайся! *(итал.).*

[131] Примечания: 131

Ну вставай! Марио, Марио! Вставай же! Идём! *(итал.).*

[132] Примечания: 132

Начальник тайной полиции, от которого зависит судьба Марио Каварадосси.

[133] Примечания: 133

Мёртвый! Мёртвый! *(итал.).*

[134] Примечания: 134

О Марио! Ты умер?.. Ты… Зачем? Скажи мне, зачем? Скажи мне, за что? *(итал.).*

Разве? Мы идём некоторое время рука об руку вместе. Мы влюбляемся друг в друга, мы обнимаем друг друга. Возможно, у нас будет ребёнок… Но жизнь слишком коротка. Внезапно, всегда внезапно, Мортен, внезапно нас снова оторвут друг от друга…

Мортен твёрдыми шагами движется к скромному отелю на Марсовом поле. Он входит в вестибюль. Словно совершает самый естественный поступок в мире. Будто был здесь на прошлой неделе. Он надеется, что портье не узнает его.

— Your passport, please![135]

Паспорт. Естественно. Он разорвал его на клочки и бросил в мусорный ящик в аэропорту Фьюмичино. Он оставил его, объясняет Мортен, у друга в Неаполе. Но он мог бы сейчас же заплатить за целую неделю. 280 тысяч лир. Валюту он обменял в аэропорту в Милане.

Мариус Инестад уже жил однажды в этом отеле.

Нельзя ли получить тот же самый номер? Trecentoventinove…[136]

Он идёт к лифту. Кажется, будто она вместе с

---

[135] Примечания: 135
Ваш паспорт, пожалуйста! *(англ.).*

[136] Примечания: 136
Триста двадцать девять… *(итал.).*

ним. Кровь бурлит. Сердце стучит в груди. Он запирает дверь в комнату. Всё как прежде. Кровать, комод, маленький столик…

Только невесты нет.

АКТ ТРЕТИЙ

МОРТЕН ЖИВЁТ в отеле «Адриано». У него снова много денег. Он никогда не был жадным. Но было бы величайшей расточительностью умереть, прежде чем все деньги будут истрачены.

Так проходит несколько недель. Постепенно он начинает пробуждаться от колдовства. Затем он перебирается в дешёвый пансионат на правом берегу Тибра.

Первые дни он только бродил вокруг Марсова поля.

Те же самые маршруты, которыми он следовал с Ине: Пантеон, площадь Навона, площадь Испании. Фонтан Ди Треви.

Кулисы для страстно влюблённых!

Он идёт в церковь Святого Андрея, где Марио и Тóска встречаются в первом акте. *Mia sirena… Mia gelosa!.. Sempre «t'amo!» ti diro!*[137]

Он выходит на проспект Витторио, садится в автобус № 64 и едет до площади Святого Петра. Минует с правой стороны Энгельсборг. Надгроб-

---

[137] Примечания: 137
Моя Сирена… Моя ревнивица!.. Навсегда… Люблю тебя! *(итал.)*.

ный памятник Адриану[138]. Свадебный пирог.

Тюрьма.

Замок Святого Ангела. Где должен умереть Марио. Где он пишет прощальное письмо Тоске. Где поёт арию в башне:

> E lucevan le stelle ed olezzava…
> Entrava ella fragrante…
> Oh, dolci bad…
> L'ora e fuggita…
> E non ho amato ma tanto la vita![139]

Тут появляется То́ска, что бежит с бумагой, дарующей Марио свободу. Liberi![140] Заграничный паспорт на двоих. Только на миг видит он её вновь. Потому что его всё равно казнили. А То́ска бежит к краю площадки и бросается вниз с

---

[138] Примечания: 138
Адриан (76-138) — римский император (с 117 г.) из династии Антонинов.

[139] Примечания: 139
В небе звёзды горели…
Вошла она, сияя…
О, где вы ласки…
Всё миновало…
И в смертный час мой
Я так жажду жизни! *(итал.)*.

[140] Примечания: 140
Свободны! (*итал.*).

парапета. Avanti a Dio![141]

МОРТЕН ЗАХВАЧЕН ГОРОДОМ. Он начинает заново знакомиться с Римом.

Он гуляет по Римскому Форуму. Он купил и взял с собой несколько хлебцев и бутылку красного вина Он усаживается на холме Палатин. Смотрит оттуда на древний город.

Целый день ходит он по музеям Ватикана. Весь следующий день посвящает собору Святого Петра Он стоит перед «Пиетой» Микеланджело[142]. Мария. Божья Матерь. С распятым сыном в объятиях. Она так прекрасна. Так неподдельно молода. Ибо родила без первородного греха.

Мортен отправляется на экскурсию в Некрополь под собором Святого Петра. Древние римские захоронения. Крипта![143] Он называет

---

[141] Примечания: 141

Иду к Богу! (*итал.*).

[142] Примечания: 142

Pieta — сострадание, жалость, милосердие *(итал.)*. Пиета — картина или скульптура, изображающая снятие Иисуса с креста; здесь: мраморная статуя великого итальянского скульптора, живописца, архитектора и поэта Микеланджело, изображающая Деву Марию со снятым с креста Иисусом Христом.

[143] Примечания: 143

В Древнем Риме сводчатое подземное помещение; в западноевропейской средневековой архитектуре часовня под храмом, служившая для погребения. В соборе Святого Петра — место захоронения пап Римской церкви.

себя магистром-археологом.

Его сопровождает гид. Набожный католик, который показывает ему древнее кладбище на Ватиканском холме. Христианские и языческие могилы вперемешку…

Именно здесь Мортен меняет решение.

Смерть больше не соблазняет его. Здесь вокруг него столько смертей! Столько страданий! Столько прожитой жизни.

Почему должен умереть Мортен? Он — уже мёртв. Там, на севере Норвегии, нет никого, кому бы его недоставало. Он обрубил все связи.

Мортен в подземном царстве. Он в Гадесе[144]. Он — странствующая тень. Он только кажется человеком.

Мортен не должен умереть. Кроме того, он слишком высокой, возвышенной любовью любит этот город. Кроме того, он слишком любит память об Ине.

МОРТЕН МОЖЕТ РИСОВАТЬ. Он несколько лет учился в Школе искусств и ремёсел. Он может рисовать туристов на площади Навона. Десять тысяч лир за рисунок.

---

[144] Примечания: 144

В греческой мифологии — подземный мир, царство мёртвых, то же, что Аид.

Он покупает мольберт. Дела идут не так уж плохо. И ещё у него остаётся восемь тысяч крон от стипендии.

Так проходит зима. Мортен Досванн всё больше и больше становится римлянином. Начать с того, что он боится, вдруг его узнают земляки. Какое уж тут удовольствие — встретить в Риме умершего друга! Он отпускает бороду. Он не мешает волосам расти. Несколько раз он подкрашивает глаза. Или надевает тёмные очки. Он изучает итальянский язык. В один прекрасный день он рисует старого товарища из своего класса и остаётся неузнанным. Тогда он обретает уверенность, что с ним произошла полная метаморфоза.

ОН БОЛЬШЕ НЕ ВИДИТ ИНЕ в каждой молодой женщине на площади Навона. Но он использует полуденное время как студент…

Он посещает многие церкви. Случается, он видит её в образе мадонны. Глядя на статую святой Цецилии в церкви в Трастевере, он видит Ине. Он часто ходит в эту церковь. Он — прихожанин этой церкви в стиле рококо, напоминающей марципановый торт. Перед алтарём лежит Цецилия. Во весь рост. Высеченная из мрамора. В тонком одеянии, облегающем её прекрасное тело. Чувственная настолько, насколько способно

передать лишь католическое искусство. Ecco femina![145]

Католическое смирение, облачённое в чувственность. Или чувственность, облачённая в католическое смирение. В марципановый торт.

Как ему не хватает её!

Ине, Ине!

ДОМА В НОРВЕГИИ Ине, лёжа на диване, плачет. Она просыпается утром и идёт в кухню. Она цепляется за стол, накрытый к завтраку, сидит, обхватив голову руками, и плачет над чашкой остывающего кофе. Сидит в автобусе со слезами на глазах.

Часы, дни, недели…

Мортен! Удивительный, заколдованный Мортен. Откуда ты явился? Куда ты исчез?

Как ты мог?.. Разве ты не понял, что я люблю тебя?

Я ведь сама этого не понимала!

Но вот на землю ложится снег. Упаковывает осень в мягкий хло́пок. Скрывает все следы. Залечивает все раны.

Время от времени она встречает Магнуса. Они теперь как брат и сестра. Она потеряла возлюб-

---

[145] Примечания: 145
Вот женщина! *(итал.).*

ленного. Он потерял лучшего друга.

ФЕВРАЛЬ. Он решается на отъезд. Он идёт в Каноссу[146]. Он готов принять все те сложности, которые ждут его.

Он пишет письмо Ине. Оно должно опередить его на несколько недель. Так будет лучше.

> «Дорогая Ине! Когда ты откроешь это письмо, тебя ждёт ещё один удар. Шок номер два. Присядь. Попытайся забыть все печали.
>
> Я не мёртв. И не мужество мне изменило.
>
> Просто не всегда получается так, как думаешь.
>
> Я уехал в Рим. Это началось здесь. Помнишь? И здесь что-то со мной случилось.
>
> Я был очень одинок, но мне не было больно. Я так много думал о нас…
>
> Пишу эти строки, чтобы уберечь тебя от потрясения, если вдруг встретишь меня на улице… Мне, разумеется, ясно, что я

[146] Примечания: 146

Т. е. открыто признаёт себя побеждённым. От названия замка Каносса в Северной Италии, где германский император Генрих IV в 1077 г. униженно вымаливал прощение у Папы Римского Григория VII Гильдебранда (между 1015 и 1020–1085 гг.), с которым раньше вёл борьбу.

должен объявиться в полиции.

Посылаю тебе карточку с указанием, когда я бываю дома. Ты можешь навестить меня, если чувствуешь такое желание. Или можешь не навещать. Это я тоже пойму. Вы можете, пожалуйста, приехать оба.

Прошло столько времени. Я подрабатывал художником и учился. А ты? Может, ты замужем?

Мортен»

НО ИНЕ НЕ ПОЛУЧАЕТ этого письма. У неё зимние каникулы. Она заказывает недельный тур в Рим. Воспоминания о Мортене тянут её туда.

Несколько против воли позволяет она тому, другому, навязаться ей в спутники. Она даёт понять, что у каждого из них будет свой номер в гостинице. А кроме того, ей хочется побродить немного одной по городу. Они могут вместе ходить на ланч и обедать…

«Звёздные пути». Ине и Магнус выскакивают из автобуса перед отелем «Адриано». Как бывалые путешественники.

Может
ли она получить номер trecentoventinove? Она… она жила там когда-то. Чтобы быть точной, при-

мерно год тому назад.

Портье, задумавшись, останавливается. Секунду он стоит с ключом в руках, неподвижный, словно статуя.

— Trecentoventinove? Are you sure?[147]

— Yes, please!..[148]

— Of course[149]. Trecentoventinove.

Она идёт к лифту, тащит тяжёлый чемодан.

Она открывает дверь. Номер 329.

Кровать, комод…

Мортен! Как пуст мир без тебя!

И ВОТ ОНА поглощена Римом.

Мортен рисует туристов на площади Навона. Ине обедает в ресторане «Три ступеньки».

Мортен сидит на площади Испании и думает. Готовится к поездке домой. Ине лакомится пирожным «наполеон» в греческом кафе на улице Кондотьера.

Мортен кормит голубей на площади Святого Петра. Ине идёт в музей Ватикана.

Мортен пересекает Тибр по Острову, переходит

---

[147] Примечания: 147
Вы уверены? *(англ.)*.

[148] Примечания: 148
Да, пожалуйста!.. *(англ.)*.

[149] Примечания: 149
Разумеется *(англ.)*.

мост Фабриция. Ине идёт по «блошиному рынку» в Трастевере.

МАГНУС ДАЁТ ЕЙ возможность подолгу гулять одной. Он деликатен, любезен.

Они обедают в Трастевере. Они выпивают бутылку красного пьемонтского вина и пьют кофе.

Они снова много беседуют, как было за несколько недель до того, как Мортен исчез.

Потом они возвращаются обратно в отель. У неё в комнате несколько бутылок кампари с содовой. Маленький стаканчик — прежде чем снова отправиться в город.

Магнус становится интересным, он возбуждён, он пытается разжечь Ине. Наэлектризовать.

Он обнимает её. Спрашивает, не прилечь ли им вместе. Он умоляет. Просит.

Она сопротивляется.

— Я сказала нет, Магнус. Мы — друзья. Добрые друзья. Только не это.

— Он мёртв, Ине. Ты не должна позволить ему стоять между нами.

— Ты милый, Магнус! Ужасно милый! Дело не в этом, но…

— Только сейчас, Ине. Только сегодня. Больше нет, больше никогда. Мы оба — одиноки. Спасение, Ине, взаимное утешение.

— Не *здесь*. Ты должен это понять. Это была наша комната…

— Идём!

В нём так и бурлит прекрасное вино. Он одерживает верх. А в Риме весна…

— Ты — глупая! — говорит он. — Ужасно глупая!

Он поливает её волосы кампари. Красный липкий сок. Возбуждённо смеётся. Вино придало ему властность. Он бросает её на кровать.

И вот она принимает его.

Через полчаса она поднимается с кровати. Стыдясь, возмущённая до глубины души. Она чувствует, что её использовали. Перехитрили. Но в этом его вины ничуть не больше, чем её.

Она принимает душ.

— Пойдём на вечернюю прогулку?

— Да, Магнус… Но ты…

— Да?

— Это было хорошо. Но никогда больше, Магнус. Обещай мне это. Никогда больше! Магнус!

— Обещаю.

Он крестится. Словно то была Дева Мария, принявшая от него клятву.

ОНИ ВЫХОДЯТ В ГОРОД. Спускаются вниз к

Пантеону. Идут по маленьким улочкам.

Ине вспоминает о том, как они праздновали в те давние дни день Вознесения Марии в Пантеоне. Соломенная кукла, одетая как Мария, была поднята через большое отверстие в крыше с помощью трензелей[150]. Там она и исчезла среди облаков из тюля и карманных ангелов.

Аллилуйя! Аллилуйя! Дева Мария вознеслась на небеса, и толпы ангелов возрадуются ей.

Наивно. Невероятно наивно. Но при мысли об этой церемонии в ней что-то надрывается.

Потом они идут на площадь Навона, в общую «комнату» Рима. Она разрешает Магнусу взять её под руку. Если она может лежать с ним, она должна разрешить и это. Эпилог…

Они выходят на большую площадь перед фонтаном Бернини. Прогуливаются вокруг фонтана.

Церковь Святой Агнессы, которая была раздета римским солдатом. Тогда её волосы стали расти так быстро, что тут же прикрыли всю наготу. И она была окутана неземным одеянием из таинственного света!

МОРТЕН СТОИТ ЗА МОЛЬБЕРТОМ. В роли улич-

---

[150] Примечания: 150

Удила, которые при натягивании прикреплённых к ним поводьев упираются в нёбо лошади, заставляя её поднимать голову *(нем.)*.

ного художника он проводит последний вечер в Риме. В среду он улетит в Осло. Рейс из аэропорта Фьюмичино в 8.15 утра. Автобус в 6.30 утра.

Он летит домой в Норвегию, домой к Ине…

Должно быть, она уже получила письмо. О чём она думает теперь?

Мортена ждут дома. Наверх из Гадеса! Как Евридику. Или как Лазаря. Нет, в этом мире всё иначе. От библейского рассказа больше веет трупным запахом…

И ТУТ ОН ВИДИТ на площади — Ине!

Он прислоняется к мольберту.

— Ине!

Она идёт рука об руку с другим. Ревность горячей волной заливает его.

Наверняка они уже женаты. Рука об руку!

Любовники ходят, держась за руки, да Рука об руку ходят супруги…

«Наверняка она беременна, — думает он. — Возможно, они в свадебном путешествии…»

Ине! И ты могла…

Значит, она всё-таки не получила письмо. Письмо и Ине пересеклись где-то над Альпами.

Он должен поговорить с ней. Он не может вернуться домой, не поговорив с ней. Он должен предупредить о своём возвращении. О возвраще-

нии обратно. О воскресении…

Не чувствует ли он лёгкого дуновения надежды?

Но говорить — не здесь. Он не даст знать о себе здесь. Не в присутствии другого.

ИНЕ САДИТСЯ перед уличным художником. Это идея Магнуса. Он платит. Он хочет получить её портрет.

Она возбуждённо смеётся. Вино ещё немного играет в ней.

С таким же успехом она могла остановиться перед Мортеном…

Портрет Ине рисуют на площади Навона. В цирке Домициана Она видит другого уличного художника. Как он похож на Марио Каварадосси… В современном «издании».

Тóска…

«Марио, — думает она. — И Мортен!»

Ине никогда не размышляла о сходстве этих имён. Но почему она этого не делала?

«Я в самом деле — дурочка»[151], — думает она.

МОРТЕН СТОИТ ЗА МОЛЬБЕРТОМ на расстоянии броска камня. Он не боится, что его узнают. Не

---

[151] Примечания: 151

Игра слои: имя «Tosca» и «tosk» — дурочка *(норв.)*.

так близко… Не за мольбертом. Не с длинными волосами и бородой. Кроме того, никто не ожидает встречи с покойниками на площади в Риме.

Потом он пишет её портрет. Мортен, стоя в цирке Домициана, пишет портрет Ине. Прошёл ровно год с тех пор, как они вместе владели этим местом. Этим городом. Этой жизнью. Он рисует её как «Мадонну» Мунка[152]. Быстрыми контурами. Дерзко. Чувственно.

Мортен пишет вдохновенно. Плотину прорывает. Зима была долгой.

Вокруг него толпятся люди. Множество людей.

Кого он рисует? Этот человек рисует не с натуры.

— Beautiful, signor. Really artistic…[153]

— Bravo![154]

— Ecco un artista![155]

Марио в демоническом настроении. В его душе

---

[152] Примечания: 152

Мунк Эдвард (1863–1944) — знаменитый норвежский живописец и график. Мотивы одиночества, смерти, тревога, повышенная экспрессия образов получают у Мунка трагическое звучание («Крик», 1893). Картина «Мадонна» написана между 1893 и 1895 гг.

[153] Примечания: 153

Прекрасно, синьор. Настоящее искусство… *(англ.)*.

[154] Примечания: 154

Браво! *(итал.)*.

[155] Примечания: 155

Какой художник! *(итал.)*.

бушует шторм.

Но вот ему становится грустно. На глазах выступают слёзы. Он плачет.

Никто ничего не говорит.

В самом низу — в левом углу… Там, где у Мунка скелет. Или эмбрион. Или тот и другой. Там он рисует самого себя. Присевшего на корточки. Коленопреклонённого.

Но вот всё готово. Он достаёт перо и листок бумаги.

> «Ине. Я здесь. Прости меня. Но виноват не только я. Происходящее мне неподвластно. Всё так естественно. Это должно было случиться. Мне необходимо поговорить с тобой, Ине. Наверху в башне, Ине. Завтра утром в 12 часов. Не бойся! Но приходи одна. Обещай мне это. Я ничего не разрушу.
>
> Мортен. Некогда твой».

Он складывает записку. Подзывает какого-то мальчика. Мортен даёт ему банкноту в пять тысяч лир. Указывает на Ине.

— La signora…

— Si, si. Grazie, signore.

— Prego, prego[156].

И вот он покидает площадь. Мольберт с мадонной остаётся, когда он уходит. Остаётся, окружённый восхищённой толпой. Никто не смеет прикоснуться к нему.

— Настоящий шедевр!

— За пять минут…

— А вы видели, что он плакал?

— Вот это мастер!

Уже наверху, в самом конце площади, он оборачивается и видит, что она получила письмо.

Тогда он бежит по проспекту Витторио через площадь дель Фьори, через Еврейский квартал по мосту Гарибальди домой в пансионат.

Ине, Ине!

— SCUSI, SIGNORA, una lettera.

— Come dice?

— Ecco…

— Grazie…[157]

---

[156] Примечания: 156

— Для этой синьоры…

— Да, да. Спасибо, синьор.

— Прошу тебя, прошу *(итал.)*.

[157] Примечания: 157

— Извините, синьора, вам письмо.

— Что такое?

— Вот оно…

— Спасибо… *(итал.)*.

Она раскрывает записку. Она вскакивает с маленького стула без спинки, на котором сидит.

— Мортен! Мортен!

— Подожди, Ине! Должно быть, это недоразумение…

— Нет, нет! Это его письмо. Я вижу это, Магнус. Я знаю это. Он был здесь всё это время. В Риме…

— Идём!

— Я боюсь! Я так ужасно боюсь!

Они уходят. Они платят за неоконченный портрет, который Магнус скатывает в рулон и суёт под мышку.

Оглянись они вокруг, они заметили бы, как толпа народа так и кишит вдали перед мольбертом.

Через несколько часов площадь Навона пуста. Но «Мадонна» Мортена по-прежнему стоит на мольберте пред церковью Святой Агнессы!

МОРТЕН ПРОСЫПАЕТСЯ РАНО утром. Прежде чем лечь спать, он поставил будильник на час вперёд.

Летнее время.

И в тот последний раз, когда он был в Риме вместе с Ине, они завели и поставили будильник на час вперёд.

Лето… Они праздновали это как помолвку.

Мортен был в Гадесе, в царстве мёртвых… Се-

годня он встретит Ине. Он никогда не понимал, почему всё у них должно было кончиться именно так. Это просто не укладывается в голове. Должно быть, где-то произошла ошибка. Должен быть путь обратно.

Он убирает комнату, принимает душ, завтракает… Потом выходит в город.

Мортен не стриг ни волосы, ни бороду с осени. Сейчас он идёт к парикмахеру. Сейчас он встретит Ине. Она должна видеть его таким, каким он был…

— Buon giorno, signore. Barba?

— Si, grazie.

— Anchi i capelli?

— Si.[158]

Парикмахеру не везёт. Он оцарапывает щёки Мортена бритвой.

— Scusi, scusi![159]

— Ничего страшного.

Кровь, кровь…

С римской тщательностью осушает неза-

---

[158] Примечания: 158

— Добрый день, синьор. Побрить вас?
— Да, спасибо.
— И постричь волосы?
— Да *(итал.)*.

[159] Примечания: 159

Извините *(итал.)*.

дачливый парикмахер ранку. Заклеивает её пластырем.

ИНЕ ТРЕЗВЕЕТ. Она не спит всю ночь. Trecentoventinore… Она смотрит в окно. Задний двор.

Как он мог уехать от неё? Как он мог прожить полгода в Риме без неё? Не возвращаясь, не посылая письма?

Но ведь это она изменила ему…

Она не может вернуть его обратно. Полгода. Он наверняка нашёл себе другую. Возможно, в Институте Норвегии был осенний курс. В Риме всегда была норвежская колония. И Скандинавское общество.

Искусствоведка… Или истинная римлянка. Или девушка из провинции.

Утром она увидит его. Только бы скорее настал день!

Мортен, Мортен!

ОН ИДЁТ по городу.

Святая Цецилия. Христова невеста, что во времена императора Марка Аврелия была осуждена на смерть в раскалённой паровой бане. Святая Цецилия, что была найдена через 1500 лет. Тогда тело девушки лежало таким, словно она только

сию минуту впала в сон. Невредимая.

Словно юная дева в своей постели. Святая Цецилия. Как небесный орга́н. Она слышала пение ангелов. И обрела силу, смогла создать орган, издававший звуки, походившие на небесную музыку…

Мост Перчатки Гладиатора. Остров. Мост Фабрицио.

Он выходит на площадь дель Фьори — где в 1600 году был сожжён Джордано Бруно за то, что утверждал: вселенная бесконечна… Сегодня базарный день, здесь торгуют мясом, и рыбой, и овощами. И зелёными, сочными винными ягодами. И большими белыми коровьими желудками. Деликатес. Вечером центр Рима — во власти наркоманов…

Потом он следует по проспекту Витторио. Там впереди — направо — он видит Энгельсборг. Замок Святого Ангела. Время близится к двенадцати.

Не все часы вдоль его маршрута переведены вперёд. Стрелки некоторых ещё не успели добраться до одиннадцати.

…Время — восемь часов. Ине только-только успела уснуть. Но тут звонит будильник.

Она одевается, выходит на улицу, садится за

столик в баре.

— Caffe nero, per favore. E un panino[160].

Как заставить время идти?

Выпив кофе с круглой французской булочкой, она берёт такси до площади Святого Петра. Может, она успеет заглянуть в собор Святого Петра? Так она, во всяком случае, попадёт на нужную ей сторону Тибра.

МОРТЕН ПОДНЯЛСЯ на башню замка Энгельсборг. Время без пяти двенадцать. Он назначил точное место встречи. Мортен и Ине были здесь прежде. Он уверен, что она придёт. Нельзя упустить шанс встретить того, кто совсем недавно вернулся из царства мёртвых.

Замок Святого Ангела Памятник императору Адриану. Император Адриан! Тот, что умер от водянки. Он испытывал ужасные муки и пытался подкупить своих рабов, чтобы те указали ему место под сердцем, где быстрый удар ножа оказался бы смертельным.

Перед смертью он написал своё «Обращение к душе»:

Маленькая изнеженная беспокойная

---

[160] Примечания: 160

Чёрный кофе, пожалуйста. И булочку *(итал.)*.

душонка,
Гостья и спутница тела,
Куда направляешь ты свои стопы,
Ты — бледная, оцепеневшая, нагая
И уж не призрачная, как обычно?

ЭНГЕЛЬСБОРГ. Тюремный замок, похожий на свадебный торт. Мортену и Ине до́лжно встретиться на верхушке свадебного торта…

Фу! Она, верно, уже замужем. Как жестока и несправедлива жизнь!

Ине, Ине — скоро ли ты придёшь? Время — пять минут первого.

ВРЕМЯ — ПЯТЬ МИНУТ ДВЕНАДЦАТОГО. У Ине ещё много времени до встречи с Мортеном. Она стоит под огромным куполом собора Святого Петра. Буквы там, наверху, насколько она может прочесть отсюда, снизу, — двухметровой высоты. Чувствуешь себя такой маленькой в этом большом соборе. Словно дитя под неусыпным взором могущественного Бога.

МОРТЕН ЖДЁТ в башне свою возлюбленную. Время — четверть первого… Время — половина первого. Ине, Ине! Почему ты не приходишь?

ОНА ВЫХОДИТ из собора Святого Петра. Она

идёт медленно, но целеустремлённо по улице, что носит название Дорога Примирения и ведёт с площади Святого Петра в Энгельсборг. Дорога Примирения… Могут ли примириться они с Мортеном?

ВРЕМЯ БЕЗ ДВАДЦАТИ ЧАС. Почему она не идёт? Мортен уже начинает нервничать. К этому он не готов.

Ине, Ине — почему ты покинула меня?

Но вдруг ему становится ясно: Ине вышла замуж за Магнуса. У них свадебное путешествие. Они не хотят, чтобы медовый месяц был испорчен пришельцем из царства мёртвых. В разгар медового месяца не ходят на свидание со старым возлюбленным. Даже если он был мёртв не так уж и долго.

Он был наивен. Как он мог подумать, что Ине захочет встретиться с ним здесь? Он уж и так более чем достаточно наказал её, заставив испытывать чувство вины…

Было бы лучше, если б он положил конец всему в этот сентябрьский день. Ему лучше уйти в отставку, сойти в тень. Это было бы в порядке вещей…

Мортен принимает решение. Он не может всю оставшуюся жизнь преследовать ту, что его не

любит. Как третий лишний. Как проигрышный билет в лотерее.

Словно злой дух…

С тех пор, как Мортен был мальчишкой, он всегда носил на поясе острый нож в ножнах. Теперь он знает зачем… Теперь он знает, как ею употребить. Он избыл уже те дни, которые наметил для себя. И лучше положить конец именно здесь.

Он был поражён неумолимой логикой событий. Ведь в Энгельсборге умирают не впервые.

Ему чудится, он слышит арию, которую поёт в башне Марио:

В небе звёзды горели,
Ночь дышала прохладой.
Дверь отворилась,
Шаги в тишине прозвучали…
Вошла она, сияя,
И на грудь мне упала…
Нет, не забыть мне той ночи счастливой!
О, где вы, ласки, слова любви и жар объятий пылких,
Как светлый сон, исчезли вы навеки…
Всё миновало, —
И вот я умираю,

И вот я умираю,
И в смертный час мой я так жажду жизни,
Так жажду жизни…

ИНЕ СМОТРИТ на часы на Дороге Примирения. 12.45. Она вздрагивает, переводит взгляд на свои ручные часики, останавливает проходящего мимо патера, спрашивает на своём ломаном итальянском, который час, показывает ему свои часы.

— Время без пятнадцати час, синьорина. Это — летнее время. Вы этого не знали?

Вы этого не знали? Разумеется, это — летнее время. Всегда, когда Ине и Мортен в Риме, наступает лето. Недоразумение! Ошибка!

— Мортен, Мортен! Я ведь не слишком опоздаю? Ты ведь стоишь там наверху, на башне, и ждёшь меня?

Ине мчится к замку… На самом верху башни стоит множество людей. Не Мортена ли она видит там в стороне, налево?

Com'e bello ilmio Mario![161]

ВРЕМЯ ПОЧТИ ЧАС. Мортен вплотную подходит

---

[161] Примечания: 161
О, как красив мой Марио! *(итал.).*

к статуе архангела Михаила на башне. Вынимает нож из ножен. Он теперь — силён и решителен. Он теперь тот, кто со всем справляется сам. Он не такой, как император Адриан. Он не нуждается в помощи рабов, чтобы умереть.

Сначала он делает жёсткий разрез на пульсе у запястья. Затем всаживает нож под левую грудь и падает на него.

Ине врывается на сцену. Ей не по себе. Она видит, что люди толпятся в стороне возле архангела Михаила.

Она прокладывает себе путь. Смотритель здания… Два смотрителя и один полицейский. Они склоняются над каким-то человеком.

— Morto, signore.[162]

Ине бросается пред ним на колени.

— Мортен, Мортен!

Она тормошит его.

— Вставай, Мортен! Слышишь, вставай!

— Morto, morto!

Она падает на тело Мортена.

— О Мортен, ты умер?

Она воздевает руки к небу.

Ведь это только недоразумение! Ошибка!..

---

[162] Примечания: 162

Он умер, синьор *(итал.)*.

— Вы знаете его, синьорина? Знаете, кто он? Она плачет, смотрит на полицейского. Он хватает её за руку.

— Вы знаете, как его зовут?

— Si, si[163]. Марио Каварадосси.

Тут появляется другой.

Он кладёт ей руку на плечо.

— Он уже мёртв, Ине. Идём!

Она холодно смотрит на него. Холодно и жёстко…

— Это конец, Ине, теперь — конец…

Она вырывается из его рук.

— Ещё нет, по-настоящему ещё нет!

Она всецело входит в роль. Что-то словно поднимает её. Она знает, что ей надо делать. Роль затвержена наизусть. Либретто она знает как свои пять пальцев.

Она бежит к выступу, встаёт на перила.

— Ине, что ты делаешь? Остановись, Ине! Ты с ума сошла!..

— Avanti a Dio![164]

Она бросается вниз и падает к мосту Святого Ангела на берег Тибра.

---

[163] Примечания: 163
Да, да *(итал.).*

[164] Примечания: 164
Иду к Богу! *(итал.).*

В ту же самую минуту в её почтовый ящик в доме на Черёмуховой улице опускается письмо.

СВОБОДА

Добрый вечер, говорим мы, размахивая руками. Мгновение спустя мы, боязливо оглядываясь по сторонам, закуриваем сигарету. Надеюсь, я ничего дурного не сказал?

В чём причина всей этой бессмысленной суеты?

Лишь краткий миг ползаем мы по земному шару во Вселенной. А потом медленно отступаем при виде трамвая!

Впечатление такое, что мы больше боимся жизни, чем смерти, словно наша боязнь пред ближним сильнее страха пред космической ночью.

Независимо от того, кто мы есть и что мы делаем, это будет забыто через сотню или тысячу лет. Не должно ли нам сделать кое-какие выводы из прожитого? Я полагаю — не должно ли нам использовать наше тщеславие себе на пользу, превратить его в средство духовного обогащения?

Безусловно, было бы ужасно, если бы всё в этой жизни запоминалось навсегда. Не даёт ли это почти непостижимую свободу думать о том, что завтра — да, завтра всё будет забыто?

Я вовсе не собираюсь призывать к безответственности. Но нам нет надобности огорчаться из-за нас самих. Мы не нуждаемся в том, чтобы нас непременно помнили после смерти. Мы свободны от подобных предрассудков. Мы можем жить здесь и сейчас.

ОПАСНЫЙ КАШЕЛЬ

СОЛЬВЕЙГ НЕ ЕЛА конфет с начинкой. Она могла взять кусочек шоколада к кофе или до, или после встреч в собрании миссионеров. Нередко она позволяла себе на завтрак целый марципановый[165] хлебец. И пока, занимаясь домашней работой, Сольвейг напевала без слов, она постоянно сосала леденцы и лакомилась пастилой. Она не была худенькой. Но конфет с начинкой она не ела.

В конфетах мог быть алкоголь, или шерри, или такой ликёр, от которого кружится голова и впадаешь в грех. Никогда нельзя быть абсолютно уверенной даже в церковном вине. Она слышала, что и в «крови Иисуса» может содержаться алкоголь. Много раз она пробиралась в кабинет пастора за алтарём миссионерской церкви — удостовериться, нет ли в церковном вине ликёра или мадеры. Ей надо было лишь задать этот вопрос, ведь вино это казалось ей таким вкусным!

Она принадлежала к роду грешников. В её роду даже торговали пивом в небольшом магазин-

---

[165] Примечания: 165
Марципан — тесто из миндальной массы и сахара *(итал.)*.

чике. Дабы искупить родовой грех, она, бывало, покупала на свои сбережения целую партию пива и выливала содержимое бутылок в сточную канаву. Ведь там алкоголю окончательно приходил конец. Но одна она была слишком слаба, чтобы опрокидывать пивные ларьки. Именно об этом она постоянно толковала с Иисусом и со своим попугаем.

Время от времени Сольвейг читала свою любимую историю во Второй книге Моисея[166] о чудесах Господа Бога[167] в Египте. Она улыбалась, и смеялась, и хлопала себя по бокам всякий раз, когда Бог Израилев насылал своих судей на грешный народ. Больше всего любила она историю о том, как Господь ожесточил сердце фараона[168] и превратил всю персть земную в мошек, садившихся на людей и животных. Хотя нет, не эта история была самая её любимая, и, листая дальше, Сольвейг быстро доходила до

---

[166] Примечания: 166

Речь идёт об «Исходе».

[167] Примечания: 167

Имеется в виду явление Моисею Бога, повелевшего ему идти к фараону для освобождения израильтян из рабства (Исх И: 4-10).

[168] Примечания: 168

Точнее, вероятно, сердце фараона было ожесточено, и он не захотел отпускать израильтян. Тогда Господь послал египтянам девять казней египетских, в том числе указанных ниже в тексте мошек (Исх 11:4-10). Аарон — брат Моисея и по указанию Господа — его помощник.

чуда на море, поросшем папирусом[169]. Больше других трогала её история о том, когда Моисея, и Аарона, и всех прочих Божий ангел провёл через это самое поросшее папирусом море[170]. Меж тем как безбожные египтяне были все как один потоплены! Ни один человек, как написано, не вышел оттуда живым. Она видела их всех, лежащих мёртвыми на берегу, так же явственно, как видели их некогда израильтяне. Но почему Господь не послал своих ангелов и сегодня, чтобы они могли навести порядок на земле в каждом большом или маленьком супермаркете? Это была одна из тех вещей, которые она не понимала.

Но вот наступила осень, а с ней — простуда и кашель. Ни сок чёрной смородины, ни чай с лимоном больше не помогали. Ей необходимо что-нибудь вроде сока, но чуточку покрепче. Так объяснила она, зайдя в аптеку. Она получила

---

[169] Примечания: 169

Имеется в виду Чермное (Красное, *устар.*) море.

[170] Примечания: 170

Аарон — брат Моисея и по указанию Господа — его помощник. После Пасхи 600 000 евреев под водительством Моисея вышли из Египта, и сам Господь направлял и освещал их путь, являясь то в столпе облачном, то в столпе огненном. А у Чермного моря Господь повелел Моисею взять жезл свой и разделить море так, чтобы оно расступилось и сыны Израилевы могли бы пройти по суше. Они спаслись от преследовавших их египтян, а после того, как народ Божий прошёл по суше, вода вернулась на своё место и потопила египтян (Исх 12:31–40; 13:20–22; 14:29–31; 15:1-18).

бутылочку Бергенского грудного бальзама. «Как чудесно, — думала Сольвейг, — что в городе свой собственный бальзам от кашля, и такого нет нигде больше».

Придя домой, она тотчас же открыла маленькую бутылочку и сразу приняла столовую ложку бальзама. Он был крепок и непривычен на вкус, но всё-таки нужно позаботиться о своём здоровье. «Тело моё — тоже Божий храм», — объяснила она попугаю в тот же вечер.

Она выпила ещё одну столовую ложку бальзама. Потом ещё одну. Ведь это было чудо-лекарство. Уже после седьмой ложки кашель исчез. Но никогда нельзя быть полностью уверенной. Ей предстояла впереди долгая ночь. Как седьмая, так и восьмая ложка продолжили путь к её губам, и рот не выразил протеста, так что в бутылочке осталось совсем немножко лекарства. Приставив её ко рту, она выпила всё до последней капли. Ведь повредить это не могло. Ведь маленькую бутылочку она купила в аптеке.

В ТУ НОЧЬ СОЛЬВЕЙГ, прежде чем она наконец крепко заснула, привиделось много странных снов. Лекарство оказало своё действие. Возможно, то был ответ на её молитвы, она верила в это. Ведь кашель сопутствовал её вечерним молит-

вам все последние дни. Всё-таки сегодня она чуть не уснула безо всяких вечерних молитв. Так сам Сатана мог искушать самое набожное из дитятей Божьих.

Утром она проснулась счастливая и возбуждённая. А ещё счастливее стала она после завтрака, закашлявшись три раза подряд. Значит, надо было снова идти в аптеку. И сегодня она попросила у милой дамы целых две бутылочки грудного бальзама. Ведь никогда не знаешь, сколько времени может продолжаться этот скверный кашель. Лучше иметь что-то дома про запас.

— Больше одной бутылочки в руки не полагается, — предупредила дама.

«Как, — подумала Сольвейг, — неужели снова ввели карточки[171]. Да ещё на грудной бальзам! Благо бы только на пиво и сигареты…»

Но аптек в Бергене было много. Сольвейг побежала через весь город в аптеку «Львица» и прикупила там ещё бутылочку.

Гордая, словно королева, отправилась она домой и поставила бутылочку в холодильник.

Она не хотела сразу принимать бальзам. Лучше приберечь его на вечер. Но после полудня она то

---

[171] Примечания: 171

Во время Второй мировой войны в Норвегии были введены продовольственные карточки.

и дело заглядывала в холодильник лишь для того, чтобы откупорить бутылочки и понюхать их содержимое. Оно пахло благовониями и миррой.

Будь она одним из трёх библейских волхвов, она преподнесла бы в дар младенцу Иисусу к его рождению грудной бальзам. Ведь Иисус разделил с людьми их жизненные бедствия. И у него горлышко болело… Но она не могла полностью согласиться в этом сама с собой. Дева Мария, верно, по-доброму пеклась о младенце Иисусе, так что он не голодал и не мёрз.

И вот настал вечер. Она надела красивое платье — в честь двух маленьких бутылочек в холодильнике. А потом без долгих ожиданий налила несколько глотков бальзама от кашля в кофейную чашку и села перед клеткой с попугаем, её лучшим другом после Иисуса.

В тот вечер она была расторопна и порядочно приняла лекарства. Сначала маленькую чашечку кофе с бальзамом, потом ещё одну маленькую и ещё… одну. Она попыталась было полистать немного молитвенник, но не могла сосредоточиться. Сегодня там было столько странных слов и букв. Но, сказать по правде, дальше букв она не пошла. Одна лишь буква А была так забавна, так расставляла ножки, что Сольвейг, сидя на стуле,

тихонько хихикала про себя.

Буква тоже была создана Господом, Богом Израилевым, это была самая первая из созданных им букв, буква Адама. Потом он создал остальной алфавит — вплоть до буквы А, которая вообще-то была А с нимбом, буквой Откровения, и читалась как «О».

Когда Сольвейг наутро проснулась, две пустые бутылочки стояли под скамейкой на кухне.

НАСТУПИЛА НОВАЯ ЖИЗНЬ.

По той или иной причине случилось так, что она почувствовала стыд из-за постоянных визитов в аптеку. Ведь как-то стыдно ходить столько времени с опасным кашлем.

Она пыталась скрыть истинные намерения, покупая немного пластыря, баночку витаминов или пакетик аспирина, прежде чем спросить о своих маленьких коричневых бутылочках.

Но в городе было много аптек. Это открытие она сделала только теперь.

Сольвейг начала совершать свои ежедневные обходы. Три-четыре бутылочки грудного бальзама удавалось ей засунуть в свою маленькую сумочку, прежде чем очутиться дома перед клеткой с попугаем.

Она слышала о том, как лечат простуду. И

каждый вечер становилась и пациенткой, и собственной сиделкой.

И вот однажды в полдень ей пришлось признать, что она выздоровела и все признаки, напоминавшие простуду, исчезли. Даже если бы она уж очень сильно захотела, кашлять всё равно бы не смогла. Она харкала, и покряхтывала, и старалась изо всех сил, но кашель исчез. Попугай только смеялся при виде её безуспешных потуг и ухищрений. Но в холодильнике у неё было припасено ещё несколько бутылочек. А когда наступал вечер, она, чтобы попугай не заметил, тихонько прокрадывалась на кухню, словно бы желая устроить там уборку после изнуряющей болезни осенью. На самом же деле она доставала себе бутылочку. Но вот холодильник опустел, она выпила последнюю бутылочку.

Наутро улицы покрылись снегом. Сольвейг почувствовала слабый намёк на головную боль.

КАК БЫСТРО бежали в последнее время дни! Настал уже адвент[172], да и Рождество было не за горами.

Несмотря на простуду и кашель, Сольвейг казалось, будто эта осень была превосходной.

---

[172] Примечания: 172
Последние четыре недели перед Рождеством *(церк.)*.

Казалось, будто пара невидимых ангельских крыльев поднимала и носила её все дни в последние месяцы. Одновременно ощущала она и укол страха перед тем, что произойдёт.

У неё появился новый друг. Прежде это были лишь попугай да молитвенник. Теперь появился ещё осенний вечер — или «грудной бальзам», это слово казалось ей более привлекательным.

Однажды, сорок или пятьдесят лет тому назад, она была влюблена. Она помнила это так отчётливо, словно это происходило вчера, да и влюблённость всё ещё жила в ней. Так было и всю эту осень. С таким же волнующим ощущением влюблённости совершала она свои повседневные покупки. В предвкушении вечера с бутылочкой перед птичьей клеткой.

Вообще-то всё оставалось по-старому. Сольвейг по-прежнему не ела конфет с начинкой. Но к ней постоянно захаживал родственник, который выпивал кружку баварского пива во время воскресного обеда. И ей приходилось ужасно трудно, когда надо было покупать сыр, молоко и не смотреть при этом на отвратительные бутылочки.

Сольвейг всегда казалось, что коричневые бутылочки специально так невзрачны с виду, когда смотришь на них. Но всё-таки даже к цвету их

стекла у неё за последнее время появилось более доверительное отношение. Грех таился вовсе не в цвете…

В обществе миссионеров она то и дело слышала как она хорошо выглядит, как весела, в каком она прекрасном настроении. Но тайну Бергенского бальзама она хранила про себя. Она была не из тех, кто злоупотребляет дружеским доверием. Что бы, пожалуй, произошло, если бы всё общество миссионеров повалило бы толпами в аптеку покупать бальзам от кашля?

НО ПРОСТУДА СОЛЬВЕЙГ подошла к концу — так сама жизнь кладёт однажды конец всему… Первый день без грудного бальзама прошёл хорошо. Второй — уже не так хорошо. А на третий день она снова стояла у прилавка в аптеке «Лебедь».

— Да, фрёкен Аннерсен?

Она купила аспирин и бутылочку грудного бальзама. Потом побежала в аптеку «Северная звезда» и там тоже приобрела бутылочку. И ещё одну в аптеке «Орлица» на аллее Расмуса Мейера[173].

Немного сока чёрной смородины, пожалуй,

---

[173] Примечания: 173

Один из известных жителей Бергена, коллекционер. В Обществе искусств города находится его коллекция произведений современного норвежского искусства.

также помогает от простуды, которая может появиться завтра или на следующей неделе, если она не проявит расторопность и не станет принимать своё лекарство. Прошло уже три дня с тех пор, как она бегала по аптекам, но сегодня она отпила из одной бутылочки уже на пути домой.

Она позволила себе чашечку кофе и хлебец к чаю в кафе Реймерса. И никто из мужчин, скрытых за газетами, не обратил внимания на то, что она выполняла свой долг. Натренированным движением руки расстегнула она чёрную сумку и покончила с бутылочкой номер один. Не потому, что это было необходимо, а ради собственной безопасности.

Эта бутылочка сразу помогла. Она тотчас почувствовала себя много лучше. А потом помчалась к попугаю.

— Туттилетей, маленький Цуттиплоттен! — дерзко защебетала она, запираясь в своей квартирке на Норднесе. — А вот и мама пришла!

И она вынула ещё одну бутылочку. И ещё одну. И так проходили дни.

Вскоре в её списки с именами тех, кому нужно было преподнести бальзам, были занесены Иосиф и Мария. В честь всех мудрецов вывесила она в окне на улице Скоттегатен Вифлеемскую

звезду. Она испекла семь таких звёзд, и каждый понедельник и четверг в помойном ведре, падая туда, что-то брякало.

Рождество Сольвейг продолжалось до Пасхи. За это время младенец Иисус давным-давно стал взрослым мужем в хитоне и сандалиях. Однажды в пятницу в конце марта она приняла участие в его распятии, таков обычай этого торжества. Она припасла для него целое ведро берлинских кренделько[174]. Ранним воскресным утром Иисус восстал из мёртвых, как и обещал ей ещё раньше, в день начала церковного года[175]. Сама она восстала ото сна на несколько часов позже. Тогда почти все горести исчезли. Небольшое чувство неудовлетворённости, которое ещё оставалось, исчезло вместе с выпитым ею бальзамом.

ТАЙНАЯ ВЛЮБЛЁННОСТЬ Сольвейг длилась всю весну. Не было ни единого дня, когда бы возлюбленный бальзам ей изменил. Преисполненной любви рукой — и не без кипения страсти в жилах — она постоянно всё крепче сжимала маленькую коричневую бутылочку.

---

[174] Примечания: 174

Мелкое печенье.

[175] Примечания: 175

Год, который начинается в первое воскресенье во время адвента (в отличие от календарного года и учебного года).

Порой бывало грустно разлучаться с тяготами повседневного существования. С другой стороны, все бутылочки были абсолютно похожи, как близнецы. Поэтому они все были для неё на одно лицо.

У Сольвейг, которая как раз не очень-то была занята общественной жизнью, всегда находились какие-то дела. Каждый день совершала она свой обход по городу, она встречала множество людей, которым улыбалась и доверчиво кивала. Теперь она научилась также всякий раз, бывая в аптеках, подходить к разным продавщицам. Так у неё выработалась своя собственная искусная тактика, которой она неуклонно следовала.

Ночью ей время от времени снилось, будто маленькие бутылочки — детки-сироты, которых хозяин препровождал обратно в аптеку после того, как она по очереди перецеловывала их всех подряд.

Прежде чем деревья оделись листвой, ежедневная доза Сольвейг поднялась до четырёх-пяти бутылочек. Но они всё равно ещё вмещались в её сумочку и были необходимы для того, чтобы вести учтивую беседу с попугаем.

Благодаря бальзаму у неё почти никогда не болело горло. Таким образом, если можно было

избежать боли в горле, пользуясь этим средством, пить пиво к обеду было бы неразумно и бесполезно.

НО ВОТ НЕЖДАННО наступил перелом. Однажды у бальзама от кашля появился вкус обыкновенного сиропа, как у кофе бывает вкус кофе, а у леденцов — вкус леденцов. Что-то исчезло. Она не знала, что именно, но обольстительная страсть, с которой тайный друг разделял её одиночество, куда-то исчезла, испарилась.

Она заметила это, как только поднесла бутылочку ко рту. Теперь бутылочка была лишь бутылочкой. А бальзам — сиропом от кашля, да — всего лишь сиропом от кашля.

Так бывает, когда умирает любовь. Хотя ветер становился теплее, а солнце вставало на небе, настроение Сольвейг упало беспредельно, а дни её больше не были так прекрасны.

После дней и недель, полных надежд и несбывшихся обещаний, настал момент истины, принося всю боль и все унижения, которые сопутствуют неразделённой любви.

Это началось с первой страницы газеты «День», как прелюдия. Будто её собственная, ею вдохновлённая дипломатическая нота. Оказывается, Сольвейг пила вовсе не бальзам от кашля. Она

пила алкоголь.

До сих пор, — было написано в газете, — *Бергенский грудной бальзам содержал более 20 % алкоголя. Но после продолжительного общественного возмущения, в частности со стороны миссионерского общества, процент алкоголя сокращён ныне до минимума.*

Так Сатана обманул её. У Сольвейг не было никаких оснований сомневаться в газетном сообщении. По её мнению, эта газета «День» была просто-напросто приложением к Новому Завету. Газета была написана под руководством Святого Духа.

Сольвейг хорошо знала, что такое был этот процент. То было нечто по-настоящему мерзкое и ужасное. То был знак Животного. То была печать Сатаны.

В ТУ НОЧЬ СНИЛОСЬ Сольвейг, что она ученица Был Страстной четверг, и она откушала во сне вечерю с Иисусом и другими учениками в миссионерском обществе. Она была Иудой Искариотом и знала, что предаёт младенца Иисуса за тридцать бутылочек бальзама от кашля. А потом она стала вдруг апостолом Петром. Сон продолжался. Она стояла на скале — одна между небом и землёй — и три раза закашлялась. Тут попугай стал

болтать без умолку, а пастор, ворвавшись в её квартиру, унёс с собой молитвенник.

С того дня Сольвейг начала есть конфеты с начинкой. С того дня она каждое воскресенье обедала у своего родственника С того дня она покупала у торговца не только молоко и сливки. С того дня Сольвейг не видели больше в миссионерском обществе.

ОРГА́Н

Человек не может носить в себе все сомнения мира. Человек — только фигура, образ.

Слишком часто человек берёт на себя всю совесть мира. По-моему, это значит — зайти слишком далеко.

Мировая душа[176] *играет на орга́не истории, где каждый из нас — всего лишь одна из органных труб. Но я, пожалуй, не стану затыкать отверстие в моей трубе сомнением. Я должен проиграть свою мелодию так, чтобы её хорошо слышали в соборе.*

Вопреки всему, более одного голоса у меня нет.

Когда мировая душа нагнетает в меня воздух, я бесстрашно свищу! Я — отзвук, я — цвет и часть Вселенной. Тогда пусть другие используют своё право на протест. Это другие трубы орга-

---

[176] Примечания: 176

Сам Гордер определит позднее своё понимание этих слов так: «При мистическом переживании человек испытывает единение с Богом или с мировой душой. „Я“, о котором мы говорим в обыденной жизни, не является нашим подлинным „я“… Иногда мы можем на миг ощутить свою сопричастность некоему большему „я“, которое одни мистики называют Богом, другие — мировой душой, или Вселенной». (Гордер Ю. Мир Софии.)

на составляют контрапункт[177]*. Я могу лишь неподдельно быть самим собой.*

Я смело могу быть подлинным, настоящим, быть самим собой, ибо знаю, что я тоже — все остальные. Я тоже — то, в чём сомневаюсь. Будто труба органа — я состою в связи с органными мехами — этой первоосновой, вдыхающей жизнь во все органные трубы.

Собственно говоря, то, что мы думаем, никакой роли не играет. Мы все имеем право…

---

[177] Примечания: 177

Искусство сочетать самостоятельные, но одновременно звучащие мелодии в одно целое *(муз.)*.

КАТАЛОГ

Зачем же созидать? Один ответ:
Чтоб созданное всё сводить на нет.

***Гёте. Фауст*[178]**

[178] Примечания: 178
Перевод Б. Л. Пастернака.

I

КАТАЛОГ — нечто, объемлющее весь мир. Словно густой сетью покрывает он весь земной шар, сетью, которая становится всё плотнее и плотнее. По мере того, как проходит время. Всё человечество участвует в его составлении. Ни одна живая душа не держится вне его пределов. И всё равно — составляется каталог напрасно.

Я НАЧАЛ РАБОТАТЬ с Каталогом уже семнадцатилетним, в маленьком прибрежном городке, где я всё ещё живу. Это было словно веление свыше. Сейчас мне 73 года, и я был главным редактором Каталога моей страны всю свою сознательную жизнь. Стало быть, не без известной причины я пытаюсь оценить здесь значение Каталога.

Каталог — это дневник человечества. Он издаётся каждые четыре года (в високосный год), и долг всех граждан мира старше восемнадцати лет писать инсерат[179] от 7 до 14 строк в Каталог всякий раз, когда тот выходит.

Итак, когда гражданину исполняется восемнадцать лет, ему следует знать, что он хочет

---

[179] Примечания: 179
Посланная в какое-либо издание статья или заметка *(лат.)*.

поведать миру… Он должен продумать ход своих мыслей, так как Каталог внимательно изучается в школах и в семейном кругу и адресован будущим поколениям.

Инсерат может не включаться в сборник от одного издания к другому, но все имеют право каждый четвёртый год помещать в Каталоге изречение. Это последнее, несомненно, явление самое обычное. Но многие предпочитают предоставлять один и тот же инсерат для Каталога в течение всей жизни — в этом виноваты либо безразличие, либо недостаток воображения.

Я уже упоминал, что Каталог, словно сеть, покрывает весь земной шар. Точно в один и тот же день (29 февраля) Каталог издаётся в каждой коммуне. Обитатели коммуны расположены в книге в алфавитном порядке. И все обитатели домов получают Каталог своей коммуны, как только он выходит в свет. Следовательно, предельно просто открыть Каталог и ознакомиться с тем, что твои друзья и соседи считают самым важным в жизни. Во всех коммунах полное собрание Каталогов страны доступно для всех. В будущем они станут важным историческим свидетельством. Национальный регистр позволяет выяснить, к какой коммуне принадлежит тот или иной житель

страны. Кроме того, во многих странах Каталоги всего мира собраны в больших библиотеках. Эти библиотеки организованы одинаковы, где бы в мире ты ни находился. Обходя такую библиотеку, ты словно устанавливаешь контакт с населением всего земного шара. Эти каталоги обязательно издаются на языке мира[180] в приложении к Каталогу на языке оригинала. Следовательно, в течение нескольких минут может быть найден инсерат любого гражданина мира.

Из вышесказанного ясно, что Каталог стопроцентно демократичен. Все люди там в равном положении. У всех одни и те же обязательства и права по отношению к Каталогу, независимо от того, в какой стране мира ты обитаешь. И все Каталоги изданы по единому образцу. Нигде никакого метакаталога[181], никакой антологии, где собраны «лучшие» цитаты, не существует. Правда, на раннем этапе истории Каталога было выдвинуто предложение отдать предпочтение великим мира сего, таким как главы государств, поэты и философы, и предоставить им большее

---

[180] Примечания: 180

Языками Вселенной, мира считаются в основном английский и испанский.

[181] Примечания: 181

Т. е. каталог из каталогов.

количество… полос в Каталоге, нежели простым смертным. Но предложение было отвергнуто, хотя и незначительным большинством людей. Даже несколько более скромные претензии — дать избранному кругу повод набирать свои изречения в Каталоге курсивом — были отвергнуты ради того, чтобы продемонстрировать известную мудрость: «В Каталоге — мы всё равны».

ВСЕОБЩЕЕ РАВЕНСТВО вовсе не означает, однако, что для служителей Каталога одинаково легко собрать сентенции со всех граждан. Я могу с уверенностью это подтвердить: я трудился для Каталога более полувека. Многие — да, подавляющее большинство граждан — чрезвычайно пунктуальны, когда приходит время внести свой вклад в Каталог. Человек средней руки не только выполняет свой гражданский долг, заявляя о себе, он просто шалеет от счастья. Но зачастую, чтобы выманить у гражданина его изречение, требуются определённые усилия. Если ничего не помогает, имя гражданина заносится в Каталог безо всякой сентенции — и это почитается величайшим позором. Прожить свою жизнь от одного високосного года до другого и не изречь ничего заслуживающего внимания — считается ужасающей вульгарностью и даже тунеядством. Время

от времени поступают предложения отобрать у таких граждан жильё и еду.

Если хорошенько подумать, от каждого человека требуется не так уж много. Всего лишь от 7 до 14 строк… каждый високосный год. Разве это много? Полагают, что человеческая жизнь не определяет самоё себя лишь своим физическим проявлением. Прожить жизнь от зачатия до смерти животные и растения умеют, пожалуй, не хуже, чем мы. Многими физическое существование рассматривается лишь как отражение внутренней, духовной жизни человека Во всяком случае, один раз в четыре года до́лжно собраться с силами и подумать о том, как прожить свою жизнь в юдоли земной. До́лжно, так сказать, вынуть еду изо рта, нарушить молчание и спросить самого себя, зачем ты есть.

Даже если бы у всех в избытке было времени подумать о том, что они хотят сообщить, в глаза так и бросается разница многочисленных изречений. Но всем отведено одинаково скромное место, независимо от того, идёт ли речь о самом глубокомысленном рассуждении или о самой плоской банальности. На одной и той же странице можно найти хитроумные изречения, утончённые парадоксы, политическую сатиру,

судорожные попытки решить загадку жизни, сдержанную попытку — сформулировать квинтэссенцию Каталога, жизненный опыт вольного крестьянина вместе с опытом скотоводства и кулинарными рецептами домохозяйки. В этом смысле Каталог является свидетелем побед демократии. Не предъявляется никаких требований к стилю или содержанию. Все вклады — равноценны. Философия и конский навоз — одно и то же.

Никто не живёт напрасно. Все обретают своё имя в Каталоге. Все обретают повод высказывать то, что будет надёжно сохранено на все грядущие времена.

II

ЧИТАТЬ КАТАЛОГ — всё равно что снимать сливки с истории. Разве за изданием Каталога не скрыто множество глубокомысленных рассуждений, множество тяжких размышлений, а сколько человеческих душ? В наше время слово «культура» стало синонимом слову «Каталог». Культура в архаическом понимании этого слова умрёт в начале XXI века. В дальнейшем же умрут и люди, которые занимаются этой культурой, но тогда это будет представлять лишь исторический интерес.

В отличие от культуры каталогов учебных, Каталог, о котором идёт речь, имеет неоценимое практическое значение. В любой точке мира легко можно узнать, как происходит становление той или иной личности. Практическая польза, которую получает от такого форума человечество, — очевидна. Многие, например, находят в Каталоге сведения о друге или супруге, которых разыскивают. И уже в тот момент, когда тебя представляют кому-нибудь, может случиться тебе вспомнить, что́ эта особа написала в Каталоге. Тем самым тема беседы означена заранее, и знакомству уже задан старт с ходу.

Многие также заглядывают в Каталог в поисках Истины. А некоторые объездили весь земной шар, желая встретить человека, которым заинтересовались, прочитав о нём в Каталоге. Люди то и дело связываются друг с другом, чтобы подробно обсудить какую-либо сентенцию. То там, то здесь создавались группы по изучению Каталога и философские школы. Весь мир — это общность братьев и сестёр.

ВО ВСЕ ВРЕМЕНА Каталог окутывала атмосфера поиска мысли. Было написано бесчисленное множество научных статей о том, как следует его читать и интерпретировать. Наиболее привлекательный метод толкования в настоящее время «арифметический». Согласно этой школе, Каталог — в соответствии с известными арифметическими принципами — может читаться как связное повествование. Это повествование отражает историю действительности, рисует картину развития жизни на Земле, толкует различные философские системы и т. д. Прежде всего миллионы изречений Каталога соединяют всё человечество, превращая его в единую душу — да, в один-единственный субъект повествования.

Индийские мистики восприняли положения этой школы как благо для своего учения о брах-

мане[182] или о душе мира. Мы все — брокеры у одного и того же сознания, импульсы в одной и той же душе или фасетки[183] одного и того же глаза. Этот глаз — Каталог. А Каталог — глаз Божий.

Так же и на Западе указывали на перспективную роль арифметического метода в ходе учебного процесса. Такой философ, как Гегель, вплотную подошёл к арифметическому методу на чисто умозрительной основе. Он использовал этот метод, применяя его к реальной истории, подобно тому как мы ныне можем использовать его в Каталоге. И Гегель читал историю как рассказ о том, что мировая душа приходит к осознанию самой себя. Арифметическая школа полагает, что ныне подтверждается правильность подобного заявления. Каталог, если заимствовать определение Герберта Уэллса, — это the world brain[184].

---

[182] Примечания: 182

Одно из центральных понятий индийской философии и религии индуизма, космическое духовное начало, безличный абсолют, лежащий в основе всего существующего.

[183] Примечания: 183

Фасетка, или омматидия *(греч.)* — структурный и функциональный элемент фасеточного сложного глаза насекомых и некоторых других членистоногих. Фасеточные глаза — парный орган, образованный многочисленными отдельными глазками — фасетками. Хорошо воспринимает широкое поле зрения.

[184] Примечания: 184

Мозг мира *(англ.)*.

Каким образом арифметический метод являет собой falsum[185]? Быть может, он не представляет величайшего интереса? Именно в эти дни он апробируется. Однако ещё слишком рано выносить окончательный приговор. Подобный приговор надлежит вынести нашим детям и внукам.

[185] Примечания: 185
Неправильное утверждение *(лат.)*.

III

СТАЛО БЫТЬ, ВСЁ должно быть в превосходнейшем порядке. Все гарды общим достоянием человечества. Но какая в конечном счёте польза от Каталога? Какую цель преследует Культура с точки зрения вечности? Как человек опытный и стареющий, я с величайшей скорбью должен дать отрицательный ответ.

Каталог — абсолютно бесполезен. Он не что иное, как чудовищное выражение человеческого тщеславия. Его известное практическое значение я уже представил. Это — форум для высказываний, список адресов в царстве духа. В этом смысле он более ценен, нежели старая Культура. Но он не сделан смерть более лёгкой.

Смысл Каталога в том, что все люди обрели там свои имена — и свои соображения, — высеченные в чём-то непреходящем, в чём-то, поднимающимся над временем и пространством. Каталог должен сохранить память о всех без исключения экземплярах рода человеческого.

Я сам с величайшим воодушевлением ратовал за этот проект. Но правда состоит в том, что Каталог вскоре как раз и выявит свою главную

идею. Ведь то, что мы пишем в Каталоге, также начертано на песке. Объясню подробнее.

Три миллиарда лет тому назад в нашей Солнечной системе возник первый примитивный признак жизни. И как раз в наши дни, когда мы — на пути к тому, чтобы составить связную картину эволюции жизни на Земле, — мы переживаем целую серию предсказаний о гибели этой жизни. Через три миллиарда лет вслепую жизнь подошла к осознанию своего собственного развития. В какой-то степени история выполнила своё предназначение. Мы — у цели. А цель — осознание этого развития на пути к ней.

Что тогда остаётся? Будет ли жизнь только продолжаться и продолжаться? Способна ли она на это? Нужно ли ей это? Не находимся ли мы в конце пути?

Чисто техническое отклонение жизни от прямого пути — это вещь в себе[186]. И оно не должно нас беспокоить. Ныне оно происходит само по себе. С систематической основательностью люди пытаются приблизить конец биосферы. Мы идём по Последнему Отрезку Пути. Остаётся

[186] Примечания: 186

Предмет в своей сущности независимо от субъективных форм познания. Первоначально в философии немецкого учёного Иммануила Канта (1724–1804) — непознаваемая сущность явлений.

выполнить лишь ту самую последнюю задачу: одно лишь коллективное самоубийство на сцене жизни, прежде чем под слепые и немые аплодисменты небесного пространства упадёт занавес.

Мы виртуозные исполнители ars moriendi[187]. Если даже одна или несколько попыток самоубийства сорвутся, всегда найдутся те, кто неуклонно работает в этом направлении, независимо от тех, кому это не удалось. Если мы не будем праздновать последнюю новогоднюю ночь мира атомным фейерверком, мы совершенно точно задушим друг друга, как душат культуру бактерии в сахарном растворе. А если искоренение жизни подобным образом займёт слишком много времени, мы раньше или позже отдёрнем занавеси озонового слоя в сторону, так что ультрафиолетовые лучи попадут прямо в комнату жизни на Земле.

Методы, стало быть, тоже — вещь в себе. Как мы положим конец своей жизни — в данной связи неинтересно. Гораздо важнее ментальные предпосылки. Кольцо сомкнулось. Развитие уже в конце пути. Потребности в продолжении истории — нет, места для продолжения истории — нет.

---

[187] Примечания: 187
Искусство умирания *(лат.)*.

КАТАЛОГ ЕЩЁ СУЩЕСТВУЕТ. Из года в год он растёт в объёме. Склады разрастаются всё больше и больше, скоро они покроют огромные части земной поверхности. С каждым годом, который прошёл, становится труднее живой душе найти детскую площадку для игр. Сначала должен получить своё — Каталог. Сначала должна получить своё — история. Но разве есть место для продолжения культуры? Сможем ли мы соблюдать порядок среди такого множества мыслей и идей? Не приблизимся ли мы к точке насыщения? Не пресытится ли история?

Даже если бы мы могли представить себе цивилизацию, нескончаемую во времени, Каталог оказывается проектом безнадёжным. В лучшем случае мы потонули бы в проблемах культуры. Книг по истории куда больше, нежели мы в состоянии усвоить. В конце концов, мы купаемся в бумагах. Мы идём ко дну в экскрементах нашего собственного прошлого. Много времени прошло с тех пор, как люди проживали отпущенную им жизнь на Земле, не оставляя других следов, кроме своих собственных скелетов и глиняных черепков. Только за последние пятьдесят лет написано книг больше, чем за всю историю человечества вообще.

Возможно, Каталог просуществует ещё сотню или тысячу лет. Но что такое тысяча лет? В эти последние дни, когда я обхожу землю, следовало бы немного расширить перспективу. Вопреки всему, цивилизация — эта тонкая льдинка, которую мы топчем, — лишь остров в море хаоса. Если ничего другого не произойдёт, на худой конец, остаётся ещё какое-то количество лет — какое количество, в принципе несущественно, — чтобы вся жизнь в нашей системе прекратилась, так как наша звезда во Вселенной сгорит. А для меня, кому в лучшем случае остаётся жить пятнадцать или двадцать лет, тысяча или миллиарды лет — одно и то же.

Вечности нет. В этом сущность дела. Нет никакой спасательной шлюпки в этом океане жизни.

Я больше не боюсь умереть. Я согласился с тем, что время моего пребывания на земле ограничено. Но я не в состоянии примириться с тем, что всё — стало быть, всё — должно прекратиться. У меня нет ничего, за что можно цепляться, ничего вечного, ничего, что возвышается над нашим скоропреходящим бултыханием.

Возможно, Каталог меня переживёт. Но он — не переживёт! Он — это также процесс, развивающийся во времени и пространстве.

Миру — где мы обитаем на пушинке — ещё ясно, что он существует. Но он — в высшей степени — преходящий феномен. И даже если бы арифметическая школа была бы права в своём утверждении, что Каталог — глаз Божий, утешение это — слабое…

Никакого убежища в настоящее время — нет. Время видит нас повсюду. Вся реальность окунулась в эту неутомимую стихию, в которой мы играем свои роли.

ПОЧЕМУ Я ЭТО ПИШУ? Быть может, это — последняя попытка удержать контроль над происходящим. Не знаю. Но у меня нет никакого желания навязывать другим свою жизнерадостность. Мне всё равно, будут ли эти строки найдены и прочитаны после моей смерти или нет. Ведь тогда меня всё равно не будет, точно так же, как ни будет всего вокруг. Какой бы точки зрения ни придерживаться, ни одна из них не будет столь основательной, чтобы не утонуть в великом целом, во взаимосвязи. Мы принадлежим к поколению пустословов. Самое разумное из того, что делает человек, — молчание.

Через несколько дней я подам заявление в Международный секретариат Каталога об уходе.

Я ведь не только не годен быть главным редак-

тором Каталога своей страны. Я не годен быть человеком. Когда издание Каталога пойдёт в печать, моё имя будет стоять там без надлежащего изречения.

Я покончил с этим миром.

ПИСАТЕЛЬ И ФИЛОСОФ ЮСТЕЙН ГОРДЕР

Юстейн Гордер (р. в 1952) — пожалуй, самый знаменитый в наши дни современный писатель Норвегии. Его книга «Мир Софии» (читай: «Мир Мудрости» (греч), 1992), адресованная юным читателям, переведена на 46 языков, а её популярность на земном шаре можно сравнить разве что с популярностью лучших творений норвежцев Хенрика Ибсена, Кнута Гамсуна и Сигрид Унсет. Тиражи переводов этой книга достигли в Норвегии 300 ООО, в Германии же — превзошли все другие страны — 1 200 000 экземпляров.

Гордер — автор книг «„Диагноз" и другие новеллы» (1986), «Дети из Сукхавати» (1987), «Лягушачий замок» (1988), «Тайна карточной игры» (1990), «Мир Софии», «Рождественская мистерия» (1992), «Как бы сквозь тусклое стекло, гадательно...» (1993), «Волшебная библиотека Бибби Боккена» (1993, в соавторстве с норвежским же писателем Клаусом Хагерупом), «Алло, есть тут кто-нибудь?!» (1996), «Vita Brevis» (1996), «Майя» (1999) и «Апельсиновая девушка» (2003). Из них «„Диагноз" и другие новеллы», «Vita

Brevis», «Майя», «Апельсиновая девушка» — для взрослых, остальные — для детей и юношества.

Писатель награждён многими премиями, среди них самые престижные на его родине — премия норвежского Департамента культуры, почётная статуэтка «Пер Гюнт»; в 1997 г. книга «Мир Софии» получила премию имени известного норвежского критика Сони Хагеманн. В 1996 г. Гордер был награждён медалью Януша Корчака, а в 2000 г. стал номинантом Международной золотой медали Ханса Кристиана Андерсена.

В Норвегии учреждена также Международная премия за новаторские произведения литературы в честь книги «Мир Софии».

Всего за несколько лет Юстейн Гордер приобрёл мировую известность, его можно почти всегда видеть на международных книжных ярмарках, на презентациях его книг, он постоянно выступает с блестящими лекциями и докладами в разных странах, которые читает артистично, в лучших традициях ораторского искусства.

Будущий писатель и философ родился в образованнейшей семье. Его отец Кнут Гордер (р. 1923) — прекрасный педагог, ректор престижной школы, а мать Ингер Маргрете Гордер (1925–1993) была известна как замечательная писательница,

переводчица, общественный деятель и преподаватель.

Юстейн Гордер учился в христианской школе, затем изучал скандинавистику, историю идей и религии в столичном университете (Осло). Он был радикально-мятежным студентом, участником студенческих демонстраций, и даже его женитьба на искусствоведе Сири Данневиг, с которой он познакомился, когда им было по 16–17 лет, была своего рода диссидентством, вызовом собственному поколению, предпочитавшему «совместное проживание» вне брака. Он горд, что прожил с Сири теперь уже более 25 лет, хотя в 1980-1990-е годы это было не модно. «Этой книги не было бы без поддержки и поощрения Сири Данневиг», — пишет он в небольшом предисловии к роману «Мир Софии».

Он гордится сыновьями Никулаусом и Кристоффером, для которых написал книгу «Дети из Сукхавати» о малышах-инопланетянах, приземлившихся в Бергене. Гордер утверждает, что черпает большое вдохновение в собственной семье.

Окончив университет, Юстейн Гордер преподаёт литературу, историю религии и философию в Высшей народной школе в Бергене, где работала

и Сири Данневиг, соавтор ряда его учебников по религии и философии. Любопытно, что, побывав вместе с матерью в Тунисе, он стал соавтором её книги об исламе (Ингер Маргрете Гордер написала для детей несколько произведений о различных религиях мира).

Постепенно Гордер начинает выступать и как писатель. Он дебютирует в 1982 г. новеллой «Каталог», вошедшей позже в его книгу «„Диагноз" и другие новеллы».

Представляя это первое сочинение молодого автора, издательство «Аскехоуг» сообщало: «Собрание из одиннадцати новелл связано между собой небольшими эскизами, которые поистине будят мысль. Автор выступает здесь как настоящий гуманист, рассуждающий о месте человека в мире, о смерти и любви, об искусстве и катастрофе».

Уже в самом первом (фактически научно-фантастическом) произведении Гордер формулирует своё кредо писателя, можно сказать, создаёт литературный манифест будущего творчества. Прежде всего — это познавательность, стремление проникнуть в тайны бытия и постичь их, энциклопедичность и философизм.

Рассказывая о всемирном Каталоге, включа-

ющем в себя изречения, сентенции, взгляды на жизнь обитателей земного шара, редактор Каталога ісе перестаёт удивляться, какие мучительные переживания и трагедии выпадают на долю людей нашего времени. Не случайно эпиграфом к новелле стоят слова Мефистофеля из «Фауста» Гёте о тщете всего земного: «Зачем же созидать? Один ответ: Чтоб созданное всё сводить на нет». И тем не менее в интродукции, предшествующей новелле «Каталог», Гордер приходит к выводу, что человек должен жить здесь и сейчас. Эта мысль — своего рода «красная нить» творчества норвежского писателя. Недаром это его первое эссе становится заключительным в книге.

По своему составу сборник «„Диагноз" и другие новеллы» чрезвычайно разнообразен. Это и философские, научно-фантастические эссе («Сканер эпохи», «Электронные часы»), и эссе, напоминающие порой научные работы (новеллы «Критик», «Каталог»), и любовно-трагические новеллы («Место встречи — Энгельсборг»), Причём каждой из них предшествуют небольшие предисловия, интродукции — своеобразные стихотворения в прозе. Они чаще всего поэтично выражают суть и смысл сказанного в дальнейшем.

В самой крупной новелле сборника, скорее даже небольшой повести «Диагноз», давшей название всей книге, угадывается будущий автор нашумевшего романа «Мир Софии». Устами анонимного сочинителя писем к девочке Софии Гордер выразит в будущем романе своё понимание философии и поведает её историю. А пока он передаёт свои мысли о сущности жизни, мироздания, религии — смертельно больной героине, тридцатишестилетней Енни.

Действие новеллы непродолжительно, оно занимает не более одного дня. Героиня едет из Бергена в Осло, чтобы лечь там в Радиологическую клинику и умереть. Она бродит по родному городу, прощается с ним, со своей жизнью и словно бы заново осмысливает мир и своё пребывание в нём. В этой новелле, как и во многих других, Гордер ставит главные для него проблемы: «Кто ты?» и «Откуда наш мир?». Писатель не только говорит о диагнозе Енни, о раке — «болезни века», но и ставит диагноз современному ему миру и человечеству.

В научно-философском эссе «Сканер эпохи», созданном скорее учёным и философом, нежели писателем, Гордер рассказывает о научно-технических достижениях, о новых технологиях и о

том, как изменили они мир человека. Ибо технический прогресс, благодаря которому возможны настоящие чудеса, ставит перед живущими сложнейшие нравственные вопросы, но вот ответы на них найти не так-то просто.

В психологической, очень личной, почти целиком биографической новелле «Мама» писатель продолжает тему повести «Диагноз», рассказывая о переживаниях больной раком женщины. Но здесь он переносит эту тему из философского в личный, семейный план. Тридцатипятилетняя женщина, жена и мать троих детей, пережившая множество операций, героически борется за жизнь ради своих близких, ради самой себя. Она побеждает и возвращается к жизни. Это сильный, мужественный человек, которому предстояла ещё, по словам Гордера, долгая жизнь. Как оказалось, счастливая жизнь с мужем и детьми, которых она вырастила, увидела взрослыми, а старшего сына — всемирно известным писателем.

Тема, так близко затронувшая Гордера, продолжена им в новелле «Человек, который не хотел умирать». Обыкновенный служащий Юнни узнаёт, что в возрасте 31 года он приговорён к смерти от онкологической болезни. В тот же день он

учиняет погром в магазине, разбивает фарфор и драгоценные вазы на огромную сумму. Он решил, что общество должно ответить за подобную несправедливость. Выступая в суде со страстной обличительной речью, он предъявляет собравшимся едкие замечания и глубокие откровения о смысле человеческой жизни.

Писатель не проходит и мимо одной из других страшных трагедий XX века — угрозы атомной войны, бомбардировок мирных городов и их жителей. В маленькой научно-фантастической новелле «Ложная тревога» он описывает ужас людей, поднятых сиреной воздушной тревоги во время начавшейся атомной войны, матерей, спасающих своих детей.

Автор этих строк пережила одни из самых тяжёлых дней блокады Ленинграда. И когда она переводила рассказ, ей казалось, будто Гордер, родившийся после войны, знавший о ней из рассказов родителей, помнивших оккупированную Норвегию, находился рядом с ней самой, когда бомбили Ленинград, когда мама заставляла её спускаться в бомбоубежище… Так достоверно он описал страдания и муки людей во время разразившейся атомной катастрофы.

А вот в психологической, написанной с блеском

и юмором новелле «Опасный кашель» Гордер повествует о том, какие непредсказуемо уродливые формы может принимать жизнь одинокого человека и к каким уловкам с собственной совестью прибегает порой смертная душа.

Гордер — теолог, философ и психолог — предстаёт в этом сборнике новелл и как писатель, ставящий «диагноз» литературному творчеству, «взаимоотношениям» писателя с его вымышленными героями. В любопытной новелле «Теобальд и Теодор», несомненно навеянной сказкой Андерсена «Тень», литературный герой писателя Теодора — Теобальд, подобно Тени, погубившей своего талантливого хозяина, постепенно вытесняет Теодора. Теобальд хочет, чтобы Теодор стал персонажем романа, а он — Теобальд — писателем. И он заставляет Теодора писать то, что хочется ему, вкладывает в голову Теодора свои собственные мысли. Теодор сходит с ума и кончает жизнь в сумасшедшем доме, где даже создаёт своеобразную философско-литературную школу, куда приезжают желающие учиться со всего мира.

Несколько особняком в сборнике стоит новелла «Место встречи — Энгельсборг». В этом сюжете, перекликающемся с оперой Джакомо Пуччини

«Тóска», Гордер рассуждает о роли случайности, о воле рока в судьбе человека. Его герои, не сумевшие понять себя и друг друга, не сумевшие объясниться между собой, трагически погибают.

Сборник «„Диагноз" и другие новеллы» — безусловно, очень важный этап в становлении Гордера-писателя, никогда не переставшего быть мыслителем, философом и теологом. Книга, которую вы держите в руках, может рассматриваться как своего рода вступление к дальнейшему творчеству большого автора, в более поздних книгах возвратившегося к упомянутым выше темам, вопросам и идеям.

Феномен Юстейна Гордера сродни феномену Туве Янссон, знаменитой финляндской писательницы, величайшей сказочницы XX столетия. Именно она, прославившись как автор книг для детей, позже обратилась к взрослому читателю, подняв на недостижимую высоту тонкий психологизм, искренность и глубокую человечность творчества. Мы надеемся, что и книги Гордера — оригинального мыслителя и элитарного художника, — обращённые и к детям, и к взрослым, привлекут не меньшее внимание и заслужат настоящую читательскую любовь.

Людмила Брауде